Цитаты номера

Система ГЛОНАСС - это не дежурная система и создается не ради отдельных задач. Это система, которая будет внедрена во все сферы: области экономики, обороны и просто в интересах социальных слоев там, где это необходимо. Это не просто военные приборы, а навигаторы для личных автомобилей, может быть, для мусоросборников, для чего угодно. Главное - чтобы эта система через навигационное обеспечение помогала управлять транспортом, перемещаться, решать какие-то иные задачи вплоть до контроля мостов.

Сергей Пономарев

Выдвижение многочисленных планов ядерного разоружения и обсуждение их на межправительственных и неправительственных форумах сыграли и продолжают играть положительную роль. Во-первых, такие планы посылают важный сигнал правительствам и широкой международной общественности о необходимости принятия мер, ведущих к ликвидации ядерного оружия, и способствуют мобилизации общественного мнения в поддержку таких мер. Во-вторых, они создают благоприятную почву и определенный стимул для достижения промежуточных договоренностей по контролю над ядерными вооружениями, приближающих человечество к созданию мира, свободного от ядерного оружия.

Роланд Тимербаев

Руководители США и Советского Союза в период холодной войны на собственном горьком опыте научились ценить сотрудничество по ядерным вопросам лишь после того, как обе стороны способствовали распространению ядерного оружия по планете и подошли к опасной черте его применения. Будет весьма печально, если современные лидеры Соединенных Штатов и Российской Федерации позабудут тот урок и собственные совместные усилия по предотвращению гибели человечества в пожаре ядерной войны.

Уильям Поттер

Оставаясь на почве реализма, следует исходить, во-первых, из того, что крах КНДР не является неизбежным, во-вторых, что это не в наших национальных интересах (и не в интересах корейского народа в целом) и, в-третьих, что мы можем реально способствовать благоприятному развитию событий - конвенционализации КНДР и обеспечению ее внешней безопасности и внутренней стабильности. Представляется, что это и должно стать концептуальной основой российской политики в отношении нашего непростого соседа.

Георгий Толорая

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 1 (88), Том 15
ВЕСНА 2009
Журнал ПИР-Центра

SECURITY INDEX

Российский журнал о международной безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1 (88) 2009

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Роланд Тимербаев — ПУТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Сергей Пономарев — КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГЛОНАСС – КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА

Уильям Поттер — СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД *ХОЛОДНОГО МИРА*

Георгий Толорая, Владимир Хрусталев — СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: СТОИТ ЛИ ЖДАТЬ *КОНЦА*?

Александр Плугарев — ХИМИЧЕСКОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ РОССИИ И США: КТО ПОСЛЕДНИЙ?

Эльдар Касаев — ИРАК: ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ *ТРИАЛОГ*

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА, УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Триалог

Международный клуб *Триалог* – это:

- эксклюзивные информация и анализ в области актуальных проблем международной безопасности;
- непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

Чтобы предоставить членам Клуба факты из первых рук, на заседания приглашаются ведущие зарубежные и российские политики, эксперты и представители бизнес-сообщества.

Членство в Клубе (корпоративное или индивидуальное) обеспечивает:

- подписку на все издания ПИР-Центра;
- доступ к информационно-справочным ресурсам;
- приглашения на ежеквартальные заседания (в Москве и за рубежом);
- приглашения на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром.

Новый клубный сезон открывается в сентябре 2008 года!

Тел.: +7-495-987-1915 Факс: +7-495-987-1914
Email: trialogue@pircenter.org

Деньги – это средство обмена; либо они у тебя есть, либо их нет, – в остальном это не тема для разговора.

Макс Фриш

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 1

Научно-практический журнал ПИР-Центра (Центра политических исследований России)

Non multa, sed multum

Выходит четыре раза в год на русском и английском языках

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1 (88), Том 15
Весна 2009

Российский журнал о международной безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г. (с 1994 по 2006 г. выходил под названием «Ядерный Контроль»)

ISSN 1992-9242

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 2

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском языке (в феврале, мае, августе и ноябре) и четыре раза в год на английском языке (в марте, июне, сентябре и декабре). Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель
ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Ильдар А. Ахтамзян, к.и.н., консультант
Елена С. Гелескул, стажер
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Дарья М. Золина, стажер
Альберт Ф. Зульхарнеев, координатор Образовательных проектов
Юлия Г. Иванова, секретарь, библиотекарь
Наталия И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Ирина А. Котова, консультант
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., председатель Международного клуба *Триалог*, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Надежда Б. Теллер, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., председатель Совета Центра
Александра Ю. Токарева, координатор программ *Centre russe d'études politiques*
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами
Антон В. Хлопков, исполнительный директор Центра
Михаил В. Якушев, член Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 1 (88), Том 15
Весна 2009

Редакция
Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, помощник главного редактора [petelin@pircenter.org]
Дмитрий В. Поликанов, редактор международного издания [polikanov@pircenter.org]
Татьяна Ю. Котелкина, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Юлия Г. Иванова, секретарь
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:
Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Баку: Джангир Арасли
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Монтерей: Кристина Ханселл
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Стокгольм: Екатерина А. Степанова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация
Адрес для писем:
Россия, 119049, Москва,
4-й Добрынинский пер., д. 8
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-987-1915 (многоканальный)
Факс: +7-495-987-1914

Интернет-представительство: http://si.pircenter.org

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –
Centre russe d'études politiques – из Женевы: http://www.crep.ch
International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –
Centre russe d'études politiques: http://www.crep.ch

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и др.
- При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. №367-рп

Общий тираж российского и международного изданий 1400 экз. **Подписано в печать** 5 февраля 2009 г.
Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2009

PIRPRESS

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 3

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

7 р

В ДЕСЯТКУ

10 **О страхе и мечте**

ИНТЕРВЬЮ

11 **Сергей Пономарев: «Обеспечить конкурентоспособность ГЛОНАСС – вот ключевая задача»** – Заместитель руководителя Федерального космического агентства РФ С. А. Пономарев в интервью рассматривает вопрос о космической деятельности России, включая перспективы внутреннего развития и международного сотрудничества в сфере космических технологий. При этом особое внимание уделяется Глобальной навигационной спутниковой системе и возможностям ее всестороннего применения.

АНАЛИЗ

21 **Роланд Тимербаев. О путях движения к миру без ядерного оружия** – С момента создания ядерного оружия было разработано немалое количество конкретных планов его ликвидации под международным контролем, но ни один из них так и не был реализован. Автор анализирует причины, по которым ядерное оружие продолжает существовать, возможные пути ядерного разоружения и те проблемы, решение которых потребуется при создании мира, свободного от ядерного оружия.

25 **Уильям Поттер. Перспективы российско-американского сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия во времена *холодного мира*** – С распадом Советского Союза отношения в вопросах ядерного нераспространения между США и Россией не только не улучшились, но и утратили былую стабильность. По мне-

нию автора, сегодняшние лидеры Соединенных Штатов и России могут применить опыт тесного взаимодействия в ядерных вопросах в период холодной войны для наполнения сотрудничества на современном этапе. Автор анализирует те области, в рамках которых США и Россия могут совместно работать по решению вопросов нераспространения на взаимовыгодной основе. 41

Александр Плугарев. Уничтожение химического оружия: будут ли выполнены обязательства России и США к 2012 г.? – Невыполнение двумя крупнейшими обладателями запасов химического оружия требований Конвенции о запрещении химического оружия может нанести серьезный удар по ее авторитету и привести к значительному осложнению ситуации в области контроля над химическим оружием в XXI в. Автор статьи рассматривает перспективы России и США в эстафете химического разоружения и возможные сценарии дальнейшего развития событий. 55

Эльдар Касаев. Ирак: инвестиционный климат и интересы России – Несмотря на затяжной кризис, топливно-энергетический комплекс Ирака остается сегодня привлекательным объектом для инвестиций других государств, включая Россию. Автор оценивает инвестиционный климат Ирака с учетом интересов российских компаний, представляя ряд прогнозов и рекомендаций. 69

Программа развития элементов передового базирования ПРО США: технологические аспекты и возможное реагирование – Система стратегической стабильности в мире во многом определяется возможностями стратегических ядерных сил и противоракетной обороны ведущих государств. Каковы последствия размещения элементов американской системы ПРО США в Восточной Европе для стратегической стабильности, и каким может быть политическое реагирование России? Статья обобщает результаты ситуационного (учебного) анализа, проходившего в Институте международных отношений МИФИ. 83

П О Л Е М И К А

Георгий Толорая, Владимир Хрусталев. Будущее Северной Кореи: стоит ли ждать *конца*? – Уже два десятка лет вопрос о будущем КНДР продолжает оставаться предметом дискуссий на сотнях конференций и форумов, в научных изданиях и СМИ. С конца 1980-х гг. преобладающей была точка зрения о том, что нынешняя политическая система в Северной Корее исторически обречена. Насколько такая точка зрения верна, и каковы краткосрочные и долгосрочные перспективы развития северокорейского общества? Двое экспертов поднимают эти вопросы в своей дискуссии, обращаясь также к возможной роли России в будущем КНДР. 95

К О М М Е Н Т А Р И Й

Ирина Зуева. Dйja vu, или юбилейные *традиции* Балкан – Кто не извлекает уроков из истории, осужден на ее повторение. Автор проводит параллель между событиями, произошедшими на территории Балкан с разницей в 100 лет: аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией летом 1908 г. и односторонним провозглашением независимости Косово в феврале 2008 г. Эти события, по мнению автора, несмотря на разницу во времени и терминологии, имеют одинаковые основания и политические последствия. 105

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 5

Джонатан Фэнтон. Неправительственные организации в российско-американских отношениях – Президент Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров рассматривает роль негосударственных акторов в международных отношениях. В частности, автор иллюстрирует цели
111 и задачи деятельности Фонда Макартуров и его место в отношениях между Соединенными Штатами и Россией.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ: НОЯБРЬ 2008 – ЯНВАРЬ 2009

113 **Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за ноябрь 2008 – январь 2009: колебания в период ожиданий** – Реальность мирового экономического кризиса, очередной войны на Ближнем Востоке, обострения в Южной
114 Азии и тревожное ожидание непонятных перемен при минимальном влиянии символических встреч, обещающих, но пока безрезультатных деклараций и заявлений определяли динамику международной безопасности. Эти события комментируют члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Мариан **Абишева**, Дайан **Джаятиллека**, Абдулазиз **Сагер**, Евгений **Сатановский**, Константин **Эггерт**.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Мировая политика вступает в новую фазу – «Нынешний кризис, как это было и ранее, является предвестником и предпосылкой новой научно-технической революции (НТР), с соответствующим обновлением производственного аппарата
117 и обслуживающей его финансовой системы, прежде всего, банковского сектора. Она произойдет в начале будущего десятилетия в технологически развитых странах, а по своим масштабам и последствиям будет сопоставима с предыдущей НТР, совершившейся на рубеже 1980–1990-х гг. в результате разработки и массового внедрения информационных и компьютерных технологий».

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Мировая политика вступает в зону тумана – «Резкое усиление неопределенности в системе международных отношений, которое мы наблюдаем в последние
133 полгода, является как раз следствием развития реальной многополярности, в том числе и военно-политической, и ресурсной. И это само собой приводит к тому, что действия значимых участников системы международных отношений перестают подчиняться общепризнанным моделям и лекалам. Именно поэтому мы перестаем понимать, что происходит, а в действительности мы просто не знаем моделей и принципов, по которым развивается новый мир».

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

145 **Елена Гелескул. История ядерной программы Ливии: причины неудачи** – После произошедшего в Ливии в 1969 г. военного переворота и установления власти Муаммара Каддафи на протяжении последующих 30 лет Ливия активно стремилась заполучить ядерное оружие или, по крайней мере, создать атомную промышленность. Для чего Ливия создавала ОМУ? Удалось ли достичь существенных результатов? Почему Ливия отказалась от своих планов?

БИБЛИОТЕКА

153 **Геннадий Евстафьев. Обучение историей: Запад и ядерное оружие Пакистана** – Появление этой фундаментальной книги с весьма характерным заглавием неслучайно. Развитие внутриполитической ситуа-

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 6

ции в Пакистане подтвердило неуклонный рост нестабильности в этом ядерном государстве. С отставкой генерала Первеза Мушаррафа тенденция выглядит еще более тревожной.

157 **Евгений Петелин. Энергетика на грани войны и мира** – Каково значение энергетического фактора в формировании военной доктрины Китая? Каким образом энергетическая уязвимость КНР влияет на модернизацию армии? Выход данной монографии свидетельствует о том, что американское исследовательское сообщество уже вплотную подошло не только к анализу энергетической стратегии Китая как таковой, но и к исследованиям отдельных аспектов этой стратегии и ее влияния на такие самостоятельные сферы, как военная доктрина и морская стратегия КНР.

161 КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Елена Гелескул, Дарья Золина, Альберт Зульхарнеев, Сет Кинкейд – Сотрудники и стажеры готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

167 РЕДАКТОРУ

Натилия Калинина. Для Конвенции по запрещению химического оружия наступило время «ч».

173 SUMMARY

177 ОБ АВТОРАХ

183 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

186 КОНЕЦ. ЦИТАТЫ

О деньгах

187

197

Обл. III

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 7

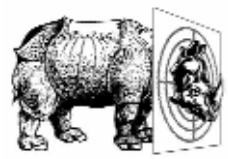
Можно.

Владимир Орлов

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 8

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 9

001-010_1_09.qxd 02.02.2009 13:36 Page 10



Необходим строгий контроль всей банковской системы, кредитования и инвестиций, необходимо положить конец спекуляциям с деньгами других людей и обеспечить адекватную, но твердую валюту <…>

Единственное, чего мы должны бояться, – это страх, смутный, неразумный, неоправданный ужас, парализующий усилия, которые мы должны приложить к тому, чтобы превратить отступление в наступление. <…> Налоги возросли, наша платежеспособность резко снизилась, администрация всех уровней столкнулась с серьезным урезанием доходов, средства обмена заморожены в торговых потоках, повсюду, словно засохшая листва, рассыпаны останки промышленных предприятий, фермеры не могут найти рынков сбыта для своей продукции, пропали многолетние сбережения тысяч семей. <…>

И все же наше бедственное положение происходит не от недостатка материальных средств. Природа продолжает приносить нам щедрые дары, а труды людей приумножают их. Изобилие находится на расстоянии вытянутой руки, но при этом мы не в состоянии воспользоваться им в полной мере.

Прежде всего потому, что те, кто руководит обменом продуктов человеческого труда, потерпели поражение из-за собственного упрямства и некомпетентности, признали свое поражение и умыли руки. <…>

Столкнувшись с невыплатой кредитов, они смогли предложить лишь еще большие кредиты.

Лишившись возможности приманивать людей прибылью, они прибегли к увещеваниям, слезно умоляя вернуть им прежние условия. Им известны лишь правила поколения корыстолюбцев.

У них нет мечты, а без мечты человек обречен…

Счастье заключается не просто в том, чтобы иметь деньги, а в радости, которую приносит достижение цели, в волнении, вызываемом творческими исканиями.

Нельзя больше забывать о радости и моральном стимулировании труда в безумной погоне за эфемерной прибылью. Эти мрачные дни окупят все лишения, выпавшие на нашу долю, если научат нас, что наша истинная судьба не в том, чтобы служить кому-то, а в том, чтобы служить самим себе и своим согражданам.

Франклин Делано Рузвельт

Инаугурационное обращение, 4 марта 1933 года

Сергей Пономарев

«ОБЕСПЕЧИТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГЛОНАСС – ВОТ КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА»

Заместитель руководителя Федерального космического агентства России Сергей Пономарев отвечает на наши вопросы[1].

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последние годы отечественная космическая деятельность осуществляется достаточно интенсивно. Верно ли такое впечатление? И если да, то чем объясняется такая активность? Возможно ли уже охарактеризовать первые результаты?

ПОНОМАРЕВ: Вы правы. Основа для такой активизации сформирована, в первую очередь, через существенное улучшение финансово-ресурсного обеспечения. Установленные в программных документах объемы финансирования реализуются полностью. Более того, установленный на предстоящие три года федеральный бюджет предполагает их определенное увеличение. Требуемые финансовые ресурсы получают такие направления, как пилотируемая космонавтика, развертывание Глобальной навигационной спутниковой системы, фундаментальные космические исследования.

Конкретные результаты космической деятельности России за последние годы можно охарактеризовать следующими показателями.

Страна сохраняет лидирующее положение в выполнении программ пилотируемых космических полетов и на мировом рынке услуг по запуску космических аппаратов. По итогам 2007 г. Россия осуществила 38% пусков ракет-носителей от общего количества в мире (для сравнения США – только 29%).

В 2007 г. прирост количества запущенных космических аппаратов составил 78%, в том числе по коммерческим проектам – в 2,7 раза. В течение года выведено на орбиту 48 космических аппаратов, в том числе 30 – по заказу других государств. Более значимые количественные результаты планируется получить по итогам 2008 г.: запуск более 50 космических аппаратов различного назначения, кроме военного.

В настоящее время сформирована устойчивая тенденция последовательного обновления отечественной орбитальной группировки и расширения ее возможностей. В частности, в 2007 г. впервые за последние 7 лет количественный состав группировки превысил 100 аппаратов.

В орбитальной группировке Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС) находится 16 космических аппаратов (12 – в оперативном использовании). В течение 2005–2007 гг. осуществлялось последовательное формирование орбитальной группировки этой системы. Всего запущено 12 космических аппаратов.

С 2006 г. эффективно функционирует отечественная система дистанционного зондирования Земли на основе космического аппарата *Ресурс-ДК*. Возможности этого аппара-

та (разрешение от 1 до 3 м) позволяют эффективно его использовать для нужд обеспечения обороноспособности страны.

Снижается аварийность при пусках космических ракет-носителей. Если в 2005 г. было три аварии ракет-носителей, то в 2007 г. только одна. За первое полугодие текущего года имеет место только один случай нештатной работы разгонного блока *Бриз-М*.

Устойчиво развивается международное сотрудничество России в сфере космической деятельности. Например, в прошлом году появилось дополнительно 13 межведомственных и 2 межправительственных соглашения. На порядок увеличено количество конструктивных совместных проектов. Необходимо отметить позитивную динамику и в финансовых поступлениях от международных проектов. За 2007 г. их объем увеличен на 9% (до 7 млрд в рублевом эквиваленте).

Немаловажным является то, что интенсивно развивается производственно-технологическая база космической деятельности – ракетно-космическая промышленность. Например, темпы прироста объема произведенной продукции достигли 15% и более чем в 2 раза превышают показатели по промышленности страны в целом. До единиц сокращено количество убыточных предприятий и имеющих признаки банкротства.

Таким образом, последствия системного кризиса в ракетно-космической отрасли страны, имевшего место в 1990-х гг., динамично ликвидируются. Предприятия набирают потенциал, обеспечивающий реализацию принципиально новых задач космической деятельности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте остановимся на международном сотрудничестве России в космической сфере. Как Вы прокомментируете строительство космодрома во Французской Гвиане, а также перспективы проекта *Морской старт* (*Sea Launch*)?

ПОНОМАРЕВ: На сегодня Россия плотно взаимодействует с США, Европейским космическим агентством и отдельно с такими странами, как Франция, Германия, Италия; среди партнеров также – ЮАР, Южная Корея, Индия, Китай; внутри СНГ – это Казахстан, Узбекистан, Украина, Белоруссия, Армения.

Есть, без сомнения, и ряд определяющих проектов. Проект создания космодрома в Гвианском космическом центре с участием России, которая поставляет туда технику типа *Союз* и стартовые комплексы, продвигается достаточно успешно и по графику. Каких-либо проблем в выполнении контрактов с нашей стороны на сегодня нет, и первая партия оборудования морским путем отправлена во Французскую Гвиану. Это один из наиболее интересных и крупных проектов, хотя много проектов связано с сотрудничеством, например, с Южной Кореей. Главное же направление сотрудничества – это эксплуатация Международной космической станции (МКС) [7 декабря завершился полет автоматического грузового корабля *Прогресс М-65* на МКС. На смену ему уже отправлен *космический грузовик* нового поколения – *Прогресс М-01М*, он является первым российским грузовым космическим кораблем с цифровой системой управления. – Ред.].

Морской старт – сугубо коммерческий проект. После неудачи в 2007 г., связанной с аварией ракеты на платформе, определенные проблемы, конечно, есть. На сегодня в реализации проекта *Морской старт* с российской стороны активно участвует корпорация *Энергия*. Без сомнения, этот проект будущее имеет и, самое главное, будет интенсивно использоваться через 3–4 года.

МОЩНОСТИ ИМЕЮТСЯ…

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что на сегодняшний день определяет нашу космическую политику? Каковы приоритеты развития космической отрасли в России?

ПОНОМАРЕВ: В апреле 2008 г. на заседании Совета безопасности Российской Федерации рассмотрены и утверждены Основы политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу. Фактически этот документ определяет космическую политику страны на современном этапе.

В развитии отечественной космической деятельности целесообразно выделить четыре приоритетных направления, согласующихся между собой.

Первый приоритет предполагает наращивание количественно-качественного состава орбитальных группировок космических аппаратов и эффективное использование их возможностей в интересах различных нужд страны: оборона и безопасность; наука; социально-экономическая сфера.

Следующий приоритет связан с обеспечением независимости космической деятельности России по всем задачам использования космического пространства.

Реализация третьего приоритета направлена на безусловное выполнение Российской Федерацией принятых международных обязательств в сфере космической деятельности и, в первую очередь, по Международной космической станции (МКС).

Есть еще один приоритет, предполагающий повышение интенсивности и результативности исследований планет и тел Солнечной системы, а также объектов за ее пределами. При этом главная задача – это расширение фундаментальных знаний об окружающем нас мире, поиск путей использования внеземных ресурсов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Имеются ли достаточные мощности для дальнейшего развития космической промышленности? Сможет ли ракетно-космическая отрасль *переварить* объем заказов, которые ожидаются в ближайшем будущем?

ПОНОМАРЕВ: Мощности имеются, причем проблема здесь не в количественном параметре заказов, а в том, чтобы отрасль смогла реализовать необходимые технологии, качество продукции, ее надежность.

ГЛОНАСС – ЭТО НЕ ДЕЖУРНАЯ СИСТЕМА…

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы перспективы реализации поставленных задач? Какое место в этом процессе занимает Глобальная навигационная спутниковая система (ГЛОНАСС)?

ПОНОМАРЕВ: В развитии возможностей отечественной орбитальной группировки космических аппаратов наступающий двухлетний период (2009–2010 гг.) должен стать переломным по причине планирования запуска целого ряда принципиально важных космических аппаратов. В частности, после 7-летнего перерыва будет возобновлено проведение фундаментальных космических исследований (космические аппараты *Коронас-Фотон* и *Спектр-Р*, *Фобос-Грунт*).

На порядок планируется увеличить возможности отечественной космической системы гидрометеорологического обеспечения (космические аппараты *Электро-Л* и *Метеор-М*).

Будут расширены состав и возможности космических средств дистанционного зондирования Земли. В 2010 г. планируется запуск аппарата *ДЗЗ* очередного поколения – *Ресурс-П*.

Принципиальное значение для задач обороны страны имеет развертывание и эффективное использование глобальной навигационной системы ГЛОНАСС. Данная космическая система находится в ведении Федерального космического агентства, являясь системой двойного назначения.

В настоящее время применительно к системе ГЛОНАСС все необходимые решения приняты. Основы финансово-ресурсного обеспечения завершения создания системы сформированы. Программы разработки и развертывания различных элементов системы в полной меры ясны.

Предполагается следующая динамика наращивания количественного состава и функциональных возможностей этой системы. Основной элемент системы – орбитальная группировка – достигнет требуемого состава в 24 космических аппарата в 2010 г.

В 2011 г. планируется завершить модернизацию всех средств наземного комплекса управления системой.

В ближайшие два с половиной года ожидается увеличение количества образцов навигационной аппаратуры потребителя более чем в 2 раза, оснащение навигационными средствами транспортной инфраструктуры – на 100%.

В настоящее время для нужд Министерства обороны РФ выпускается порядка 30 образцов навигационной аппаратуры потребителя. За период до 2012 г. в вооруженные силы планируется поставка около 60 тыс. комплектов навигационных средств.

Позитивная динамика в развитии системы ГЛОНАСС, космических средств связи и вещания, дистанционного зондирования Земли имеет определяющее значение для укрепления национальной безопасности страны, роста ее научного и экономического потенциалов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте мы возьмем две сферы деятельности, которые могут приносить какой-то доход: ГЛОНАСС и выведение на орбиту. С точки зрения непрофессионального наблюдателя, позиции России в области выведения на орбиту значительно более предпочтительные, чем позиции в области глобальной навигации и позиционирования. В связи с этим не имело бы смысл сконцентрировать ресурсы в той области, где позиции и так сильны, и отказаться от той сферы, где возможность конкурировать достаточно ограничена?

ПОНОМАРЕВ: На сегодня вес России в финансовом объеме мирового рынка космических услуг находится на уровне 7–8%. Основная часть этой доли обеспечивается за счет предоставления Россией услуг по запуску космических аппаратов. Действительно, в последние годы Россия выполняет почти половину всех запусков мира по коммерческим проектам. Но нельзя надеяться на интенсивный рост именно данного сектора рынка. Поэтому России нужно развивать совершенно другой тип услуг и возможностей. Без сомнения, это ГЛОНАСС, услуги по дистанционному зондированию Земли, связь и вещание, научные исследования. Поэтому сегодня главная задача – найти условия, которые обеспечат привлекательность именно данных услуг и их конкурентоспособность.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Принято ли принципиальное решение по ГЛОНАСС относительно целевой аудитории? Собираемся ли мы идти до уровня автомобиля, таксиста, рыбака, или это все же будет *нишевое* применение для целей безопасности, обороны, транспортной инфраструктуры и т.д.?

ПОНОМАРЕВ: Система ГЛОНАСС – это не дежурная система и создается не ради отдельных задач. Это система, которая будет внедрена во все сферы: области экономики, обороны и просто в интересах социальных слоев там, где это необходимо. Это не просто военные приборы, а навигаторы для личных автомобилей, может быть, для мусоросборников, для чего угодно. Главное – чтобы эта система через навигационное обеспечение помогала управлять транспортом, перемещаться, решать какие-то иные задачи вплоть до контроля мостов. Мы идем на применение ГЛОНАСС в самых широких сферах.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли специальный отдел, компания или департамент при Федеральном космическом агентстве, который занимается маркетингом ГЛОНАСС? Почему люди должны переходить с GPS на ГЛОНАСС – что их мотивирует?

ПОНОМАРЕВ: На сегодняшний день ряд ведомств федерального уровня получают свою сферу ответственности. В частности, за разработку и производство навигационных продуктов для автолюбителей будет отвечать Министерство промышленности и торговли. За Федеральным космическим агентством закрепляется координация работы по системе ГЛОНАСС в целом. В данной ситуации мы сегодня создаем внутри агентства специализированное управление, которое в том числе будет решать задачу маркетинга услуг системы ГЛОНАСС и соответствующих элементов. Для продвижения возможностей ГЛОНАСС мы очень предметно работаем в регионах. Более того, целый ряд предприятий именно ракетно-космической отрасли занимается если не рекламой,

то распространением среди различных потребителей. То есть мы надеемся, что объем проводимой работы поставит ГЛОНАСС в достойное положение по отношению к GPS, как на отечественном, так и на внешнем рынке.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какое место в космической деятельности России в перспективе будет занимать программа пилотируемых космических полетов? Какие задачи в связи с этим ставит перед собой руководство страны?

ПОНОМАРЕВ: Программа пилотируемых космических полетов в увязке с дальнейшей эксплуатацией МКС сохраняет одно из центральных мест в космической деятельности России. При этом задачи по развитию пилотируемой космонавтики вполне ясны.

Во-первых, это наращивание состава и расширение функциональных возможностей российского сегмента МКС. В ближайшие годы состав российского сегмента получит дополнительные 6–7 элементов для развертывания исследовательской базы и повышения энерговооруженности станции.

Во-вторых, это изыскание возможностей для продления срока эксплуатации МКС до 2020 г. Цель – максимально полное использование ресурса станции и создание условий для подготовки очередного этапа пилотируемой космонавтики в околоземном космическом пространстве и за его пределами.

В-третьих, это разработка перспективных пилотируемого и грузового транспортных кораблей как технической основы для реализации новых проектов в пилотируемой космонавтике. Планируемый срок завершения разработки – рубеж 2018 г. Еще одна задача связана с расширением программы исследований и экспериментов на МКС, повышением их прикладной значимости не только для фундаментальной науки, но и для конкретных задач экономики. С 2009 г. количество человеческих рук для выполнения этой программы прибавится. Планируется обеспечить постоянное пребывание на станции не менее шести человек, и в том числе три человека – российский экипаж.

В данной ситуации в течение 2009 г. программу посещений станции космическими туристами придется прекратить.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КОСМОС

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если взглянуть на проблему развития космической отрасли России с точки зрения национальной безопасности, какие проблемы и задачи для их преодоления можно обозначить?

ПОНОМАРЕВ: Одним из приоритетов в развитии отечественной космической деятельности является обеспечение ее независимости, а также создание условий для гарантированного доступа России в космическое пространство. Данный приоритет непосредственно связан с задачей укрепления основ национальной безопасности страны. Независимость космической деятельности России, обеспечение гарантированного доступа в космос определяются решением следующих основных задач.

Во-первых, это создание в пределах территории страны наземной космической инфраструктуры, достаточной по своим возможностям для решения всего спектра задач отечественной космической деятельности. *Во-вторых*, это развитие парка средств выведения на орбиту с приданием им возможности по запуску любых типов полезных космических нагрузок.

В интересах первой задачи планируется создание в Дальневосточном регионе (Амурская область) нового космодрома научного и социально-экономического назначения, способного в первую очередь реализовать программу пилотируемых космических полетов. На космодроме предполагается развертывание нового поколения космических ракетных комплексов, способных выводить все типы полезных нагрузок, и в том числе требуемых для крупномасштабных космических проектов будущего.

Именно развертывание новых средств выведения формирует необходимость создания космодрома, а не стремление ухода от проблем совместного с Республикой Казахстан использования уникального по своему расположению и возможностям космодрома *Байконур*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Возможны ли в перспективе альтернативы космодрому *Байконур*?

ПОНОМАРЕВ: На длительный период ему нет альтернативы. Кроме того, он имеет вполне определенную перспективу развития. Например, через реализацию российско-казахстанского проекта «Байтерек».

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Углубляясь в вопрос связи национальной безопасности и космоса, хотелось бы узнать, какое значение имеет развитие космической отрасли для обеспечения экономической безопасности России?

ПОНОМАРЕВ: В настоящее время руководством страны уделяется исключительно большое внимание использованию космической деятельности в интересах обеспечения экономической безопасности страны. Данная задача решается по следующим направлениям: повышение конкурентоспособности отечественных космических средств и *продвижение* их возможностей на мировой рынок космических услуг; совершенствование технологического потенциала ракетно-космической промышленности и обеспечение его независимости от зарубежных стран в реализации критических технологий; расширение использования космических средств в интересах социально-экономического развития страны. Последнее направление охватывает целый ряд сфер: управление транспортом; мониторинг различных природных факторов; предупреждение чрезвычайных ситуаций и др.

Экономическая безопасность как один из ключевых компонентов национальной безопасности страны во многом зависит от эффективности использования отечественных космических средств. Решению именно этой задачи уделяется в настоящее время постоянное внимание. Целый ряд федеральных ведомств, администрации большинства субъектов Российской Федерации развернули целенаправленную работу по использованию возможностей космических средств в экономическом и инновационном развитии регионов страны.

ИСКЛЮЧИТЬ КОСМОС В КАЧЕСТВЕ АРЕНЫ ПРОТИВОБОРСТВА…

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что в настоящее время все приоритеты перспективного развития отечественной космической деятельности в полной мере ясны. Программы их реализации намечены. При этом, рассматривая перспективы развития космической деятельности в России, хотелось бы, чтобы Вы прокомментировали фактор, связанный с активизацией в ряде стран мира работ по созданию средств противоспутниковой борьбы.

ПОНОМАРЕВ: Факт таких работ очевиден в Китае и США. Использование в США противоракеты морского базирования для поражения космического аппарата на низкой орбите (21 февраля 2008 г.) подтверждает формирование в перспективной системе противоракетной обороны территории США противокосмического потенциала. Не исключается разработка средств воздействия космического базирования.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как бы мы ни хотели обратного, гонка космических вооружений имеет место. Что должна, с Вашей точки зрения, предпринимать Россия в ответ на реально де-факто уже развернувшуюся гонку вооружений в космосе?

ПОНОМАРЕВ: В феврале 2008 г. Соединенными Штатами реализована попытка, используя противоракету типа *Standard*, поразить спутник на низкой орбите. Есть другие примеры того, что целый ряд стран ведут активные работы по созданию средств противоспутниковой борьбы. Для России это является определенной проблемой, поскольку длительный период российская орбитальная группировка не будет иметь из-

быточности по своему составу. Проблема защиты отечественной орбитальной группировки, исключения воздействия и помех со стороны других государств сегодня стоит достаточно остро. В этом плане наша главная задача – продвижение Договора о запрещении размещения оружия в космосе в той редакции, в которой это выгодно России сегодня. Первый этап – это сугубо политико-дипломатический, и только при его неудаче потребуется переход уже в военно-техническую сферу и создание конкретных средств защиты группировки либо воздействие на объекты других группировок. Но главное сегодня – это попытаться решить первую задачу, продвижение договора.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не лучше ли параллельно с переговорами продолжать развивать средства борьбы и обороны в космосе?

ПОНОМАРЕВ: Еще в Советском Союзе был создан мощнейший научно-технический задел в сфере противоспутниковой борьбы и противокосмической обороны. Мы его не потеряли на сегодняшний день.

Конечно, проблемы и общая озабоченность есть. Но в этой сфере есть два вида средств: средства защиты и нападения. Что касается защиты, над ней мы работать не переставали. На сегодня все аппараты, выводимые в космос, имеют ресурс защиты от любых видов воздействия. Я понимаю, что работу в этом направлении надо активизировать, но все опять же упирается в конкретные финансовые ресурсы, выделяемые, я подчеркиваю, по линии Министерства обороны, а не Роскосмоса.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Хотелось бы задать вопрос относительно аппарата *Ресурс ДК*, который обеспечивает и фотографическую съемку. Сейчас есть аппараты с открытым линком. Наш аппарат пока работает в интересах Российской Федерации. Условно говоря, любой человек в любой точке мира не может заказать или приобрести фотосъемку с разрешением 1 м того или иного участка Земли. Планирует ли Россия выходить на этот рынок услуг? Если планирует, то когда, и какие предполагаются услуги?

ПОНОМАРЕВ: Проблема связана, может быть, с несовершенством органов распространения этой информации, работающих на Земле. Это сама система, которая на Земле увязывает спутник, потребителя и передачу снимка того или иного формата. Конечно, сегодня ресурсы аппарата процентов на тридцать уходят под потребности Министерства обороны. Но задача использования аппарата для интересов зарубежных потребителей хоть и не основная, но очень важна. В отношении аппарата *Ресурс ДК* и в отношении последующих элементов системы *ДЗ* будут использованы принципы общемировые, а не те, которые будут делать ущербной эту систему.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если Россия выйдет на этот рынок, будут ли какие-то ограничения в части съемки? Поскольку известен пример американо-израильского соглашения, которое запрещает американским компаниям фактически продавать на открытом рынке фотоснимки с разрешением менее 2 м территории Израиля.

ПОНОМАРЕВ: Насколько мне известно, в плане использования возможностей аппарата *Ресурс ДК* Россия не вынашивает какие-либо правовые ограничения по использованию информации за рубежом. Более того, в попытке продвинуть возможности аппарата за рубеж мы проводили переговоры, насколько мне известно, с ОАЭ, Бразилией, Индией и рядом других государств, включая и государства СНГ. В рамках допустимых разрешений и видов изображений специальных искусственных ограничений не проводим.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В России сегодня остро стоит кадровая проблема, как, например, в области атомной энергетики. В частности, проблема разрыва поколений и то, что в какой-то момент, до начала реструктуризации, атомный комплекс подошел к ситуации, когда почти не осталось специалистов, которые могли бы передавать свой опыт, и некому было его перенимать. Как обстоит дело с кадрами в ракетно-космической отрасли? Предпринимаются ли какие-то меры для улучшения ситуации?

ПОНОМАРЕВ: Проблема старения кадрового потенциала сегодня в ракетно-космической отрасли, безусловно, есть. Вместе с тем тенденция притока молодых специалистов на сегодня устойчивая, хотя, может быть, по объемам пока нас и не устраивающая. Самое главное, что текучесть кадров, в том числе среди молодых специалистов, сегодня снижается. Для привлечения и, самое главное, закрепления молодых инженеров, ученых и иных работников существует система дополнительных пособий, грантов и иных форм поддержки. Надеюсь, что кризис именно в привлечении молодых специалистов мы прошли. Проблема есть, но она на сегодня не так остра, и, самое главное, все пути ее разрешения видны.

Примечание

[1] Интервью подготовлено на основе выступления С.А. Пономарева на заседании Международного клуба *Триалог*, организованном ПИР-Центром 16 июля 2008 г.

Роланд Тимербаев

О ПУТЯХ ДВИЖЕНИЯ К МИРУ БЕЗ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В последнее время оживился интерес к проблеме ядерного разоружения, к поискам путей движения в сторону мира, свободного от ядерного оружия, но открытого для развития использования атомной энергии на благо людей. В немалой степени этот интерес подогревается неотложной задачей укрепления режима ядерного нераспространения, особенно в преддверии Конференции по ДНЯО 2010 г.

Ядерное разоружение, ликвидация ядерного оружия – давняя сокровенная мечта человечества – если не всего, то, безусловно, его подавляющего большинства. Со времени создания атомной бомбы и даже еще до того, как она была изготовлена, лучшие умы уже задумывались о том, что это страшное оружие массового поражения должно быть уничтожено под международным контролем. Те, кто стоял у истоков разработки и производства атомной бомбы, – Нильс Бор, Лео Сцилард, Роберт Оппенгеймер и др.– уже в 1943–1945 гг. выдвинули идею установления международного контроля над атомной энергией, под которой понималась *система международных мер, направленных на контролируемое исключение использования открытия внутриядерной энергии как орудия войны и во вред человечеству*. И своей самой первой резолюцией, принятой в январе 1946 г., Генеральная Ассамблея (ГА) ООН учредила Комиссию ООН по атомной энергии, которой поручалось разработать предложения «относительно исключения из национальных вооружений атомного и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения»[1].

С тех пор было разработано немалое количество конкретных планов ликвидации ядерного оружия под международным контролем, но ни один из них так и не был реализован по тем или иным причинам, главная из которых – отсутствие подлинного желания у тех стран, которые уже обзавелись этим оружием, расставаться с ним и стремление некоторых неядерных государств присоединиться к *ядерному клубу*. Появилась теория, что ядерное оружие является *сдерживающим средством*, необходимым для поддержания международной и региональной стабильности. К этому мы еще вернемся.

Напомним читателю о наиболее известных из планов ядерного разоружения: доклад Ачесона–Лилиенталя от марта 1946 г.[2]; план Баруха от июня того же года; советские предложения по запрещению атомного оружия от июня 1946 г. и по международному контролю от июня 1947 г.; предложения Н.С. Хрущева о всеобщем и полном разоружении от сентября 1960 г.; заявление СССР и США о согласованных принципах для переговоров по разоружению (заявление Зорина–Макклоя) от сентября 1961 г.; заключительный документ специальной сессии ГА ООН по разоружению от июня 1978 г.; программа разоружения комиссии под председательством Улофа Пальме от апреля 1982 г.; заявление М.С. Горбачева о программе полной ликвидации ядерного оружия от января 1986 г.; решение о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения, принятое на Конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО в мае 1995 г.;

доклад Канберрской комиссии об уничтожении ядерного оружия от августа 1996 г.; решение обзорной Конференции по ДНЯО от мая 2000 г. о 13 практических шагах по разоружению; доклад Комиссии по оружию массового уничтожения под председательством Ханса Бликса от июня 2006 г. и др.

Из самых последних предложений назовем призывы к созданию мира без ядерного оружия, прозвучавшие в статьях американских политических деятелей Джорджа Шульца, Генри Киссинджера, Уильяма Перри и Сэма Нанна, опубликованных в *Уолл-стрит Джорнэл* в январе 2007 г. и в том же месяце 2008 г. В сентябре 2008 г. по инициативе правительств Австралии и Японии создана международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению под председательством бывших министров иностранных дел этих стран Гарета Эванса и Иорико Кавагучи, которая приступила к разработке своих предложений в контексте подготовки к обзорной Конференции по ДНЯО 2010 г. В декабре 2008 г. развернулась широкая международная кампания в пользу мира без ядерного оружия (*Nuclear Zero*), которую поддержали политические и общественные деятели многих стран.

Несмотря на отсутствие значительного реального прогресса в достижении заявленных целей, выдвижение упомянутых и многочисленных других планов ядерного разоружения и обсуждение их на межправительственных и неправительственных форумах, тем не менее, сыграли и продолжают играть положительную роль. Во-первых, такие планы посылают важный сигнал правительствам и широкой международной общественности о необходимости принятия мер, ведущих к ликвидации ядерного оружия, и способствуют мобилизации общественного мнения в поддержку таких мер. Человечество должно знать, что имеются и возможности, и намерения избавить его навсегда от ядерной угрозы. Во-вторых, они создают благоприятную почву и определенный стимул для достижения промежуточных договоренностей по контролю над ядерными вооружениями, приближающих человечество к созданию мира, свободного от ядерного оружия.

И за последние десятилетия такие первые шаги в направлении ограничения и сокращения ядерных вооружений хоть и с трудом, но все же были сделаны. Это – договор 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой; договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.; договор между СССР и США об ограничении систем ПРО 1972 г. (прекратил действие из-за выхода из него США); «пороговые» договоры между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и мирных ядерных взрывов 1974 и 1976 гг.; договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.; договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г.; договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (в силу еще не вступил, но мораторий на ядерные испытания соблюдается); договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. За последнее время некоторые сокращения ядерных вооружений самостоятельно, вне международных договоренностей (как это предусматривается ст. VI ДНЯО), были проведены Великобританией и Францией.

Каковы же, в общих чертах, результаты всей этой многолетней и многотрудной работы, которая проходила под лидерством двух основных ядерных держав – СССР/РФ и США? Ликвидирована под обоюдным контролем целая категория средств доставки ядерных боеголовок – ракет средней и меньшей дальности в пределах 500–5500 км, правда, только у этих держав, у некоторых других государств такое оружие имеется и создаются новые его виды. Существенно сократились ядерные арсеналы: если на пике холодной войны в середине 1980-х гг., по оценкам специалистов, насчитывалось 70 тыс. единиц ядерного оружия, то к настоящему времени их число снизилось до 25,5 тыс.[3]. К 2012 г., когда завершится действие Московского договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, количество ядерного оружия у США и РФ может еще дальше уменьшится. С середины 1990-х гг. действует мораторий на ядерные взрывы (хотя ДВЗЯИ и не вступил в силу), и поэтому не проводятся натурные испытания новых видов ядерного оружия. Но ограничений на усовершенствование средств доставки (для США и РФ в рамках действующих соглашений) не имеется.

С другой стороны, серьезный удар по перспективам дальнейшего движения по пути разоружения нанесли выход администрации Джорджа Буша из договора по ПРО и планы создания района ПРО в Восточной Европе. Возникли трудности с поддержанием международного режима ядерного нераспространения. ДНЯО базируется на четком понимании, что между разоружением и нераспространением существует неразрывная связь, закрепленная в самом договоре. Отсутствие реальных мер в области ядерных сокращений тормозит процесс дальнейшего укрепления этого режима, появились новые вызовы его существованию. Отсутствие дальнейших мер в области сокращения ядерных вооружений может привести к провалу обзорной Конференции по ДНЯО 2010 г., как это имело место на последней такой Конференции в 2005 г.

Возникает законный и неотвратимый вопрос: как идти дальше к миру без ядерного оружия, каковы перспективы прогресса в этом направлении, какие трудности стоят на предстоящем пути и как можно было бы их преодолеть? Настоящая работа содержит некоторые соображения на этот счет и отнюдь не является попыткой предложить всеобъемлющую программу достижения поставленной цели.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ШАГИ

Дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений РФ и США

В соответствии с существующей договоренностью между Соединенными Штатами и Россией в декабре 2009 г. прекращается действие договора 1991 г. о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), в котором содержится согласованная система транспарентности и взаимных инспекций, позволяющая обеспечивать должную предсказуемость действий сторон в области стратегических ядерных вооружений. Таким образом, после 2009 г. Московский договор 2002 г. перестанет быть контролируемым, что поставит под сомнение реальность полноценного, необратимого и транспарентного функционирования этого договора до истечения его срока в 2012 г. Более того, встанет во весь рост и более широкий вопрос о перспективах ядерного разоружения.

Между сторонами в течение нескольких последних лет проходили довольно вялые консультации относительно дальнейших шагов в данной области и даже время от времени делались многообещающие заявления и, как сообщалось, имели место обмены конкретными проектами, но к реальным результатам стороны не пришли. Учитывая, что до истечения срока действия договора СНВ-1 остаются считанные месяцы, что следовало бы предпринять в остающееся время?

Наилучшим решением было бы попытаться подготовить новый договор о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений, если это реально осуществимо до декабря 2009 г. Многое, конечно, будет зависеть от того, как скоро администрация Барака Обамы будет к этому готова. В крайнем случае, хотя бы подготовить и согласовать основные параметры нового соглашения, о чем объявить до открытия Конференции по ДНЯО 2010 г.

При этом было бы желательно, чтобы новый договор не только содержал положения о транспарентности – по-видимому, в более облегченном виде, чем сейчас, поскольку обе стороны выражали недовольство чрезмерной обременительностью и излишней интрузивностью некоторых из действующих правил. С точки зрения необходимости поступательного движения по пути дальнейших сокращений крайне важно еще до истечения срока действия Московского договора, устанавливающего предельные уровни оперативно развернутых стратегических боеголовок в пределах 1700–2200 единиц, предусмотреть в новом договоре более низкие уровни – скажем, порядка 1300–1500 единиц.

Такого рода договоренность не внесла бы сколько-нибудь принципиальных изменений в уровень нынешней геостратегической стабильности, но в то же время продемонстрировала бы всему миру, что обе основные ядерные державы продолжают идти по линии ядерных сокращений. Сам факт возобновления серьезных переговоров о новом договоре, а еще лучше – предварительная договоренность о некоторых основных параметрах

будущего договора были бы добрым предвестием накануне Конференции по ДНЯО 2010 г.

Разумеется, должен быть в обоюдно удовлетворительной форме решен вопрос относительно планов США по созданию третьего позиционного района ПРО в Восточной Европе. Возможно, одним из подходов к решению была бы идея создания *глобальной* ПРО с участием не только США и России, но и некоторых других государств. Это могло бы создать благоприятные условия и для более успешного движения в дальнейшем в направлении *глобального* ядерного разоружения.

Вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний

Другим важным шагом, не терпящим больше отлагательства, должно стать вступление в силу ДВЗЯИ, который был разработан еще в 1996 г. Нынешний мораторий на ядерные взрывы – при всем его положительном значении – все же не является надежным и устойчивым препятствием для исключения появления новых видов ядерных боезарядов. Договор не запрещает и допускает принятие его участниками мер по поддержанию надежности и безопасности существующих ядерных боезарядов, что само собой разумеется, пока ядерное оружие продолжает существовать. Но в США нет-нет да возникают предложения военно-промышленных кругов и национальных атомных лабораторий о целесообразности разработки тех или иных новых видов оружия – вроде *прочного ядерного боеприпаса заглубляющего типа* (RNEP) или *надежно замещающего боеприпаса* (RRW).

Вступление в действие договора, число участников которого приближается к 150 и включает Россию, Великобританию и Францию, зависит от присоединения к нему только девяти стран – США, Китая, Индии, Пакистана, Израиля, КНДР, Ирана, Индонезии и Египта. В первую очередь это должны бы, уж во всяком случае, сделать Соединенные Штаты, которые в свое время были в числе инициаторов подготовки договора, а также Китай. Эти две державы давно подписали договор, но до сих пор его не ратифицировали.

При рассмотрении договора в американском Сенате в конце 1990-х гг. основным аргументом против него была якобы *неадекватность* предусматриваемого в нем контроля. Однако авторитетные независимые комиссии экспертов (одна возглавляемая генералом Джоном Шаликашвили, другая назначенная Национальной академией наук США) убедительно доказали надежность контрольной системы ДВЗЯИ (которая в значительной мере уже функционирует). Да и практика соблюдения действующего моратория на ядерные взрывы тоже подкрепляет уверенность в том, что контроль не может быть препятствием для эффективности договора[4].

Вступление ДВЗЯИ в силу во многом, конечно, будет зависеть от того, какую позицию займут администрация Барака Обамы (новый президент США в ходе предвыборной кампании уже высказывал свое положительное отношение к ДВЗЯИ) и демократическое большинство американского Сената. КНР, как можно предполагать, ожидает решения Вашингтона и в случае ратификации договора американцами вряд ли сможет и дальше затягивать свое присоединение к нему. Но было бы полезно, чтобы Китай сделал это даже раньше, что может подтолкнуть и американцев к ускорению принятия решения о ратификации.

Остаются еще некоторые страны, поименно перечисленные в ДВЗЯИ, без присоединения которых к договору он вступить в силу не сможет.

Хотелось бы надеяться, что правительство Индии после недавнего заключения соглашения с США по мирному использованию атомной энергии и предоставления этой стране Группой ядерных поставщиков благоприятных условий для сотрудничества в атомной области с развитыми в этой сфере государствами, в том числе с Россией, Францией и др., подпишет и ратифицирует ДВЗЯИ. В этом случае и Пакистан также, наверное, присоединится к договору. Вне договора останется лишь небольшое число государств, упомянутых выше, которым нелегко будет и дальше затягивать свое присоединение, оставаясь в полной изоляции перед лицом международного сообщества.

МЕРЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В интересах дальнейшего укрепления международного режима нераспространения ядерного оружия, требующего постоянного, повседневного внимания к себе правительств и международной общественности, было бы важно в первую очередь подвести черту под теми озабоченностями, которые имеют место по поводу ядерных программ КНДР и Ирана.

В том, что касается **КНДР**, то между властями США и этого государства диалог относительно его ядерной программы продолжается, и, как заявил на последней сессии ГА ООН генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Эльбарадей, между ними достигнута договоренность о верификационном протоколе, позволившем инспекторам Агентства возобновить проверку ядерных установок в Ненбене. Гендиректор выразил надежду, что будут созданы условия для скорого возвращения КНДР в ДНЯО и возобновления Агентством применения всеобъемлющих гарантий в Северной Корее[5].

Ситуация в отношении **Ирана,** являющегося участником ДНЯО, складывается таким образом, что МАГАТЭ имеет возможность осуществлять проверку *заявленного* ядерного материала в этой стране. Однако Агентство все еще не в состоянии получить полную картину относительно *незаявленных* ядерных материалов и *незаявленной* ядерной деятельности в Иране, в частности, как заявил гендиректор МАГАТЭ на сессии ООН, Агентство не добилось существенного прогресса в отношении тех возникающих вопросов, которые могут относиться к возможным военным аспектам иранской ядерной программы. Эльбарадей призвал Иран выполнить все меры транспарентности, чтобы создать уверенность в том, что его ядерная программа носит исключительно мирный характер[6].

Иран в свое время подписал Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, позволяющий проверять и *незаявленную* ядерную деятельность, и в течение некоторого времени соблюдал его положения, не ратифицируя, однако, протокол. Но некоторое время тому назад он отказался дальше соблюдать его положения.

В первую очередь было бы важным, чтобы Иран ратифицировал и присоединился к Дополнительному протоколу. Но главная суть проблемы Ирана заключается в том, что он создает довольно крупное производство по обогащению урана в Натанзе, вызывающее большую озабоченность у многих стран. ДНЯО признает (в соответствии со ст. IV), неотъемлемое право всех государств заниматься использованием атомной энергии в мирных целях. Однако у многих из них возникают сомнения относительно исключительно мирного характера иранской деятельности по обогащению, и Совет Безопасности ООН неоднократно принимал решения о необходимости приостановки такой деятельности, но иранское правительство отказывается их выполнять, ссылаясь на свое право заниматься мирной ядерной деятельностью. У Агентства имеются еще ряд нерешенных вопросов в отношении иранской ядерной программы, о чем генеральный директор заявил в Совете управляющих МАГАТЭ 27 ноября 2008 г.[7]. Как все-таки можно было бы сдвинуть с мертвой точки решение остающихся проблем?

Пойдет ли Иран на отказ или на строго контролируемое ограничение своей обогатительной программы? Сомнительно, но исключать этого нельзя. Многое будет зависеть от того, удастся ли основным заинтересованным государствам, прежде всего Соединенным Штатам, договориться с Ираном по всему комплексу проблем, волнующих как Иран, так и другие страны этого региона, в том числе вопросам региональной безопасности. Ввиду малой эффективности нынешних методов переговоров представляется, что было бы полезно попытаться сформировать новый многосторонний форум для переговоров и консультаций, в рамках которого США и Иран имели бы возможность вступить в *прямой* непосредственный диалог. В таком форуме участвовали бы пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, Германия, представитель ЕС, Иран, а также та страна, которая взяла бы на себя организацию переговоров. Предпочтительнее всего было бы, чтобы такую роль взяло на себя одно из государств, прилегающих к данному региону, например, Азербайджан, если руководство этой страны проявит к этому готовность.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА РАСЩЕПЛЯЮЩИХСЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) существенным образом способствовало бы укреплению режима нераспространения и явилось бы дальнейшим осязаемым шагом на пути к миру без ядерного оружия. Учитывая сложность данной проблемы, начинать процесс переговоров о ЗПРМ можно и нужно, не откладывая дела и не дожидаясь осуществления изложенных выше первоочередных шагов.

В середине 2008 г., по оценкам Международной группы по контролю за расщепляющимися материалами (IPFM), общемировые запасы высокообогащенного урана достигали 1670 т плюс-минус 300 т, а плутония – 500 т, половину которого составляет гражданский и объем которого постоянно растет и будет и дальше возрастать[8].

Еще в 1990-е гг. четыре из пяти официально признанных ядерных держав объявили о добровольном прекращении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Только Китай такого заявления не сделал.

В 1993 г. ГА ООН *единодушно* приняла резолюцию в пользу разработки недискриминационного многостороннего и контролируемого договора о ЗПРМ[9], а затем Конференция по разоружению утвердила мандат для переговоров и создала соответствующий специальный комитет для таких переговоров. Однако до сих пор этот комитет не может приступить к работе ввиду того, что некоторые страны, в частности Китай, связывают начало переговоров с требованием об одновременном начале переговоров по некоторым другим вопросам разоружения. Осложняется дело и тем, что администрация Джорджа Буша в 2006 г. отказалась поддерживать необходимость *контролируемого* запрещения, а некоторые страны (Египет, Пакистан) ставят вопрос о том, чтобы одновременно с ЗПРМ была рассмотрена проблема уничтожения *накопленных запасов* расщепляющихся ядерных материалов.

Что касается контроля за ЗПРМ, то упомянутой резолюцией ГА ООН 1993 г., принятой, кстати говоря, по инициативе администрации Билла Клинтона, не только обозначалась необходимость контроля, но и предлагалось, чтобы помощь в этом деле была оказана Международным агентством по атомной энергии.

Упомянутая выше международная группа специалистов по контролю за расщепляющимися материалами (IPFM) после тщательного изучения проблемы опубликовала в октябре 2008 г. доклад, в котором пришла к выводу, что контроль следует возложить не на какой-нибудь новый верификационный орган, а именно на МАГАТЭ. Для этого, разумеется, нужно будет существенно расширить инспекционный аппарат Агентства и увеличить бюджет, но «расходы будут незначительными в сравнении, например, с расходами на производство атомной энергии». Что касается «возникающих технических проблем контроля за договором о ЗПРМ, то они поддаются решению»[10].

В ходе переговоров, помимо проблем контроля и накопленных запасов, неизбежно встанет вопрос и о том, с какого уровня обогащения следует устанавливать предполагаемый запрет. Очевидно, что производство оружейных ядерных материалов должно быть безусловно запрещено. Но как быть с расщепляющимися материалами меньшей степени обогащения, используемыми не только в реакторах военных кораблей (подлодках, крейсерах, авианосцах), но и гражданских судов (например, ледоколах)? Тем более, что различные государства применяют расщепляющийся материал разной степени обогащения.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу http://pircenter.org/view/disarmament

Несмотря на все указанные трудности, проблема ЗПРМ требует неотложного внимания и заинтересованного рассмотрения. Главное здесь, повторим, начать переговоры и сделать это как можно скорее, во всяком случае до открытия Конференции по ДНЯО 2010 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОКРАЩЕНИЯ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

При поиске путей движения к миру без ядерного оружия необходимо будет найти решение немалой сложности вопроса о том, как, когда и на каком этапе к процессу сокращения ядерных вооружений присоединятся все государства, располагающие ядерным оружием. Следует напомнить, что статья VI ДНЯО обязывает *всех* участников договора вступить в переговоры о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении, а не только какие-нибудь отдельные страны.

По сравнению со многими тысячами боеприпасов, которые накопили Россия и США, другие ядерные государства располагают значительно меньшими запасами. По оценке специалистов, Франция располагает 300 единицами, Китай – 240, Великобритания – 185, Израиль – 80, Пакистан – 60 и Индия – 50. Считается, что у КНДР может быть около 10 единиц, правда, неизвестно, в какой степени готовности[11]. Но все они должны будут принять участие в построении мира без ядерного оружия.

Малые, если только так можно их назвать, ядерные державы, прежде всего Китай, обычно ссылаются на то, что вначале сокращения должны осуществить две основные ядерные державы, но до какого уровня? Франция и Великобритания, как считается, несколько сократили свои ядерные арсеналы, но сделали это не на основании общих договоренностей и к тому же бесконтрольно.

В Великобритании общественность страны выражает глубокую озабоченность планами правительства по переходу на новое поколение американской баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) *Трайдент* и по модернизации чуть ли не всего арсенала боеголовок для этой ракеты, происходящей, как сообщают средства массовой информации, «при полном отсутствии транспарентности»[12].

И во Франции также отсутствует транспарентность в области ядерных вооружений, хотя президент страны Николя Саркози, объявляя в марте 2008 г. о предстоящем принятии на вооружение новой межконтинентальной ракеты *M51*, и пообещал, что Франция «может и должна стать более транспарентной в отношении своего ядерного арсенала, чем кто-либо еще»[13].

Спрашивается, когда же эти державы выразят готовность сесть за стол переговоров, как того требует ДНЯО?

Хотя Индия, Пакистан и Израиль не являются членами этого договора и формально не несут на себе обязательства по участию в переговорах о ядерном разоружении, моральная ответственность в этом отношении на них, безусловно, лежит, да и как без них можно двигаться к миру без ядерного оружия.

Прежде всего, было бы крайне важно, как уже отмечалось, чтобы Индия и Пакистан присоединились к ДВЗЯИ и проявили активность в решении проблемы запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Ведь, по данным Международной группы IPFM, только Индия, Пакистан и, возможно, Израиль продолжают производить оружейные ядерные материалы[14].

Хотя Израиль официально не признает, что он обладает ядерным оружием, широко известно, что он таким оружием располагает. Важно, чтобы и эта страна проявила должную активность и конструктивность в способствовании продвижению вперед в вопросах контроля над ядерными вооружениями, в частности ратифицировала бы ДВЗЯИ, обозначила позитивное отношение к запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

У США и России пока также нет готовых рецептов, как могли бы выглядеть уровни ядерных вооружений всех ядерных государств, скажем, на первом этапе общей программы сокращений, а потом и на последующих. Две наиболее могущественные ядерные державы, понятно, должны нести главное бремя сокращений, особенно на первых порах, в ходе первых этапов. Но на соответствующих этапах движения к безъядерному миру к

этому процессу должны примкнуть и все остальные государства, располагающие ядерными вооружениями.

Сокращения должны будут распространяться не только на стратегические, но и на нестратегические ядерные вооружения. Россия и США в соответствии с односторонними инициативами 1991–1992 гг. осуществили ряд серьезных мер в области таких сокращений и ограничений[15]. Все ядерное оружие России находится в пределах ее национальной территории, а США сохраняют несколько сот авиационных ядерных бомб свободного падения на территории ряда западноевропейских государств.

Естественно, что сокращения должны будут охватить и средства доставки ядерного оружия *всех* государств. Одной из основ для общей договоренности мог бы стать договор между СССР и США о ликвидации под адекватным контролем целого класса ракет (договор 1987 г. о РСМД), который полностью и успешно выполнен, но продолжает оставаться в силе бессрочно в целях исключения возобновления производства запрещенных ракет.

Предусмотренные договором о РСМД правила ликвидации ракет и контроля за этим процессом и проведения соответствующих инспекций могли бы быть в дальнейшем использованы и при разработке мер контроля на более поздних этапах движения по пути ядерного разоружения.

Мировое сообщество должно и дальше поощрять усилия государств по формированию в различных регионах мира зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), что также способствовало бы движению к безъядерному миру. ЗСЯО не только юридически закрепляют полностью безъядерный статус соответствующих регионов, но и обеспечивают неприкосновенность такого статуса, исключая применение против территорий, входящих в зоны, ядерного оружия и отводя угрозу его применения. ЗСЯО уже созданы в Латинской Америке (по договору Тлателолко), в южной части Тихого океана (по договору Раратонга), в Африке (по договору Пелиндаба), в Юго-Восточной Азии (по Бангкокскому договору), в Центральной Азии (по Семипалатинскому договору). К сожалению, не все эти договоры полностью вступили в силу. Кроме того, Монголия объявила свою территорию свободной от ядерного оружия. Существует также договор об Антарктике, запрещающий любую военную деятельность на этом необитаемом континенте.

К ВОПРОСУ О ЯДЕРНОМ СДЕРЖИВАНИИ

На определенном этапе движения к миру без ядерного оружия придется всерьез подумать над тем, как быть с проблемой так называемого ядерного сдерживания. Довольно многие люди, главным образом имеющие отношение к ядерному оружию и к вопросам военной стратегии, полагают, что это оружие служит необходимым фактором ядерного сдерживания и поддержания международной и региональной стабильности и в этом смысле даже играет положительную роль. Хотя сдерживание, как всеми признается, основано на взаимном гарантированном уничтожении (mutual assured destruction – MAD), оно достаточно прочно вошло в современный политический лексикон и в военно-политическую стратегию ряда государств и многими без больших колебаний рассматривается как приемлемая форма существования цивилизации.

Можно ли смиренно соглашаться с таким тезисом? На этот счет возникают глубокие сомнения, особенно при поисках путей движения и, в еще большей мере, приближения к безъядерному миру.

Эти сомнения основываются прежде всего на том, что, *во-первых*, фундаментом мировой стабильности и международной и региональной безопасности признается оружие, и не просто оружие, а оружие огромной разрушительной силы, способное уничтожить все живое на Земле. Достойно ли человечество такой печальной участи и не заслуживает ли оно лучшей судьбы? *Во-вторых*, может ли кто-либо, будучи в здравом рассудке, дать абсолютную гарантию, что ядерное оружие никогда не будет пущено в ход? *В-третьих*, в истории человечества между государствами и группами государств время от времени возникали и возникают конфликты, притом вооруженные, которые влекут

за собой многотысячные и даже миллионные жертвы. Может ли ядерное оружие предотвратить или *сдержать* такие конфликты? И, наконец, существует угроза применения ядерного оружия террористами, хотя бы и в качестве так называемой *грязной бомбы*.

На это можно ответить, что вот уже свыше 60 лет как существует ядерное оружие, оно не применялось и горячих *больших* войн не было. Да, это так, но, несмотря на наличие *ядерного сдерживающего средства*, *малых* войн было предостаточно, они ведутся и в данный момент, и в их горниле погибли и продолжают гибнуть миллионы людей, большинство из которых мирные граждане.

Имеется еще один фактор, диктующий продвижение в сторону мира без ядерного оружия, – фактор человеческий. Происходят – и нередко – весьма печальные и потенциально крайне опасные инциденты, связанные с поддержанием безопасности ядерного оружия и обеспечением его полной сохранности. О таких инцидентах не раз сообщали средства массовой информации, в том числе и в последнее время.

Да и вообще, ведь именно человек, в конце концов, должен принимать решение о применении ядерного оружия. Возьмет ли кто-либо на себя ответственность пустить в ход это страшное оружие даже в самой критической ситуации? Нет ли тут какой-то мифологизации роли этого оружия и реальности его воздействия на решение возникающих между государствами конфликтов[16]?

Человечество должно существовать и развиваться, находясь не на бочке с порохом, а на гораздо более надежном и благоприятном для своей дальнейшей эволюции фундаменте. Хотелось бы верить в то, что поиски путей движения к миру без ядерного оружия приведут к решению и этой задачи. Человеку дано многое, и со временем он будет в состоянии выполнить и эту поистине историческую миссию.

О СВЯЗИ МЕЖДУ ЯДЕРНЫМИ И ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

В былые годы не раз ставился вопрос о всеобщем и полном разоружении, что включало бы уничтожение не только ядерных, но и обычных видов вооружений. Как представляется, однако, вряд ли реально рассчитывать на то, что одновременно с ликвидацией ядерного оружия можно было бы сразу решить и проблему обычного оружия.

Но при поиске путей движения к безъядерному миру с большой долей уверенности можно сказать, что придется учитывать существование и возможное развитие некоторых видов обычного оружия, и в частности высокоточных стратегических средств доставки, рассчитанных на использование обычных боезарядов.

В Соединенных Штатах серьезно рассматривается вопрос о разработке и испытании боеголовок с обычными зарядами для БРПЛ *Трайдент*, которые «давали бы президенту альтернативу использованию ядерного оружия для нанесения быстрого удара по любому объекту в мире». Как сообщалось в американской печати, Конгресс пока затягивает финансирование этой программы, выделив, впрочем, 200 млн долл. на исследование такого рода концепции. В Конгрессе при этом высказывались опасения, что «другие страны, как, например, Россия или Китай, не будут в состоянии различить, оснащены ли ракеты *Трайдент* обычными или ядерными боеголовками, и могут принять их запуск за начало ядерной войны». Группа авторитетных специалистов, включавшая бывшего командующего STRATCOM'ом генерала Юджина Хэбигера, бывшего директора Ливерморской лаборатории Джона Фостера, проф. Ричарда Гарвина и др., провела изучение этой проблемы и в целом высказалась в том плане, что «польза перевешивает риск»[17].

Бывший министр обороны США (в период администрации Джимми Картера) Гарольд Браун высказал мысль о том, что возможности США проецировать свое могущество в области обычных вооружений и озабоченность других стран тем, что оно может быть использовано для запугивания, нападения или смены режимов, повышает интерес к ядерному оружию как к *уравнивающему* потенциалу и к средству сдерживания превосходства США в обычных вооружениях[18].

Чтобы облегчить решение возникающих в связи с этим потенциальных проблем, Джордж Перкович из Фонда Карнеги за международный мир и английский физик Джеймс Эктон считают, что «эвентуальный проект запрещения ядерного оружия может иметь успех только в том случае, если он будет сопровождаться изменениями в более широких отношениях в военной сфере, которые убедили бы государства, которые сейчас полагаются на ядерное сдерживание, что ядерное оружие не потребуется для сдерживания крупномасштабных военных вмешательств»[19].

В том, что касается России, то ей, конечно, нужно будет радикально повысить боеспособность своих обычных вооруженных сил, прежде всего в качественном отношении. Тот же вопрос стоит и перед некоторыми другими государствами. Наряду с этим, видимо, встанет проблема принятия Соединенными Штатами определенных ограничений в отношении планов развития своих вооруженных сил – в частности переоснащения межконтинентальных ракет на обычные боезаряды.

Это – непростые для решения вопросы, с которыми раньше не приходилось сталкиваться, но ведь и вся проблема поисков путей движения к безъядерному миру является неизведанной задачей, но задачей, требующей общеприемлемого ответа. При доброй воле всех заинтересованных сторон хотелось бы надеяться, что и эта проблема найдет свое решение.

КАК ПРИБЛИЗИТЬСЯ К МИРУ БЕЗ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Наверное, это самый сложный вопрос. Ведь государствам, особенно ядерным и наиболее крупным, придется во многом перестроить свое нынешнее мышление. От каких-то привычных представлений отказаться, найти новые пути удовлетворения своих потребностей в сырье, рынках и т.п., не полагаясь более на силу, тем более ядерную. Сейчас трудно представить, как это произойдет, но очевидно, что этот процесс будет и долгим, и мучительным, особенно для наиболее мощных государств мира.

И, тем не менее, следует уже сейчас попытаться хотя бы в самых общих чертах наметить некоторые из возможных путей приближения к безъядерному миру.

Одна из проблем состоит в том, что количество ядерного оружия у одних стран и у других резко различается по объему. Если Россия и США располагают многими тысячами единиц ядерных боезарядов – по мнению экспертов, примерно 95–97% мировых ядерных арсеналов, то у других стран сейчас насчитывается несколько сот или даже десятков ядерных боезарядов. Как, по какому принципу и какими этапами обеспечить планомерное и размеренное сокращение – вплоть до нуля, удовлетворительное для всех заинтересованных государств и учитывающее необходимость сохранения международной и региональной стабильности до конца процесса и после его завершения?

Государства имеют законное право иметь полную гарантию того, что все другие участники добросовестно выполнили свои обязательства по соглашению и не уклоняются более скрытно от его соблюдения. Ведь сохранение у кого-нибудь даже самого минимального количества оружия могло бы радикально изменить соотношение сил в мире и привести к пагубным и непредсказуемым последствиям. Отсюда необходимость иметь полную «страховку» от такого развития событий – то, что в США называют *hedging*.

Большую сложность представляет и разработка системы международного контроля за сокращением ядерных вооружений и средств их доставки. Определенный опыт в этом отношении мировым сообществом уже накоплен: правила мониторинга на двусторонней (РФ–США) основе выполнения договоров о РСМД и СНВ-1; многосторонняя система верификации исполнения договора ДВЗЯИ, который хотя и не вступил в силу, но система проверки этого договора в значительной мере создана и каких-либо сомнений в соблюдении моратория на ядерные взрывы не возникало; всеобъемлющая система гарантий МАГАТЭ вместе с дополнительным протоколом 1997 г.

Ряд государств в состоянии пользоваться так называемыми национальными средствами контроля – главным образом, наблюдением за происходящим на Земле с помощью

искусственных спутников, эффективность которых уже сейчас весьма высока, а в будущем еще больше увеличится. Не следует ли подумать над тем, как получаемые некоторыми космическими державами данные могли бы быть использованы для международной системы проверки выполнения соглашения о разоружении? МАГАТЭ уже сейчас пользуется для осуществления своих гарантийных функций данными космических наблюдений, предоставляемыми Агентству отдельными странами.

Но и этого, конечно, будет недостаточно. Придется либо создавать совершенно новую систему контроля за ядерным разоружением, либо строить ее на базе уже существующей. По-видимому, разумнее всего взять за основу систему гарантий МАГАТЭ, доказавшую свою работоспособность в сфере, определенной Уставом Агентства и решениями его органов, и подкрепить ее такими дополнительными мерами, которые могут потребоваться, включая существенное расширение своего инспекционного аппарата и самый широкий доступ международных наблюдателей к тем местам, которые будут необходимы для обеспечения выполнения соглашения.

Система гарантий Агентства имеет и то преимущество, что с ее помощью международное сообщество имеет возможность следить за тем, чтобы ядерные материалы, используемые в мирной ядерной деятельности, не переключались на недозволенные цели. Ведь и после создания мира без ядерного оружия атомная энергетика и другие применения атомной энергии для мирного назначения будут и дальше развиваться и расширяться, человечество и впредь будет в них нуждаться и с точки зрения удовлетворения потребностей в энергии, и для медицинских и иных гражданских целей, и для сохранения экологического равновесия на планете. Напомним и о том, что МАГАТЭ в начале 1990-х гг. обеспечило надлежащее наблюдение за осуществлением ядерного разоружения Южной Африки, что свидетельствует об определенных возможностях Агентства в области контроля за ядерным разоружением.

В качестве еще одной дополнительной меры по усилению контроля, возможно, потребуется рассмотреть вопрос о создании специальных вооруженных сил ООН на справедливой географической основе и под эгидой Совета Безопасности ООН для наблюдения за тем, как выполняется соглашение, особенно в самых ключевых местах, связанных с производством, хранением и уничтожением ядерного оружия.

Нами были выделены здесь только некоторые проблемы, решение которых потребуется при поисках путей движения к миру без ядерного оружия, – проблемы, которые просматриваются сегодня. Естественно, что при дальнейшем рассмотрении возникающих задач возникнут и другие вопросы, по-видимому, даже еще более сложные. Но идти по этому пути нужно, это неотвратимая потребность. Ныне многие критикуют договор о нераспространении ядерного оружия за то, что постоянно возникают сложности с его выполнением. Скажем, как выразился поэт, *с последней прямотой*: такие трудности будут возникать и в дальнейшем – до тех пор, пока человечество не займется всерьез решением вопроса о создании мира, свободного от ядерного оружия.

Примечания

[1] Резолюция ГА ООН 1(I) от 24 января 1946 г.

[2] Имеется авторитетное свидетельство о том, что основным автором этого плана был Роберт Оппенгеймер – отец американской атомной бомбы.

[3] Status of World Nuclear Forces. FAS, http://www.fas.org/programs/ssp/nukes/nukestatus.html (последнее посещение – 13 января 2009 г.).

[4] Аргументы в пользу ДВЗЯИ приводятся в статье авторитетного американского специалиста по ядерному оружию Ричарда Гарвина. См.: Richard L. Garwin. A Different Kind of Complex: The Future of U.S. Nuclear Weapons and the Nuclear Weapons Enterprise. *Arms Control Today*. December 2008.

[5] Statement to the Sixty-Third Regular Session of the United Nations General Assembly by IAEA Director General Dr. Mohamed ElBaradei on October 28, 2008, http://www.iaea.org.

[6] Ibid.

[7] Statement to the Board of Governors by IAEA Director General Dr. Mohamed ElBaradei on November 27, 2008, htpp://www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2008/ebsp2008n013.html (последнее посещение – 13 января 2009 г.).

[8] Global Fissile Material Report 2008, http://www.fissilematerials.org.

[9] Резолюция ГА ООН A/RES/48/75L от 16 декабря 1993 г.

[10] Ibid.

[11] Status of World Nuclear Forces. FAS, http://www.fas.org/programs/ssp/nukes/nukestatus.html (последнее посещение – 13 января 2009 г.).

[12] *Disarmament Diplomacy*, # 88, Summer 2008, p. 27–39.

[13] *Disarmament Diplomacy,* # 87, Spring 2008, p. 12–13.

[14] Global Fissile Material Report 2008. http://www.fissilematerials.org.

[15] По оценке Федерации американских ученых, Россия сократила количество нестратегического ядерного оружия до 2000 ед., а США до 500 ед. См.: Status of World Nuclear Forces. FAS, http://www.fas.org/programs/ssp/nukes/nukestatus.html (последнее посещение – 13 января 2009 г.).

[16] В связи с этим следовало бы обратить внимание на исследование, подготовленное американскими специалистами в 1996 г., в котором анализируются случаи, когда Вашингтон рассматривал возможность применения ядерного оружия, но воздержался от этого: корейская война 1950–1953 гг., конфликт между КНР и Тайванем 1958 г., Карибский кризис 1962 г., война на Ближнем Востоке 1973 г., советское вторжение в Афганистан в 1979–1987 гг. и целый ряд других. (William Yengst, Stephen Lukasik and Mark Jensen, Nuclear Weapons that Went to War (NWTWTW), DNA-TR-96–25, draft final report sponsored by the U.S. Defense Special Weapons Agency and Science Applications International Corp., October 1996, unclassified – http://www.npec-web.org/NWTWTW). Весьма интересную статью под заголовком «Миф о ядерном сдерживании» опубликовал журнал *The Nonproliferation Review*, издаваемый Монтерейским институтом международных исследований (The Myth of Nuclear Deterrence. *The Nonproliferation Review.* November 2008. Vol. 15. Number 3. P. 421–439).

[17] *Washington Post*, August 16, 2008.

[18] Harold Brown. New Nuclear Realities. *Washington Quarterly*, Winter 2008, p. 7–22.

[19] George Perkovich and James M. Acton. Abolishing Nuclear Weapons. *Adelphi Paper* 396, 2008. P. 24–26.

Уильям Поттер

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ВО ВРЕМЕНА *ХОЛОДНОГО МИРА*[1]

Мои первые работы о сходствах и различиях в подходах Москвы и Вашингтона к решению задач ядерного нераспространения вышли более четверти века тому назад. Тогда, на самом пике холодной войны, я удивился необыкновенной близости позиций при решении этих задач, а также весьма плотному взаимодействию двух идеологических противников, соперничавших в военной сфере. После внимательного изучения природы такого сотрудничества у меня появилась надежда, что из него можно вынести такие уроки, которые пригодятся и в других сферах взаимодействия сверхдержав.

При подготовке этой статьи я перечитывал собственные строки тех времен и особенно изумился, припомнив две главы из книги 1985 г., редактором которой был ваш покорный слуга. Одна из них принадлежит перу С.И. Кисляка, в то время молодого второго секретаря Постоянного представительства СССР при ООН. Он писал о том значении, которое советская сторона придавала повышению эффективности системы гарантий МАГАТЭ (в том числе и всеобъемлющих), а также о важной для целей нераспространения роли жесткого регулирования экспорта ядерных материалов и технологий через усиление национального законодательства и многосторонние руководящие принципы ядерного экспорта, о важной с точки зрения Советского Союза роли Конвенции о физической защите ядерного материала, о вкладе советской стороны в дело предотвращения ядерного конфликта путем добровольного обязательства не применять такое оружие первой, равно как и о том, что «в современном мире альтернативы ДНЯО не существует»[2]. Признавая неизбежное противоречие между стремлением к использованию мирного атома и потенциальным его применением в военных целях, С.И. Кисляк увидел предпосылки к развитию международных услуг в области полного ядерного цикла и отметил, что Советский Союз поддерживает создание региональных центров по оказанию подобных услуг под контролем МАГАТЭ[3].

Перенесемся на два десятилетия вперед: теперь можно поразмыслить, насколько актуальными остаются многие из вышеупомянутых перспектив на сегодняшний день и какие из них могут получить поддержку нового посла России в Соединенных Штатах Америки – господина С.И. Кисляка.

Все в той же книге 1985 г. есть глава и под моим авторством с заголовком «Совместные усилия США и СССР для поддержания режима нераспространения». В той работе я отметил неожиданное сближение политики как Советского Союза, так и США в области нераспространения и контроля за экспортом ядерных материалов и технологий, а также постоянное их взаимодействие даже в период значительных сложностей в двусторонних отношениях (к примеру, после ввода советских войск в Афганистан), причем как при демократической, так и при республиканской администрации в Белом доме. Такое сотрудничество выражалось в проведении ряда многосторонних международных форумов, в том числе в рамках обзорного процесса ДНЯО, заседаний Совета управляющих

и Генеральной конференции МАГАТЭ, Комитета Цангера и Лондонского клуба ядерных поставщиков, а также Международной программы по оценке ядерного топливного цикла (INFCE). Кроме того, с середины 1970-х и до конца 1980-х гг. дважды в год проводились регулярные двусторонние консультации по вопросам нераспространения на уровне послов.

В этой главе я также отметил, что возможности развития совместных усилий во многом давались ценой политических уступок, равно как и то, что благоприятные условия для продвижения сотрудничества в этой области не могут длиться вечно. Говоря конкретнее, я указывал на возможность менее осмотрительного подхода к вопросам экспорта со стороны Советского Союза в случае, если экономические факторы начнут превалировать над идеями нераспространения или если советское руководство придет к мысли о неизбежности распространения ядерного оружия, которое невозможно предотвратить и которым в лучшем случае можно лишь управлять. Я писал, что и в том, и в другом случае определяющим фактором для советской политики станет позиция по вопросам нераспространения, которую займут Соединенные Штаты и другие западные поставщики ядерных материалов: «В особенности в условиях натянутых отношений между сверхдержавами действия США, хотя бы внешне направленные на ослабление режима нераспространения, могут подтолкнуть руководство Советского Союза к переоценке сильных и слабых позиций собственной внешней политики, основной линией которой на данный момент является строгий контроль за экспортом ядерных материалов и технологий наравне с системой международных гарантий, <…> [что приведет] к пересмотру курса в пользу более активного выхода на рынки поставок ядерных материалов и технологий в силу политических и экономических предпосылок». В работе также отмечалось, что «США и их западным союзникам важно усиливать советскую позицию по вопросам нераспространения своим собственным примером»[4].

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИКЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Я привел два мнения, составленные в 1980-е гг., чтобы подчеркнуть факт сотрудничества между Вашингтоном и Москвой, которое сложилось задолго до распада Советского Союза и основывалось на трезвом расчете и взаимных интересах. Также хотел бы привлечь внимание читателя к иным факторам, помимо состояния двусторонних отношений, имеющим прямое отношение к возможному продолжению такого сотрудничества.

Если сравнить состояние американо-советских и американо-российских отношений в 1980-е гг. и в 2008 г. соответственно, сразу бросается в глаза весьма неровная динамика сотрудничества Вашингтона и Москвы в период после распада Советского Союза. За прошедшую четверть века в заявлениях о сотрудничестве в области ядерного нераспространения, несомненно, прослеживается значительная преемственность. Кроме того, заметны и реальные результаты такой совместной работы уже в постсоветский период, самым значительным из которых стала Совместная программа уменьшения ядерной угрозы: в рамках нее многое было сделано для повышения безопасности российских ядерных арсеналов и материалов. Сотрудничество принесло и другие плоды: неограниченное продление режима ДНЯО, денуклеаризация Северной Кореи, возвращение высокообогащенного урана из стран советского блока в рамках Глобальной инициативы по снижению ядерной угрозы. Однако во многих достаточно важных аспектах размах сотрудничества после окончания холодной войны снизился, хотя начиналось оно задолго до последних событий в Грузии и планов по развертыванию элементов системы ПРО в Восточной Европе. Столь резкие колебания политического курса указывают на все более различное восприятие угрозы как Россией, так и США, а также на разные их стратегии в области нераспространения, в том числе и на относительно высокий приоритет международных экономических, военных и юридических инструментов политики, используемых для противодействия воспринимаемой угрозе распространения, равно как и на снизившееся влияние сторонников сотрудничества двух стран в этой области, причем как в Вашингтоне, так и в Москве. Складывается впечатление, что и в США, и в России превалирует максимально гибкий подход к вопросам собственной ядерной полити-

ки, даже если при этом приходится жертвовать серьезными инициативами в области противодействия распространению ядерного оружия.

Помимо прочего, отсутствие стимулов к расширению сотрудничества с американской стороной, особенно очевидное при Джордже Буше-младшем, усугубляется растущей популярностью гипотезы относительно того, что распространения ядерного оружия избежать не удастся, когда развивается представление о существовании условно *хороших* и условно *плохих* стран, распространяющих ядерное оружие и материалы, когда появляется идея о применении разных стандартов в этой области к отдельным странам, когда кажется, что многосторонние механизмы недостаточно эффективно борются с этой угрозой, и когда растет уверенность, что соображения региональной безопасности с лихвой перекрывают опасность глобального распространения ядерных вооружений.

Хотя данные тенденции или превалирующие в обществе взгляды наиболее очевидно проявляются в США, можно заметить их распространение и среди российского руководства. Собственно говоря, вскоре США и Россия могут прийти к похожим взглядам на ядерные вооружения и принципы их распространения, которые, однако, будут скорее мешать, чем способствовать сотрудничеству двух стран в борьбе с ним. Последним и самым ярким примером такого явления может послужить активное соучастие США и России в оказании давления на членов Группы ядерных поставщиков, которые не горели желанием снимать с Индии твердо установленные ограничения на экспорт ядерных материалов и технологий.

Вышеприведенный случай представляет собой попытку доказать, что американо-российское сотрудничество в области нераспространения после окончания холодной войны было зачастую куда более ограничено, чем можно было заключить по итогам встреч глав государств, однако он также показывает, что определенная череда событий, кульминацией которой стал конфликт в Грузии, вывела на первый план ряд важных вопросов о сходстве и различиях в российских и американских интересах безопасности и о том, насколько сотрудничество в области нераспространения продолжает отвечать взаимным интересам двух стран.

К примеру, некоторые российские исследователи предположили, что Кремль не просто теряет доверие к США, но и рассматривает их как источник мировой нестабильности[5]. В то же время Россия теперь усилила роль ядерного щита в рамках собственной политики безопасности и не делает больше упор на центральную роль отношений с США для гарантирования безопасности и стратегической стабильности государства. При таком подходе сокращение ядерных арсеналов, к которым призывали Джордж Шульц, Сэм Нанн, Генри Киссинджер и Уильям Перри, не только маловероятно, но и нежелательно. Более того, с учетом текущего внешнеполитического курса России потребуется больше усилий на развитие отношений с другими странами, многие из которых жаждут заполучить ядерное оружие. Аналогичных взглядов придерживаются и некоторые американские чиновники, которые сегодня как никогда воспротивились идее сотрудничества с Россией в области продления действия юридически обязательных соглашений о контроле над вооружениями, поддержки мер Совместной программы уменьшения ядерной угрозы, обещания не применять ядерное оружие первым, а также иного снижения роли ядерных вооружений в национальной политике безопасности США.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

С учетом неровной динамики сотрудничества между Вашингтоном и Москвой за последние 20 лет в деле обеспечения ядерного нераспространения и в свете дальнейшего охлаждения отношений после конфликта в Грузии, какие же имеются реальные перспективы в краткосрочном плане по поддержанию текущего сотрудничества и расширению его на новые сферы? Многое будет зависеть от того, насколько удастся сохранить хладнокровный подход – а этого гарантировать не может никто. Тем не менее, я считаю, что есть, по крайней мере, девять областей сотрудничества, в рамках которых США

и Россия могут совместно работать по решению вопросов нераспространения на взаимовыгодной основе. Ниже представлен их краткий список.

Продолжение регулярных консультаций по вопросам нераспространения в обычном порядке. В отличие от консультаций на высоком уровне, проводившихся дважды в год начиная с середины 1970-х до конца 1980-х гг., в настоящее время отсутствуют регулярные переговоры, в ходе которых американские и российские представители высокого ранга могли бы обсудить широкий круг связанных с ядерным распространением вопросов. Хотя такие консультации и не гарантируют практического сотрудничества при решении сложных проблем распространения, отсутствие подобных регулярных встреч не способствует обмену информацией и проведению скоординированной политики.

Сотрудничество в обеспечении гарантий нераспространения чувствительных технологий ядерного топливного цикла путем создания региональных ядерных центров. США и Россия признают наличие рисков распространения ядерных вооружений по мере того, как все большее число стран будет получать доступ к технологиям ядерного топливного цикла. Остается неясным, насколько отношение к региональным ядерным центрам со стороны как Соединенных Штатов, так и России будет определяться идеями нераспространения либо же соображениями экономической выгоды: к примеру, насколько Международный ядерный центр в Ангарске и ему подобные смогут убедить в своей привлекательности страны, к которым в данный момент в области нераспространения имеются некоторые вопросы. Хотя пока такие страны, ради которых и разрабатывалась система топливных гарантий, и не проявляют особенного интереса к международным ядерным центрам, такой подход к решению проблемы имеет известные преимущества и заслуживает совместной поддержки Россией и США.

Совместные усилия по расширению системы гарантий МАГАТЭ. Обе стороны в рабочем порядке подписали Дополнительный протокол с МАГАТЭ в качестве стандарта международных гарантий, однако достаточно сильно затянули внутреннюю реализацию данного стандарта (а в случае с США Дополнительный протокол так пока и не вступил в силу). Соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере между США и Индией нисколько не улучшило ситуацию, так как доказывает, что США и Россия готовы закрыть глаза на вопросы нераспространения в пользу собственных экономических интересов. Тем не менее, обе стороны скорее всего смогут расширить сотрудничество в области укрепления системы гарантий МАГАТЭ, в особенности если Россия увеличит свой незначительный взнос в размере 125 млн долл. в регулярный бюджет для осуществления гарантий МАГАТЭ (в настоящий момент взнос России составляет лишь 1,1% общего бюджета, в то время как США вносят 25%, а Япония– 19%).

Содействие вступлению в силу ДВЗЯИ. Вероятность того, что администрация Джорджа Буша изменит свою позицию и США ратифицируют Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), отсутствует полностью. Перспективы ратификации ДВЗЯИ со стороны Соединенных Штатов выглядят уже гораздо лучше в свете скорого прихода новой администрации во главе с Бараком Обамой, в особенности если учитывать и значительно возросшее представительство Демократической партии в Сенате. Совместная поддержка ДВЗЯИ со стороны и США, и России будет весьма символична и практически наверняка приведет к его ратификации китайской стороной. Остается надеяться, что пересмотр Москвой своего отношения к договорам по контролю над ядерными вооружениями не приведет к пересмотру и роли ДВЗЯИ как раз тогда, когда одумается Вашингтон.

Борьба с ядерным терроризмом. Хотя США и Россия придерживаются различных взглядов относительно возможности ядерных терактов и степени опасности их различных видов – а большинство российских официальных лиц делятся более скептическими высказываниями, чем их американские коллеги, относительно наличия у террористов возможности получить доступ и изготовить пусть даже простейшую ядерную бомбу – интересы двух стран сходятся в деле предотвращения попадания расщепляющихся и иных радиоактивных материалов к негосударственным структурам. И Соединенные Штаты, и Россия в особенности настороженно относятся к риску совершения ядерных актов ис-

ламскими террористами. И поэтому можно представить себе более глубокое сотрудничество в таких областях, как выполнение резолюции 1540 Совета Безопасности ООН, сокращение применения высокообогащенного урана в атомной энергетике, а также развитие Глобальной инициативы по снижению ядерной угрозы. К сожалению, несмотря на постоянные встречи глав государств и звучащие в ходе них заявления, ситуация им полностью противоречит: маловероятен прогресс на таком важном участке, как обмен разведывательной информацией относительно незаконной торговли ядерными технологиями и материалами.

Продление действия существующих соглашений и добровольные обязательства. Российская сторона усилила критику ряда существующих двусторонних соглашений с США по контролю над ядерными вооружениями, и американские чиновники из администрации Джорджа Буша выразили свои сомнения относительно некоторых имеющихся договоренностей. Еще до конфликта в Грузии Москва подчеркивала важность продления действия основных положений СНВ-1 и Договора о СНП, но Вашингтон тогда тянул время. После прихода в Белый дом новой администрации роли, вероятнее всего, поменяются. Еще хуже складывается ситуация в тех областях, где пока нет формализованных международных договоров. В частности, это касается президентских инициатив по нестратегическому ядерному оружию от 1991–1992 гг. Будет сложно сблизить взгляды России и США на плюсы и минусы этих мер, равно как и Договора о РСМД. Но все же имеются основания полагать, что новая администрация Барака Обамы сможет убедить партнера в необходимости хотя бы краткосрочного продления действия СНВ-1 и Договора о СНП на время продолжения переговоров о долгосрочном решении проблемы сохранения мер верификации.

Сотрудничество в рамках пятерки постоянных членов СБ ООН. Если двустороннее взаимодействие затруднено, можно совместно разрабатывать согласованные меры по вопросам нераспространения в рамках пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН. Этот механизм отлично работает в ходе обзорного процесса ДНЯО, а перед Обзорной конференцией 2000 г. совместное заявление пятерки позволило снять с повестки дня конференции один из самых сложных вопросов – о системе ПРО. Интересно отметить, что, хотя пятерка и не смогла принять согласованного заявления перед не оправдавшей надежд Обзорной конференцией 2005 г., в ходе сессии Подготовительного комитета обзорной конференции в 2008 г. удалось выработать общую позицию, которая станет отличной отправной точкой для развития подходов на будущее, по мере приближения Обзорной конференции 2010 г.

Развитие совместной системы ПРО. Предложения о развертывании элементов ПРО в Польше и Чехии являются, пожалуй, самым острым и притом абсолютно ненужным источником трений в американо-российском взаимодействии по вопросам нераспространения. Россия реагирует остро потому, что так или иначе воспринимает эти усилия как часть более масштабной и долгосрочной программы по снижению собственного потенциала ядерного сдерживания, вне зависимости от того, насколько данное понимание верно. А ненужными эти усилия являются потому, что даже если ПРО заработает так, как задумано – а вот тут есть большие сомнения, – нет совершенно никакой срочности, чтобы разворачивать эти элементы сейчас, когда угроза в лучшем случае лишь только зарождается. И хотя конфликт в Грузии снизил вероятность того, что представители Демократической партии в Конгрессе задержат выделение финансирования на развертывание ПРО, предложение экс-президента В.В. Путина о совместной разработке такой системы все же содержит в себе полезную схему для дискуссий о сотрудничестве в области ПРО, а потому к нему следует прислушаться.

Плотная работа над проблемой расширения НАТО. Хотя данная проблема формально и не относится к вопросам нераспространения, перспектива дальнейшего расширения Альянса, а особенно вступление в него Грузии и Украины, вызывает наибольшее раздражение обеих сторон в американо-российских отношениях, что, скорее всего, приведет к опасной конфронтации. Если появится возможность снять этот фактор, сотрудничество между США и Россией не только в области нераспространения, но и по широкому кругу международных проблем можно в значительной степени улучшить. Не следует

полагать, однако, что победа кандидата от Демократической партии на президентских выборах в США непременно приведет к выработке нового компромиссного решения проблемы расширения НАТО, но перспективы такого решения, безусловно, лучше, чем если бы победил кандидат-республиканец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководители США и Советского Союза в период холодной войны на собственном горьком опыте научились ценить сотрудничество по ядерным вопросам лишь после того, как обе стороны способствовали распространению ядерного оружия по планете и подошли к опасной черте его применения. Будет весьма печально, если современные лидеры Соединенных Штатов и Российской Федерации позабудут тот урок и собственные совместные усилия по предотвращению гибели человечества в пожаре ядерной войны. Полагаю, что так думаю не только я, но и посол С.И. Кисляк.

Примечания

[1] Первая редакция данной статьи была подготовлена в рамках Гштаадского процесса, состоявшегося в Гштааде, Швейцария, 25–26 сентября 2008 г.

[2] Kislyak Sergey I. A Soviet Perspective on the Future of Nonproliferation. The Nuclear Suppliers and Nonproliferation: International Policy Choices. By Rodney W. Jones, Cesare Merlini, Joseph F. Pilat, and William C. Potter. Lexington, MA: Lexington Books, 1985. P. 211–218.

[3] Ibid. P. 216.

[4] Potter William C. U.S.-Soviet Cooperative Measures for Nonproliferation. The Nuclear Suppliers and Nonproliferation: International Policy Choices. By Rodney W. Jones, Cesare Merlini, Joseph F. Pilat, and William C. Potter. Lexington, MA: Lexington Books, 1985, P. 14.

[5] См., напр.: Орлов В.А. Российско-американские стратегические отношения после грузинского кризиса: *брак по расчету* или *счастливый развод*? Доклад к заседанию Группы разработки стратегии в области нераспространения при Монтерейском институте международных исследований в Монтерее, Калифорния (20–21 августа 2008 г.).

Александр Плугарев[1]

УНИЧТОЖЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ: БУДУТ ЛИ ВЫПОЛНЕНЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИИ И США К 2012 Г.?

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (далее Конвенция или КЗХО), подписанная в 1993 г., является одним из наиболее эффективных механизмов в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Одним из основных критериев успешности выполнения КЗХО является уничтожение объявленных странами запасов химического оружия в отводимые сроки, а именно в течение 10 лет с момента вступления Конвенции в силу (29 апреля 1997 г.) с возможностью продления этого срока максимально еще на 5 лет, т.е. до 2012 г.[2].

За время, прошедшее с момента ратификации Конвенции, шесть государств официально объявили о наличии у них химического оружия: Албания, Индия, Ливия, Россия, США и не названное по его просьбе *другое государство-участник*, которым согласно данным СИПРИ является Южная Корея. Согласно отчету, представленному на Тринадцатой сессии Конференции государств-участников КЗХО в декабре 2008 г., на 31 октября 2008 г. Албания и неназванное государство-участник полностью уничтожили все свои запасы химического оружия (4 июля 2007 г. и 10 июля 2008 г. соответственно), Индия – 97,3% химического оружия категории 1, а также полностью запасы категории 2 и 3 (предполагаемая дата окончания – 28 апреля 2009 г.); Ливия – 39% химического оружия категории 2, но еще не приступила к ликвидации химического оружия категории 1 (предполагаемая дата окончания – 31 декабря 2011 г.); Россия – 29,79% химического оружия категории 1, а также полностью запасы категории 2 и 3 (предполагаемая дата окончания – 29 апреля 2012 г.); Соединенные Штаты – 55,79% химического оружия категории 1 и все запасы категории 3 (предполагаемая дата окончания – 29 апреля 2012 г.)[3].

Учитывая, что Россия и США являются двумя крупнейшими обладателями запасов химического оружия, а также достигнутые этими странами на текущий момент результаты в области уничтожения своих арсеналов, некоторые эксперты обеспокоены тем, что они могут не уложиться в отводимые Конвенцией сроки[4]. Ситуация, когда один или два крупнейших обладателя запасов химического оружия не выполняют требования Конвенции, может нанести серьезный удар по ее авторитету и привести к значительному осложнению ситуации в области контроля над химическим оружием в XXI в.

СОСТОЯНИЕ АРСЕНАЛА ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В США В 2008 Г.

Согласно Конвенции все отравляющие вещества, представляющие угрозу целям Конвенции, поделены на 3 списка в зависимости от степени их опасности[5]. Исходя из этого все химическое оружие также поделено на 3 категории.

Таблица 1. **Категории химического оружия**[6]

Химическое оружие категории 1	Химическое оружие на основе химикатов списка 1 и его части и компоненты
Химическое оружие категории 2	Химическое оружие на основе всех других химикатов и его части и компоненты
Химическое оружие категории 3	Неснаряженные боеприпасы и устройства, а также оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением химического оружия

После вступления в силу Конвенции США объявили о наличии у них 28 572 метрических т[7] отравляющих веществ категории 1: иприт и смеси на его основе, ви-икс, зарин. Более 60% запасов хранятся в емкостях (однотонные контейнеры), а оставшиеся 40% – в боеприпасах[8].

Подготовка к процессу уничтожения химического оружия в США началась в 1986 г., когда начал выполняться принятый Конгрессом США закон, обязывающий Министерство обороны Соединенных Штатов уничтожить все имеющиеся запасы отравляющих веществ[9]. В настоящий момент (на 1 июня 2008 г.) общая ответственность за его уничтожение возложена на руководителя созданного армией США в 2003 г. Агентства по химическим материалам (АХМ) сухопутных войск США[10].

В области уничтожения химического оружия АХМ курирует две программы[11]:

- Программа по уничтожению складированных запасов химического оружия координирует безопасное обращение и уничтожение складированного оружия, которое уничтожается на построенных рядом с местами хранения заводах и никуда не вывозится;
- Программа по обращению с химическими материалами, не входящими в состав арсенала химического оружия, координирует уничтожение химического оружия, хранящегося не на складах[12].

Само Агентство подотчетно напрямую помощнику министра сухопутных войск по вопросам приобретения, транспортировки и технологиям.

Кроме того, уничтожение небольшой части арсенала химического оружия (около 10% от общего объема арсенала) выполняется в рамках Альтернативной программы для снаряженного химического оружия[13]. Это отдельная программа Министерства обороны США, в рамках которой ранее велись исследования по оценке эффективности альтернативных технологий (отличных от сжигания) применительно к уничтожению боеприпасов, снаряженных химическим оружием. Для применения отобранных технологий объектами программы в 2002 г. были определены склады химического оружия в Пуэбло (Колорадо) и Блю Грасс (Кентукки)[14].

Для уничтожения своих запасов американскими военными в качестве базовой технологии используется высокотемпературное сжигание, а в тех штатах, где население активно выступает против сжигания, используются альтернативные технологии – химическая нейтрализация либо с последующей биологической обработкой, либо с последующим сверхкритическим водяным окислением.

Все химическое оружие категории 1 в США хранится и уничтожается на территории девяти объектов. К 23 октября 2008 г. США были достигнуты следующие результаты:

Таблица 2. **Положение дел в области уничтожения химического оружия в США**[15]

Название объекта	Используемая технология	Количество химического оружия в т и его округленная процентная доля от общего объема запасов химического оружия	Процент уничтоженного химического оружия	Дата начала работы объекта, г.	Дата окончания работ на объекте, г.
Завод по уничтожению отравляющих веществ (ОВ) на атолле *Джонсон*, Гавайи (Johnston Atoll Chemical Agent Disposal System – JACADS)	Высокотемпературное сжигание	2031 (6%)	100%	1990	2000
Завод по уничтожению ОВ в Эджвуде, Мэриленд (Aberdeen Chemical Agent Disposal Facility – ABCDF)	Нейтрализация с последующей биологической обработкой вне завода	1625 (5%)	100%	2003	2006
Завод по уничтожению ОВ в Аннистоне, Алабама (Anniston Chemical Agent Disposal Facility – ANCDF)	Высокотемпературное сжигание	2254 (7%)	51,4%	2003	После 2012
Завод по уничтожению ОВ в Ньюпорте, Индиана (Newport Chemical Agent Disposal Facility – NECDF)	Нейтрализация с последующим уничтожением гидролизата вне завода	1269 (4%)	100%	2005	К концу лета 2008
Завод по уничтожению ОВ в Пайн Блафф, Арканзас (Pine Bluff Chemical Agent Disposal Facility – PBCDF)	Высокотемпературное сжигание	3850 (12%)	16,4%	2005	После 2012
Завод по уничтожению ОВ в Юматилле, Орегон (Umatilla Chemical Agent Disposal Facility – UMCDF)	Высокотемпературное сжигание	3717 (12%)	36,5%	2004	После 2012
Завод по уничтожению ОВ в Туэле, Юта (Tooele Chemical Agent Disposal Facility – TOCDF)	Высокотемпературное сжигание	13616 (44%)	73%	1996	После 2012
Завод по уничтожению ОВ в Пуэбло, Колорадо (Pueblo Chemical Agent-Destruction Pilot Plant – PCAPP)	Нейтрализация с последующей биологической обработкой	2611 (8%)	0%	2011/2015	После 2012 до 2017/2020
Завод по уничтожению ОВ в Блю Грасс, Кентукки (Blue Grass Che-mical Agent Destruction Pilot Plant – BGCAPP)	Нейтрализация с последующим сверхкритическим водяным окислением	523 (2%)	0%	2011/2015	После 2012 до 2017/2023

Таким образом, на 31 октября 2008 г. США было уничтожено 55,79% от общего объема заявленных ими запасов химического оружия категории 1[16].

Что касается нескладированных боеприпасов, то в рамках Программы по обращению с химическими материалами, не входящими в состав арсенала, на 1 мая 2008 г. достигнуты следующие результаты[17]:

- бинарное химическое оружие[18] полностью уничтожено в 2007 г.;
- бывшие объекты по производству химического оружия (ОПХО) полностью уничтожены в соответствии с требованием Конвенции в 2006 г.;
- различные химические военные предметы, включая неснаряженные боеприпасы, вспомогательное оборудование и устройства, используемые в связи с применением химического оружия (химическое оружие категории 3) уничтожены в отводимые Конвенцией сроки[19];
- восстановленное оборудование, имеющее отношение к применению химического оружия (например, средства обнаружения и идентификации химических агентов), уничтожается на заводе в Пайн Блафф. К настоящему моменту на этом заводе ликвидировано более 86% всех запланированных в рамках этой программы материалов, из них более 71% подлежали заявлению в Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО)[20].

СОСТОЯНИЕ АРСЕНАЛА ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ НА 2008 Г.

Российской Федерации в наследство от СССР достался самый большой в мире химический арсенал общим объемом в 40 000 т отравляющих веществ (ОВ) категории 1. Из них 32 200 т составляли фосфорорганические отравляющие вещества (ФОВ) (например: зарин, зоман, ви-газы), а в оставшуюся часть (кожно-нарывные отравляющие вещества) входили такие вещества, как иприт, люизит и их смеси[21]. ФОВ полностью хранятся в корпусах боеприпасов и устройств. Из кожно-нарывных отравляющих веществ: иприт полностью хранится в емкостях; люизит 2% – в боеприпасах и 98% – в емкостях; ипритно-люизитные смеси 40% – в боеприпасах и 60% – в емкостях[22].

Процесс уничтожения российских запасов химического оружия проходил в гораздо более сжатые сроки, чем в США, так как к их практическому уничтожению, согласно принятому в 1996 г. закону[23], Россия приступила только в конце 2002 г. спустя 5 лет после ратификации Конвенции[24].

В настоящее время задача непосредственного выполнения российских обязательств по КЗХО возложена на Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, которое также является уполномоченным (национальным) органом Российской Федерации по выполнению обязательств в рамках Конвенции[25]. В рамках Министерства промышленности и торговли был сформирован Департамент реализации конвенционных обязательств, который осуществляет координацию деятельности министерств, ведомств и субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации».[26] Непосредственную ответственность за практическую реализацию обязательств в области химического разоружения, принятых на себя Российской Федерацией, несет Федеральное управление по безопасному хранению и уничтожению химического оружия.

В качестве технологии уничтожения химического оружия используется технология двухстадийной химической нейтрализации, которая подвергается технической адаптации в зависимости от типа и способа хранения химического оружия[27]. На первой стадии происходит химическая нейтрализация отравляющего вещества[28], а в ходе второй происходит переработка образовавшейся в ходе выполнения первой стадии реакционной массы[29] в зависимости от ее типа либо с помощью горячего битума с окисью кальция, либо высокотемпературной плазмы с последующим захоронением на полигоне остатков малотоксичных химикатов[30].

Все химическое оружие складировалось и уничтожается в России на территории семи объектов. По состоянию на 31 октября 2008 г. Российской Федерацией было уничтожено 29,79% от общего объема заявленных ею запасов химического оружия категории 1[31] (см. таблицу 3).

Таблица 3. **Положение дел в области уничтожения химического оружия в России**[32]

Название объекта	**Количество химического оружия в т и его округленная процентная доля от общего объема запасов химического оружия**	**Количество уничтоженного химического оружия в т и его округленная процентная доля от имеющихся на объекте запасов**	**Начало уничтожения запасов оружия, г.**	**Окончание работ по уничтожению, г.**
Опытно-промышленный объект в пос. Горный, Саратовская область	1125 (2,9%)	1143,2 (100%)	2002	2005
Объект по уничтожению химического оружия (ОУХО) в г. Камбарка, Республика Удмуртия	6575 (15,9%)	6325 (96,2%)	2006	2010
ОУХО в пос. Марадыковский, Кировская область	6900 (17,4%)	4402 (63,8%)	2006	2012
ОУХО в пос. Леонидовка, Пензенская область	6795 (17,2%)	0 (0%)	Введена в эксплуатацию первая очередь объекта в сентябре 2008	2012
ОУХО в г. Щучье, Курганская область	5462 (13,6%)	0 (0%)	Начнутся пуско-наладочные работы на реальных средах в декабре 2008	2012
ОУХО в г. Почеп, Брянская область	7500 (18,8%)	0 (0%)	2009	2012
ОУХО в пос. Кизнер, Республика Удмуртия	5700 (14,2%)	0 (0%)	2011	2012

Кроме того, из 24 бывших объектов по производству химического оружия (ОПХО) 7 уничтожены (получены сертификаты ОЗХО), еще 1 – уничтожен, но сертификат ОЗХО

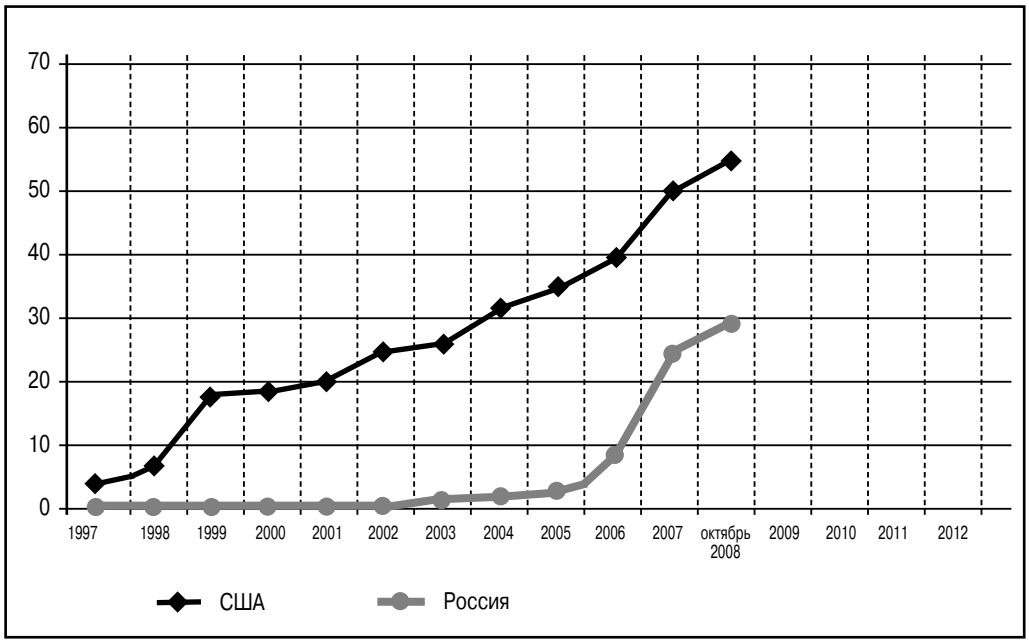
на 26 февраля 2008 г. не получен[33]. Из оставшихся объектов на 15 завершена конверсия (получено 13 сертификатов ОЗХО)[34], а на еще одном объекте[35] продолжают проводиться работы по конверсии[36].

Также досрочно завершено уничтожение химического оружия категории 2 и 3[37] (до 2002 г.). С этого момента российские запасы химического оружия уже больше не представляли угрозы для соседних стран – пороховые заряды для боеприпасов уничтожены, неснаряженные боеприпасы переплавлены, поэтому использовать по практическому назначению все еще остающиеся отравляющие вещества не представляется возможным. Теперь они более чем когда-либо представляют экологическую угрозу только нашей стране, а не нашим соседям[38].

ПРОЦЕСС УНИЧТОЖЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В США И РОССИИ

В течение 11 лет, прошедших с момента ратификации США и Россией Конвенции, каждая из стран, используя, как им казалось, необходимые ресурсы и технические решения, преодолевая встречающиеся на пути трудности, шла к общей цели – полному уничтожению запасов химического оружия.

График 1. **Темпы уничтожения химического оружия в России и США с 1997 по 2008 гг.[39]**



Соединенные Штаты Америки

На момент вступления в силу Конвенции у США были все необходимые условия для ее успешного выполнения в срок: одобрена программа уничтожения химического оружия, выбрана и промышленно апробирована технология уничтожения отравляющих веществ и успешно продвигался процесс уничтожения химического оружия (уже в течение семи лет), имелись необходимые финансовые ресурсы. В отличие от других стран, только приступавших к процессу уничтожения, в США уже работали два объекта по уничтожению химического оружия (завод на атолле Джонсон – с 1990 г.; завод в Туэле – с 1996 г.). Однако, несмотря на хороший старт, скорость уничтожения химического оружия постепенно перестала позволять своевременно выполнять требования про-

межуточных этапов Конвенции, в то время как расходы на программу возрастали. В Таблице 4 хорошо видно, что количество выделяемых в последние годы средств выросло примерно в два раза по сравнению с их размерами на 1997 г.

Таблица 4. **Финансирование американской программы уничтожения химического оружия с 1997 по 2007 гг.**[40]

Финансовый год	Выделяемые средства, млн долл.
1997	759,847
1998	600,7
1999	803
2000	1024
2001	980,1
2002	1153,557
2003	1490,199
2004	1530,261
2005	1371,990
2006	1425,827
2007	1277,304

Согласно КЗХО технически сам процесс уничтожения проходит в четыре промежуточных этапа:

1-й этап	1% (до апреля 2000 г.)
2-й этап	20% (до апреля 2002 г.)
3-й этап	45% (до апреля 2004 г.)
4-й этап	100% (до апреля 2007 г.)

Первые два промежуточных этапа были выполнены США с опережением сроков – 1-й – 1997 г., 2-й – 2001 г.[41]. Но уже в 1999 г. появилась информация о том, что США смогут уничтожить только 90% своих запасов химического оружия категории 1 в отводимые Конвенцией 10 лет. Оставшиеся 10% (на объектах в штатах Колорадо и Кентукки) будут уничтожены позже. Согласно данным Совета по национальным исследованиям[42] работы на этих объектах должны быть завершены в период с мая 2011 по декабрь 2015 г.[43]. В 2000 г. эту информацию подтвердили представители Альтернативной программы для снаряженного химического оружия, заявив, что объекты в штатах Кентукки и Колорадо не начнут свою работу до 2007 г. Это было связано с необходимостью проведения испытаний отобранных технологий (альтернативных сжиганию), а также получением всех необходимых разрешений для их применения[44]. К апрелю 2004 г. США не выполнили требования 3-го этапа. В качестве причин Главным контрольным управлением США были названы[45]:

- ❑ чрезвычайные ситуации во время работы объектов;

- необходимость ужесточить требования по технике безопасности и охраны окружающей среды;
- необходимость провести профилактические мероприятия на объектах на случай чрезвычайных происшествий;
- непредвиденные финансовые расходы.

По оценкам специалистов этого ведомства, полностью уничтожить запасы химического оружия можно было не ранее 2012 г. Поэтому в 2003 г. США направили в ОЗХО запрос на перенос промежуточных сроков. В качестве новой даты выполнения 3-го этапа было выбрано 31 декабря 2007 г.[46]. Однако проведенные уже в 2005 г. Главным контрольным управлением США расчеты показали, что ранее были взяты за основу слишком оптимистичные темпы и к 2012 г. США не успеют завершить процесс уничтожения химического оружия. Об этом было объявлено Министерством обороны США в апреле 2006 г. Согласно их данным, к этому моменту около 34% запасов химического оружия США останется не уничтоженным[47]. В связи с этим в этом же году США направили в ОЗХО запрос о максимально возможном продлении для них окончательного срока уничтожения запасов химического оружия (на 5 лет)[48]. В этом запросе в качестве причины переноса срока были указаны[49]:

- задержки с получением разрешений[50] на начало работ на всех объектах;
- необходимость введения дополнительных мер по обеспечению общественной безопасности в случае чрезвычайных ситуаций;
- более медленное, чем предполагалось, и частое техническое обслуживание объектов (замена компонентов, чистка элементов);
- более медленная, чем ожидалось, скорость уничтожения химического оружия;
- необходимость устранения непредвиденных технических проблем;
- необходимость разработки более эффективных правил обеспечения безопасности работников и их действий в случае чрезвычайной ситуации;
- недооценка сложности уничтожения старых боеприпасов;
- необходимость проведения дополнительной подготовки населения к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций.

Конференцией государств-участников ОЗХО 8 декабря 2006 г. была утверждена окончательная дата уничтожения американских запасов химического оружия – 29 апреля 2012 г.[51]. В июне 2007 г. США досрочно согласно пересмотренным срокам выполнили требование 3-го этапа (уничтожить 45% запасов химического оружия до 31 декабря 2007 г.)[52].

Однако возможно ли, что только одни технические сложности могли поставить государство, обладающее огромными ресурсами и оказывающее помощь в уничтожении запасов химического оружия еще нескольким государствам (России, Ливии, Албании), под угрозу несвоевременного выполнения требований Конвенции? Вполне вероятно, что на реализацию программы уничтожения химического оружия в США оказывали влияние и другие факторы военно-политического характера.

Во-первых, это отсутствие доверия в отношениях между США и Россией и господство принципа *trust but verify*. США не раз выражали сомнение в том, что Россия полностью объявила имеющиеся у нее запасы химического оружия[53]. В частности предполагается, что как СССР, так и США в свое время вели разработки в области бинарного химического оружия, однако если США объявили о наличии у себя такого оружия, то Россией было заявлено, что такого оружия ею в наследство от СССР получено не было. Данный факт вызвал сомнения со стороны некоторых экспертов в США. Поэтому отсутствие полного доверия в отношениях между странами и в добросовестности выполнения взаимного уничтожения запасов химического оружия может являться причиной стремления США сохранить часть имеющегося у них химического оружия, а также получить более

подробную информацию о российском арсенале химического оружия, чем того требуют международные обязательства России.

Во-вторых, Конвенция все еще не является универсальным международным договором – 10 стран пока не стали ее участниками[54]. Поскольку Соединенные Штаты считают себя ответственными за безопасность в мире, в качестве своего морального долга они рассматривают обязательство проследить, чтобы все страны стали участниками Конвенции и уничтожили имеющиеся у них запасы отравляющих веществ. Только после этого Соединенные Штаты считают возможным завершить уничтожение остающихся у них остатков запасов химического оружия. Но эта ситуация осложняется тем, что для некоторых стран (все еще не являющихся участниками Конвенции) вопросы ядерного нераспространения и химического разоружения взаимосвязаны. Так, для стран Ближнего Востока (Египет, Сирия) вопрос отказа от прав на химическое оружие и вступления в Конвенцию напрямую связан с предположительным наличием у Израиля ядерного и химического оружия и его отказом от них. Поэтому без трудного поиска общего решения для двух сфер (ядерной и химической) в этом вопросе невозможно обойтись. А до тех пор, пока вопрос с универсализацией Конвенции не будет решен, в списке участников Конвенции будут по-прежнему отсутствовать такие беспокоящие США страны, как Сирия, Египет, КНДР. Пока вопрос присоединения этих стран к КЗХО не будет полностью решен, скорее всего, США не уничтожат полностью свои запасы химического оружия.

В-третьих, некоторые российские эксперты считают, что США стремится закрепить за собой в рамках ОЗХО (как и в рамках других международных организаций) уникальный правовой статус (способность оказывать одностороннее влияние на другие страны-участники ОЗХО через ее механизмы, доступ к поступающей в распоряжение ОЗХО технической информации, смягчение бремени промышленных инспекций ОЗХО), превратив ее, по сути, в послушный инструмент своей внешней политики[55]. Отчасти это было достигнуто с приходом к власти в ОЗХО нынешнего генерального директора Рохелио Пфиртера и обеспечило США благоприятные условия для сохранения на неопределенное время некоторого количества их запасов химического оружия. В дальнейшем несоблюдение требований Конвенции одной, а в худшем случае обеими странами, обладающими самыми большими запасами химического оружия (США и Россия), может привести к серьезному кризису в ОЗХО, используя который, США может либо усилить свои позиции в этой организации, либо еще более ее ослабить. Кроме того, это позволит отвлечь внимание стран-участниц от решения проблемных для Конвенции и ОЗХО вопросов, таких как, например, разработка новых отравляющих веществ не смертельного действия, а также их возможное применение; вопрос влияния новых достижений в области биологии и нанотехнологии на область действия Конвенции; обращение пристального внимания на проведение промышленных проверок в связи с развитием науки и техники и т.д.

Повод к размышлению о том, что приведенные выше причины действительно имеют место, может дать хронология переноса сроков окончательного уничтожения химического оружия в США до вступления в силу Конвенции. Согласно вступившему в силу в 1986 г. закону [Public Law 99–145] имевшиеся запасы химического оружия должны были быть уничтожены к 30 сентября 1994 г., «если не будет ратифицирован договор о запрещении ХО или если не появится угрозы безопасности США». Это представляется важным уточнением, напрямую говорящим о том, что сроки уничтожения определялись не в последнюю очередь именно политическими причинами. В 1988 г. дата окончательного уничтожения запасов была перенесена на 30 апреля 1997 г. [PL 100–456]. Затем в 1991 г. эту дату снова перенесли уже на 31 июля 1999 г. [PL 102–190]. В 1992 г. она была вновь перенесена на 31 декабря 2004 г. [PL 102–484][56]. Примечательно, что согласно подписанному в 1990 г. соглашению[57] между СССР и США обе страны должны были сократить имеющиеся у них запасы отравляющих веществ до 5000 т к 2002 г. В 1997 г. в связи с ратификацией Конвенции дата окончательного уничтожения химического оружия была перенесена теперь уже на 2007 г.

В дальнейшем сроки уничтожения химического оружия в США определялись и рамками ратифицированной ими Конвенции и переносились (о чем уже говорилось выше) минимум два раза. При этом наблюдается определенная корреляция между темпами уничтожения химического оружия в США и России, которая отражена на приведенном выше графике. Так, на начальном этапе (с 1997 по 1999 гг.) США занимаются активным уничтожением своих запасов химического оружия, однако к 1999 г. становится очевидным, что Россия не в состоянии выполнять требования Конвенции – она не приступила к непосредственному уничтожению своих запасов и в этом же году направила запрос в ОЗХО на перенос промежуточных сроков уничтожения химического оружия категории 1. С этого момента и вплоть до конца 2001 г. в США практически не проводят уничтожения своих запасов. Более того, понимая, что являются крупнейшим донором российской программы уничтожения химического оружия, США замораживают предоставление помощи России в области уничтожения российского арсенала отравляющих веществ, тем самым сознательно обрекая ее на срыв. В этом же году в Соединенных Штатах появляются заявления о том, что они не укладываются в отводимый Конвенцией на уничтожение химического оружия десятилетний срок.

В 2001 г. Россия вносит серьезные изменения в свою программу уничтожения химического оружия с учетом более широкой международной помощи и приступает к уничтожению химического оружия категории 2. Начинают значительно расти объемы выделяемых денежных средств. Россия успешно выполняет требования 1-го этапа Конвенции (26 апреля 2003 г.). Вместе с этим, на графике видно, как в США вновь начинает активизироваться процесс уничтожения запасов отравляющих веществ, и так продолжается без резких рывков вплоть до 2006 г.

В 2005 г. намечается срыв российской программы из-за несвоевременного выполнения графика строительства центрального объекта российской программы – завода по уничтожению химического оружия в г. Щучьем (вновь в значительной степени по вине США, которые неудовлетворительно выполняли обязательства по финансированию строительства части этого объекта). Из-за этого Россия снова вынуждена вносить серьезные изменения в свою программу (в этот раз рассчитывая уже больше на свои силы) с тем, чтобы уложиться в требования 2-го этапа. Как результат предпринимаемых усилий в течение 2006–2007 гг. на графике можно наблюдать резкий скачок увеличения скорости уничтожения химического оружия в России. Одновременно с этим в США в 2005 г. происходит переоценка предполагаемых сроков окончания уничтожения химического оружия, и с конца 2006 г. также происходит резкое ускорение процесса уничтожения отравляющих веществ.

Таким образом, с начала программы уничтожения химического оружия в США дата полного уничтожения всех запасов отравляющих веществ переносилась на более позднее время, по меньшей мере, шесть раз. Зачастую эти переносы совпадали по времени либо с происходившими в самой России событиями, либо с изменениями в ее программе по уничтожению химического оружия. Более того, действия США несколько раз оказали серьезное негативное влияние на реализацию российской программы уничтожения химического оружия.

Российская Федерация

В отличие от США, в России ратификация Конвенции проходила в неблагоприятное время для уничтожения запасов оружия: отсутствовали необходимые финансовые средства (в стране был острый экономический и социальный кризис). Так, в 1998 г. размер выделенных бюджетом денежных средств составил 7,7 млн долл., или 3,9% от объемов финансирования, предусмотренных российской программой на этот год. Серьезным ударом по финансовому положению программы стало решение США – заморозить предоставление России в 2000–2002 гг. финансовой помощи в уничтожении химического оружия. Из всех стран, оказывающих помощь России, США являлись крупнейшим донором. Так, в 1999 г. ими была заявлена сумма помощи в размере 192,1 млн долл.[58], а на 2000 г. должно было быть выделено 130 млн долл.[59]. Резкое снижение и без того недостаточных

объемов международной помощи, отсутствие необходимых финансовых средств внутри страны привели к срыву реализации запланированных работ и стали одними из основных причин пересмотра и внесения значительных поправок в принятую в 1996 г. федеральную целевую программу (ФЦП) по уничтожению химического оружия.

Выбранная для уничтожения химического оружия технология на момент ратификации Конвенции не прошла промышленные испытания – были успешно проведены только лабораторные испытания[60], а недавно принятая ФЦП Уничтожения химического оружия (1996 г.) только начала свою работу. Кроме того, лихорадившие Россию экономические кризисы, поставившие страну на грань выживания, оттеснили на задний план проблемы химического разоружения, и проявленное в ходе ратификации Конвенции политическое стремление уничтожить имеющиеся запасы отравляющих веществ потеряло на некоторое время свою силу. Все это привело к тому, что Россия не смогла уложиться в отводимые первым и вторым этапом сроки[61] уничтожения химического оружия и попросила ОЗХО в 1999 г. об их переносе, а в 2001 г. и о продлении срока уничтожения химического оружия на 5 лет до 2012 г. Обе просьбы были удовлетворены[62].

Основной причиной срыва сроков, как было сказано выше, стало острое недофинансирование программы со стороны федеральных властей, а также неудовлетворительная международная финансовая помощь, усугубленные сложным политическим и экономическим кризисом в стране. Вместе с тем, по мере того как страна решала свои экономические проблемы, укрепляла свое финансовое положение, у государства появлялись необходимые ресурсы (в первую очередь финансовые), и проявившаяся при ратификации Конвенции политическая воля уничтожить запасы химического оружия в отводимые Конвенцией сроки обрела второе дыхание. Как видно из приведенной ниже таблицы, с 2000 г. начинается постепенное значительное увеличение выделяемых российским государством денежных средств.

Таблица 5. **Расходы Российской Федерации на программу уничтожения химического оружия**[63]

Год	Выделенные суммы, млн долл. США
1998[64]	7,7
1999	13,7
2000	16
2001	96,6
2002	186,8
2003	190,7
2004	186
2005	400
2006	644
2007	1073
2008	1400

Положительная динамика налицо: с каждым годом все более и более крупные финансовые суммы выделяются на программу. Если в 1998 г., как это видно из Таблицы 5, было выделено всего 7,7 млн долл., то в 2003 г. эта сумма уже равняется 190,7 млн долл., а в 2007 г. – 1073 млрд долл. (26,2 млрд руб.)[65]. В 2008 г. на российскую программу государством предполагается выделить 28,3 млрд руб. (около 1,4 млрд долл.). Таким образом, если сравнить данные из Таблиц 4 и 5, то становится видно, что на текущий момент по уровню выделяемых ежегодно денежных средств Россия практически ничем не уступает США. Если же взглянуть на ситуацию в области финансирования ФЦП в целом, то суммарно к концу 2008 г. Россией было покрыто 84% средств от общего объема затрат[66].

Кроме того, к выделяемым Россией финансовым средствам необходимо добавить стоимость технической помощи, оказываемой ей другими странами, в том числе и США. Если общая стоимость программы на данный момент оценивается в 224 млрд руб., то доля иностранной технической помощи в ней оценивается в 42,7 млрд руб., из которых реально на 1 июля 2008 г. Россией получено около 30% от заявленной странами суммы, или 16,4 млрд руб.[67]. Иностранная помощь используется в основном при строительстве российских объектов по уничтожению химического оружия. Так, за ее счет было покрыто 17% стоимости ОУХО Горный, 20% – ОУХО Камбарка. Предполагается, что 48% расходов на строительство объекта в г. Щучьем будет покрыто за счет средств стран-доноров. Поскольку иностранная помощь внесена в бюджет российской программы, то ее своевременное и полное поступление является одним из условий стабильного выполнения программы. В прошлом из-за нарушения этого условия Россия уже была вынуждена вносить изменения в свою программу[68] и пересматривать сроки строительства объектов и уничтожения оружия.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Россия вовремя (согласно пересмотренным срокам) выполнила требования 1-го и 2-го этапов. Более того, Россия рассчитывает успешно выполнить 3-й этап (уничтожить 45% к 31 декабря 2009 г.) и своевременно завершить 4-й этап (уничтожить 100% запасов химического оружия к 29 апреля 2012 г.).

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРАММЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ США

Сегодня наблюдается странная ситуация. Несмотря на наличие на момент ратификации Конвенции благоприятных для США условий (деньги, технологии, опыт), сегодня их представители заявляют, что при текущем положении дел Соединенные Штаты не смогут своевременно выполнить свое обязательство в рамках Конвенции – уничтожить все запасы имеющихся у них отравляющих веществ. Так, в запросе о продлении сроков уничтожения химического оружия, сделанном США в 2006 г., было отмечено, что шесть из девяти объектов по уничтожению отравляющих веществ будут работать после 2012 г. В качестве конечного срока уничтожения запасов химического оружия в ней отмечен 2017 г.[69]. Более того, нигде в запросе не говорилось о том, что представленные данные являются окончательными. И хотя США постоянно подчеркивали, что это текущие данные и что будет сделано все возможное, чтобы выполнить требования Конвенции в срок, нельзя исключать, что, несмотря на достигнутый за последние два года прогресс, ситуация сможет поменяться в сторону еще большего продления срока уничтожения оружия.

Таблица 5. **Сравнительная таблица увеличения темпов уничтожения химического оружия на объектах в США с 2005 по 2007 гг.[70]**

Название объекта	Данные проведенных Агентством по химическим материалам расчетов за 2005 г.	Данные проведенных Министерством обороны США независимых от Агентства расчетов за 2005 г.	Текущие данные реализации программы на 2007 г.	Опережение проведенных в 2005 г. расчетов Агентства по химическим материалам	Опережение проведенных в 2005 г. независимых расчетов Министерства обороны США
Аннистон	Сентябрь 2016	Июнь 2016	Май 2015	16 месяцев	13 месяцев
Ньюпорт	Октябрь 2011	Февраль 2012	Октябрь 2009	24 месяцев	28 месяцев
Пайн Блаф	Январь 2015	Ноябрь 2015	Июнь 2013	19 месяцев	29 месяцев
Туэла	Октябрь 2014	Сентябрь 2015	Ноябрь 2014	1 месяцев	10 месяцев
Юматилла	Июнь 2017	Март 2017	Декабрь 2014	30 месяцев	27 месяцев

Таким образом, за период с 2005 по 2007 г. можно наблюдать положительную тенденцию к увеличению скорости уничтожения химического оружия.

Но даже если США смогут не только сохранить, но и увеличить темпы уничтожения химического оружия, чтобы успеть его ликвидировать к 2012 г. на этих пяти объектах (во что не верят специалисты Главного контрольного управления США[71]), то все равно остаются еще два завода в Пуэбло и Блю Грасс, уничтожение на которых не завершится к 2012 г. Согласно предоставленным в 2006 г. США данным в ОЗХО, эти объекты вступят в строй не раньше 2011 г.[72] и завершат свою работу в промежутке между 2012 и 2017 гг.[73]. Однако согласно опубликованной на текущий момент информации в Альтернативной программе (которая контролирует процесс ликвидации химических боеприпасов на этих объектах) уничтожение на них предполагается начать только в 2015 г., а завершить только к 2020 г.[74]. Таким образом, согласно официальным данным, если в американскую программу в ближайшие несколько лет не будут внесены серьезные изменения или резко не увеличатся объемы финансирования, в частности, по объектам в Пуэбло и Блю Грасс, то в лучшем случае к 2012 г. у США останутся не уничтоженными около 10% пригодных к использованию боеприпасов с химическим оружием, а в худшем до 34%[75].

На данный момент у США официально отсутствуют планы уничтожения запасов химического оружия после 2012 г., поэтому говорить об окончательном сроке его уничтожения можно условно. Согласно приведенным выше официальным данным конечным сроком уничтожения могли бы стать 2017–2020 гг. По оценкам американского неправительственного фонда «Инициатива по уменьшению ядерной угрозы» на 2008 г., операции по уничтожению химического оружия могут продлиться до 2023 г.[76]. Федерация американских ученых в свою очередь ориентируется на установленный Конгрессом США срок – 2017 г.[77].

В связи с этим возникает вопрос, каким образом США собираются выходить из ситуации технического нарушения требований Конвенции. Согласно неофициальным мнениям некоторых экспертов[78], существует несколько вариантов выхода из данной ситуации.

Во-первых, США могут попытаться внести изменения в текст Конвенции и продлить отводимый на уничтожение химического оружия срок, что с учетом имеющегося у них политического веса в ОЗХО вполне реально, хотя и откроет такую же возможность для остальных стран – обладательниц химического оружия. Принимая во внимание стремление США последними уничтожить имеющийся у них арсенал химического оружия, это выглядит не вполне приемлемым для них.

Во-вторых, США могут оставить текст Конвенции без изменения и попытаться апеллировать к имеющемуся прецеденту в случае с Албанией. Эта страна с опозданием более чем на полгода завершила уничтожение своих запасов химического оружия. Однако, учитывая предпринятые страной усилия и полученный конечный результат, было принято решение закрыть глаза на задержку по срокам уничтожения ее химического арсенала. США вполне могут попытаться пойти по этому пути. В обмен на ускоренные темпы уничтожения химического оружия, сопровождаемые тщательным регулярным контролем со стороны ОЗХО, Соединенные Штаты могут добиться того, что для них будет сделано такое же исключение, как и для Албании в свое время. Этот вариант позволяет США добиться ситуации, когда только им будет разрешено уничтожить химическое оружие после 2012 г. Хотя для этого им все же, скорее всего, придется сократить имеющееся на текущий день отставание по срокам минимум в пять лет. Ведь чем меньше США потребуется дополнительного времени, тем больше шансов, что страны – участницы ОЗХО согласятся с этим вариантом решения проблемы.

В-третьих, на сегодняшний день еще 10 государств не являются участниками Конвенции. Существуют серьезные подозрения, что, по крайней мере, у четырех из них (Сирии, Египта, КНДР и Израиля) есть в наличии запасы химического оружия. Поэтому после того как эти страны станут участниками КЗХО, придется решать вопрос о предоставлении им дополнительно срока для уничтожения химического оружия. США могут попытаться использовать эту ситуацию для попытки продления своего срока уничтожения хи-

мического оружия. Но в этом случае все будет зависеть уже от того, как скоро эти страны ратифицируют КЗХО и имеется ли у них в наличии химическое оружие.

Какие изменения в американской программе могли бы серьезно ускорить уничтожение запасов химического оружия?

- Разрешение на транспортировку отравляющих веществ. На данный момент все химическое оружие уничтожается на местах хранения. Получение разрешения Конгресса США на перевозку отравляющих веществ с одного объекта на другой могло бы ускорить темпы уничтожения. В настоящий момент Пентагон уже рассматривает этот вариант. Более того, существуют предположения, что без проведения такой транспортировки США могут не успеть уничтожить все запасы отравляющих веществ к 2017 г.[79]. Однако против такого решения активно выступает проживающее в местах хранения и уничтожения химического оружия местное население.

- Резкое увеличение размеров выделяемых на уничтожение химического оружия средств, а также эффективности их освоения. Согласно неофициальным оценкам, необходимо ежегодно выделять от 1,5 до 1,9 млрд долл., чтобы добиться уничтожения всех запасов химического оружия по крайней мере к 2017 г. Кроме того, по мнению специалистов Главного контрольного управления США, наблюдается неэффективное использование средств на уровне подрядчиков: разница между планируемыми расходами и конечной стоимостью работы подрядчиков составляет сумму, в четыре раза превышающую предполагаемую стоимость. Стоит добавить, что из-за продленного в 2006 г. срока уничтожения химического оружия возросла общая стоимость программы, а ускорение текущих темпов вызывает более быстрое, чем предполагалось в 2006 г., освоение выделяемых ежегодно средств. Дополнительных средств также требуют проблемные объекты, *выпадающие* за пределы 2012 г. Так, представители Министерства обороны прямо заявляют, что нехватка денежных средств замедляет процесс подготовки к уничтожению химического оружия на объекте в Пуэбло, Колорадо[80].

- Обмен опытом с российской стороной. В настоящий момент основную трудность для американской программы представляет уничтожение запасов снаряженных химическим оружием снарядов, хранящихся на объектах в Блю Грасс и Пуэбло. Для этого предполагается использовать технологию химической нейтрализации. Трудность заключается в том, что ранее эту технологию американская сторона применяла только для уничтожения отравляющих веществ, хранящихся в контейнерах, а не в снарядах различного типа с сохраненными в них зарядами и взрывателями. В свою очередь российская сторона уже успешно опробовала в промышленных масштабах свою технологию уничтожения отравляющих веществ, прямо в боеприпасах на объекте Марадыковском (Кировская область). Поэтому обмен опытом и технологиями (разумеется, соответствующим образом запатентованными) мог бы помочь странам преодолеть существующие трудности.

- Наличие четко выраженной политической воли. Только она может позволить активизировать действия на данном направлении и принять радикальные, возможно, непопулярные среди американского населения решения (например, разрешить перевозки химикатов), позволяющие американской программе завершить уничтожение в отводимые Конвенцией сроки. В свете этого победа Барака Обамы на прошедших в США выборах позволяет надеяться, что необходимые денежные средства будут выделены и хотя бы к 2017 г. запасы химического оружия в США будут уничтожены.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРАММЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наглядным примером того, какое значимое влияние может оказывать четко выраженная политическая воля, выступает Россия. Не обладая на момент ратификации ни финансо-

выми ресурсами, ни промышленно апробированной технологией, находясь в сложнейшем экономическом положении, но, тем не менее, обладая четко выраженной политической волей уничтожить имеющиеся запасы отравляющих веществ, в начале XXI в. Россия смогла найти необходимые ресурсы, переломить ситуацию и почти за шесть лет уничтожить 29% своих запасов химического оружия категории 1. Тем самым она успешно выполнила требования 1-го и 2-го этапов и взяла курс на реализацию 3-го и 4-го этапов[81]. Сегодня у России самые высокие темпы уничтожения химического оружия и одни из самых больших финансовых отчислений на эту сферу в мире. Если не произойдет серьезных изменений в программе, Россия имеет все шансы вовремя выполнить требования Конвенции. В этом уверены и заместитель председателя правительства С.Б. Иванов[82], и директор Департамента реализации конвенционных обязательств В.И. Холстов[83], и начальник Федерального управления по безопасному хранению и уничтожению химического оружия В.П. Капашин[84], и заместитель начальника этого федерального управления Н.Ю. Хлебников[85]. Более того, даже генеральный директор ОЗХО Рохелио Пфиртер уверен, что при сохранении текущих темпов Россия сможет уложиться в отводимый Конвенцией срок[86].

Ключевую роль в этом процессе играет своевременное строительство и ввод в эксплуатацию заводов по уничтожению химического оружия. В этом смысле ближайшие несколько лет (2008–2010 гг.) являются наиболее значимыми индикаторами успеха программы – в течение этого срока должны быть достроены и введены в эксплуатацию еще три завода по уничтожению химического оружия. Если это произойдет своевременно, то Россия будет иметь все шансы уложиться в отводимые сроки.

Определенное содействие строительству российских заводов оказывали и оказывают иностранные государства, чья заявленная помощь в строительстве объектов заложена в смету программы. Так, возведение объекта в г. Щучьем, как уже говорилось выше, на 48% финансируется за счет иностранных средств. В прошлом поступающая со значительными задержками и не в полном объеме иностранная помощь (на 1 июля 2008 г. в Россию поступило около 38,4% от объема ожидаемой международной помощи в 42,7 млрд руб.[87]) становилась причиной срывов сроков строительства объектов и, как результат, внесения изменений в программу уничтожения химического оружия. Однако сегодня Россия финансово окрепла настолько, что может позволить себе покрывать не поступающие финансовые средства от стран-доноров из российского бюджета, что позволяет значительно укрепить ее позиции. Так, в 2006–2007 гг. не поступившая от Италии помощь на строительство объекта «Почеп» была замещена средствами федерального бюджета в размере 2015042,1 тыс. руб.[88]. Более того, на сегодняшний день, согласно данным Счетной палаты, недостаток средств международной помощи оценивается в размере 19,43 млрд руб. В федеральном бюджете на 2008 г. на компенсацию этого недостатка была предусмотрена сумма в размере 4,8 млрд руб., а проектом федерального бюджета на 2009–2011 гг. – сумма в размере 16,4 млрд руб.[89].

В настоящий момент Россия выполняет требования 3-го этапа, для чего было необходимо ввести в строй в 2008 г. заводы в пос. Леонидовка (Пензенская область) и г. Щучьем (Курганская область). Ключевой объект для успешного выполнения этого этапа – завод в пос. Леонидовка[90] – был введен в строй в сентябре 2008 г., пуско-наладочные работы на реальных средах на заводе в г. Щучьем начнутся в декабре 2008 г. Это позволяет уверенно рассчитывать на успешное выполнение Россией 3-го и, если не произойдет перебоев с финансированием программы со стороны российского бюджета, 4-го этапов. Финансовые трудности как для России, так и для США могут возникнуть в том случае, если наблюдаемый сегодня в мире финансовый кризис примет размеры, серьезно угрожающие благосостоянию этих стран, что, впрочем, не освободит их от выполнения своих обязательств в рамках КЗХО.

Россия и США являются двумя крупнейшими обладателями запасов химического оружия в мире. Вступление этих стран в Конвенцию, а впоследствии и своевременное выполнение ими ее требований являются одним из важнейших условий стабильного и успешного будущего химического разоружения. В настоящий момент без внесения серьезных изменений в свою программу (в том числе серьезного увеличения финансирова-

ния и внесения технических изменений) Соединенные Штаты не укладываются в отводимый Конвенцией 15-летний срок (с учетом продления) для уничтожения имеющихся запасов отравляющих веществ.

В свою очередь, Россия имеет все необходимые ресурсы и возможности, чтобы уложиться в срок. Более того, очевидно, что политика России направлена на то, чтобы своевременно выполнить ее обязательства по Конвенции (о чем свидетельствуют постоянные заявления иностранных и российских чиновников различных уровней, а также достигнутые успехи) и не дать США повода использовать несоблюдение требований Конвенции Россией (к чему ее не раз толкала случайно или намеренно *дружеская поддержка* США) в качестве оправдания собственному провалу на данном направлении. И это правильно. Ведь в ситуации, когда Россия вместе с США не успевают уничтожить все свои запасы к 2012 г., Россия становится еще одним вспомогательным ресурсом разыгрываемой в настоящий момент США политической игры, в результате успешного осуществления которой США могли бы рассчитывать:

- получить повод не выполнить требования Конвенции, приводя в пример Россию и указывая на трудность и дороговизну их выполнения;
- сохранить на неопределенный срок в боеспособном состоянии часть своих боеприпасов и спокойно ждать, пока к Конвенции не присоединятся еще не вступившие в нее страны, тогда как Россия сохранит только бочки и непригодные к использованию снаряды (взрыватели и пороховые заряды для них были ранее уничтожены), заполненные опасными в первую очередь для нее самой отравляющими веществами;
- используя механизмы ОЗХО, попытаться получить более подробную информацию об имеющемся у России арсенале химического оружия, ведь страна-нарушитель будет, скорее всего, подвергнута более жестким и частым проверкам со стороны ОЗХО, чем это было раньше;
- используя возникший при невыполнении двумя крупнейшими обладателями химического оружия требований Конвенции кризис в ОЗХО и последующий затем процесс его преодоления, либо укрепить свои позиции, либо ослабить эту организацию, а также отвлечь ее внимание от решения других важных вопросов, как, например, разработки новых типов химических веществ нелетального характера.

Выбранная же Россией стратегия позволит ей если не свести полностью на нет приведенные выше американские расчеты, то значительно уменьшить их результативность. Более того, она увеличит не только свой авторитет в ОЗХО и в мире, но и авторитет самой Конвенции. Конечный *размер* этого авторитета будет во многом определяться двумя факторами. Во-первых, насколько успешно сможет Россия выстроить свою политику на заключительном этапе своевременного уничтожения своих запасов химического оружия в условиях, когда США не успевают сделать того же. Во-вторых, какую стратегию поведения выберет ОЗХО в отношении государства, не успевшего выполнить требования Конвенции вовремя.

Примечания

[1] За ценные комментарии, высказанные при написании работы, автор благодарит главного научного сотрудника ИМЭМО РАН Н.И. Калинину, старшего советника ПИР-Центра Г.М. Евстафьева, Председателя Совета ПИР-Центра Р.М. Тимербаева, доцента кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО МИД РФ И.А. Ахтамзяна, исполнительного директора ПИР-Центра А.В. Хлопкова.

[2] КЗХО. Приложение по проверке. Часть IV. А. Уничтожение химического оружия и его проверка согласно статье IV. С. Уничтожение.

[3] Note by the Director-General. Status Report on the progress made by those states parties that have been granted extensions of deadlines for the destruction of their category 1 chemical weapons. ОЗХО.

http://www.opcw.org/index.php? eID=dam_frontend_download&fileID=12497 (последнее посещение – 16 декабря 2008 г.).

[4] Например: Oliver Meier. CWC Review Conference Avoids Difficult Issues. Arms Control Today May 2008 http://www.armscontrol.org/act/2008_05/CWC.asp? print (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Malcolm Dando. Missed opportunities at the chemical weapons treaty meeting. Bulletin of the Atomic Scientists. 12 May 2008 http://www.thebulletin.org/node/2479 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[5] КЗХО. Приложение по химикатам. А. Основные принципы для списков химикатов. См. также: КЗХО. Приложение по проверке. Часть IV. А. Уничтожение химического оружия и его проверка согласно статье IV. С. Уничтожение.

[6] Там же.

[7] В США в силу исторических причин объем отравляющих веществ измеряется в малых или коротких тоннах (малая тонна (short ton) = 2000 фунтов = 907,18 кг). Исходя из этого, объем отравляющих веществ в США равен либо 31 496 малым т, либо 28 572 метрическим т. Россия свои запасы измеряет метрическими тоннами – 40 000 т.

[8] Federation of American Scientists, United States: Chemical Weapons. http://www.fas.org/nuke/guide/usa/cbw/cw.htm (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[9] Public Law 99–145 «Department of Defense Authorization Act, 1986,» November 8, 1985. Public Laws Authorization and Appropriation Acts 1969–2007. CMA. Washington, DC. 11/9/2006 http://www.cma.army.mil/include/docrendition.asp? DocID=003674063 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[10] Агентство объединило в себе функции по уничтожению и хранению химического оружия США, ранее поделенные между Программой химической демилитаризации (Program Manager for Chemical Demilitarization) и Командованием химической и биологической защиты (Soldier Biological and Chemical Command). http://www.cma.army.mil/questions.aspx#1 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[11] CMA – Our Mission. CMA. http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003674450 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[12] Незначительная часть химического оружия хранится не на складах, а рассредоточена по различным объектам. Предположительно эти химикаты расположены более чем на 100 площадках. Они поделены на 5 категорий: а) бинарное оружие; б) различное специализированное оборудование, связанное с химическим оружием (категории 3); в) восстановленное оборудование, имеющее отношение к применению химического оружия, например средства обнаружения и идентификации химических агентов; г) бывшие объекты по производству химического оружия (ОПХО); д) старое химическое оружие (уничтожается вне оговоренных КЗХО сроков).

[13] Tooele Deseret Chemical Depot – safely eliminating the nation's largest stockpile of chemical weapons. CMA. 03.01.2007 http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003676596 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[14] PL.107–248, Defense Appropriations Act for FY 2003 October 23, 2002. Public Laws Authorization and Appropriation Acts 1969–2007. CMA. Washington, DC. 11/9/2006 http://www.cma.army.mil/include/docrendition.asp? DocID=003674063 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[15] Таблица составлена на основе данных: Federation of American Scientists, FAS: (Chemical Weapons; Chemical Weapons Convention Archive). http://www.fas.org/nuke/guide/usa/cbw/cw.htm; http://fas.org/blog/cw/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); U.S. Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/64997.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); U.S. Army Chemical Materials Agency, CMA. http://www.cma.army.mil/home.aspx (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Assembled Chemical Weapons Alternatives, ACWA http://www.pmacwa.army.mil (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Nuclear Threat Initiative, NTI. http://www.nti.org (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[16] Note by the Director-General. Status Report on the progress made by those states parties that have been granted extensions of deadlines for the destruction of their category 1 chemical weapons. ОЗХО. http://www.opcw.org/index.php? eID=dam_frontend_download&fileID=12497 (последнее посещение – 16 декабря 2008 г.).

[17] Non-Stockpile Chemical Materiel Project Overview. *CMA*. 2/7/2008 http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003671053 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[18] Бинарное химическое оружие – одна из разновидностей химического оружия. В отличие от унитарных боеприпасов, заряжаемых одним типом отравляющего вещества, бинарные снаряжаются двумя или более нетоксичными химическими компонентами, помещенными в разделенные контейнеры. Во время полета снаряда, бомбы, ракеты они перемешиваются и образуют высокотоксичное отравляющее вещество.

[19] Non-Stockpile Chemical Materiel Project Overview. *CMA*. 2/7/2008 http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003671053 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[20] CMA News, May 2008, *CMA*. http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003678150 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[21] Запасы химического оружия в Российской Федерации. Российское агентство по боеприпасам. www.munition.gov.ru/rus/zapasho.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[22] ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 21 марта 1996 г.). Приложение № 1 http://www.munition.gov.ru/rus/36_5.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[23] Федеральный закон об уничтожении ХО. *Собрание законодательства РФ*. 1997, № 18, 5 мая. С. 2105.

[24] Федеральный закон о ратификации конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. *Бюллетень Международных Договоров*. 1998. N 2. С. 65–68.

[25] Постановления Правительства РФ от 5.06.2008 N 438 Положение о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации. http://www.minprom.gov.ru/ministry/docs/25.

[26] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации № 16 от 11 июля 2008 г. О проведении мероприятий по формированию штатного расписания Министерства промышленности и торговли Российской Федерации.

[27] Капашин В.П., Назаров В.Д., Безруков Г.Н. Объект в пос. Горный, Саратовской области – первый российский объект по уничтожению запасов химического оружия. Информационно-аналитический сборник «Федеральные и региональные проблемы уничтожения химического оружия», Выпуск 5. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/98.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[28] Снижая тем самым первоначальную токсичность в десятки тысяч раз и полностью уничтожая отравляющее вещество.

[29] Реакционные массы после подтверждения инспекторов ОЗХО уже не считаются отравляющим веществом и уничтожаются вне отводимых Конвенцией сроков.

[30] Петрунин В. Технологические подходы к уничтожению химического оружия. *Химическое Оружие и Проблемы Его Уничтожения*. 1996, № 1, весна. С. 19.

[31] Note by the Director-General. Status Report on the progress made by those states parties that have been granted extensions of deadlines for the destruction of their category 1 chemical weapons. ОЗХО. http://www.opcw.org/index.php? eID=dam_frontend_download&fileID=12497 (последнее посещение – 16 декабря 2008 г.).

[32] Таблица составлена на основе данных: ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 21 марта 1996 г). Приложения № 1, № 2. http://www.munition.gov.ru/rus/36_5.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 29 декабря 2007 г.). Собрание законодательства РФ. 2008, N 2,14 января, ст. 94; *Открытый электронный журнал Химическое разоружение*. http://www.chemicaldisarmament.ru (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[33] Химическое разоружение: процесс химического разоружения в России «идет крейсерским ходом» – полпред президента РФ в ПФО. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 26 февраля. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1202.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 29 декабря 2007 г.). *Собрание законодательства РФ*. 2008, N 2,14 января, ст. 94.

[34] ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 29 декабря 2007 г.). *Собрание законодательства РФ*. 2008, N 2, 14 января, ст. 94.

[35] Согласно бюллетеню Счетной палаты Российской Федерации № 3 (123)/2008 на ОАО *Химпром*, г. Новочебоксарск на сентябрь 2007 г. уничтожено 92,26% специализированного оборудования. Счетная палата Российской Федерации http://www.ach.gov.ru/bulletins/2008/3–8.php

[36] ФЦП «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (Редакция 29 декабря 2007 г.). *Собрание законодательства РФ*. 2008, N 2,14 января, ст. 94.

[37] Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации (Открытая Белая книга МО РФ). С. 32.

[38] Кириенко Сергей: в Российской Федерации полностью уничтожено химическое оружие третьей категории. Официальный сайт Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе. http://www.pfo.ru/? id=3361 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[39] График построен на основе данных: Reports of United States General Accounting Office. http://www.gao.gov/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Ежегодники СИПРИ за 1998, 1999 М.: Наука, 2000 и 2001 гг.; Reports of the OPCW on the implementation of the CWC in 2000, 2001, 2007 years. http://www.opcw.org (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[40] Таблица составлена на основе данных Public Laws authorization and appropriation acts 1969 – 2007 for the US. army chemical materials agency. *CMA*. http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003674063 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[41] 45 Percent Chemical Weapons Convention Milestone. *CMA*. http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003677032 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[42] Чтобы уложиться к 2007 г., уничтожение на этих объектах надо было начать до 30 июня 1999 г.

[43] На 31 января 2000 г. Report to Congressional Committees. Chemical Weapons Disposal: Improvements Needed in Program Accountability and Financial Management. United States General Accounting Office. 2000, May. http://www.gao.gov/new.items/ns00080.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[44] Report to Congressional Committees. Chemical Weapons Disposal: Improvements Needed in Program Accountability and Financial Management. United States General Accounting Office. 2000, May. http://www.gao.gov/new.items/ns00080.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[45] Destruction Schedule Delays and Cost Growth Continue to Challenge Program Management. GAO. 1 April 2004. http://www.gao.gov/new.items/d04634t.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[46] Report of the OPCW on the implementation of the convention on the prohibition of the development, production, stockpiling and use of chemical weapons and on their destruction in 2003. OPCW. http://www.opcw.org/docs/csp9/c905.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[47] Additional Management Actions Needed to Meet Key Performance Goals of DOD's Chemical Demilitarisation Program. (GAO-o8–134 Chemical Demilitarization). United States General Accounting Office. 2007 December http://www.gao.gov/new.items/d08134.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[48] USA Request for establishment of a revised date for the destruction of category 1 CW in the USA. US. Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/64997.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[49] USA Request for establishment of a revised date for the destruction of category 1 CW in the USA. U.S. Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/64997.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[50] В запросе не уточнено, но, скорее всего, речь идет о получении разрешений со стороны ведомств, отвечающих за экологическую безопасность объектов.

[51] Decision: requested by the United States of America for establishment of a revised date for the final deadline for destroying all of its category 1 chemical weapons. Eleventh Session of Conference of the States Parties. 5–8 December 2006. OPCW. http://www.opcw.org/docs/csp/csp11/en/c11dec17(e).pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[52] 45 Percent Chemical Weapons Convention Milestone. CMA. http://www.cma.army.mil/fndocumentviewer.aspx? docid=003677032 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[53] Литовкин Д., Братерский А. Американцы все же *похимичат* в России. *Известия.Ру* http://www.izvestia.ru/russia/article25520/index.html

[54] На 20 декабря 2008 г. десять стран все еще не стали участниками Конвенции: Ангола, Багамские Острова, Доминиканская Республика, Египет, Израиль, Ирак, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Мьянма, Сирийская Арабская Республика, Сомали.

[55] Бердников М.В. Диссертация: Политика США в сфере химического разоружения (с середины 1960-х гг. по 2007 г.). ИСКРАН.

[56] Public Laws Authorization and Appropriation Acts 1969–2007. CMA. Washington, DC. 11/9/2006 http://www.cma.army.mil/include/docrendition.asp? DocID=003674063 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[57] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об уничтожении и непроизводстве химического оружия и о мерах по содействию Многосторонней конвенции о запрещении химического оружия так и не вступило в силу в связи с ратификацией КЗХО. http://www.nasledie.ru/politvne/18_24/18_24_3/article.php? art=1 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[58] Калинина Н.И. К вопросу о международном содействии России в химическом разоружении. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2000, № 13. С. 47.

[59] Issue Brief. The Nuclear Threat Initiative. http://www.nti.org/e_research/e3_62a.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[60] Петрунин В. Технологические подходы к уничтожению химического оружия. *Химическое Оружие и Проблемы Его Уничтожения.* 1996, № 1, весна. С. 19.

[61] 29 апреля 2000 г. – первый этап (1%) и 20 апреля 2002 г. – второй этап (20%).

[62] В качестве новых сроков были установлены для 1-го этапа (1%) – 29 апреля 2002 г., для 2-го (20%) – 29 апреля 2007 г. – OPCW Council Recommends Accepting Delay in Russian Chemical Weapons Destruction. OPCW press release. http://www.opcw.org/html/global/press_releases/2k/pr13_2000.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Eighth Session of the Conference of the States Parties: A Summary. OPCW. http://www.opcw.org/cdq/html/cdq4/cdq4_art4.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[63] Таблица составлена на основе данных: Слушания в Государственной Думе Федерального Собрания РФ по закону о ратификации КЗХО (стенограмма), 30 октября 1997 г. С. 7; Ежегодники СИПРИ за 1999, 2000, 2005 гг.; *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. http://www.chemicaldisarmament.ru/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Организация по запрещению химического оружия http://www.opcw.org/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.). J. Tucker The chemical weapon Convention: implementation challenges and solutions. Monterey institute of international studies. 2001, Apr. С. 35; Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies. http://www.armscontrol.ru (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Arms Control Today http://www.armscontrol.org/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Strengthening the Global Partnership, SGP. http://www.sgpproject.org/ (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Холстов подтвердил намерение РФ уничтожить свое химоружие к 2012 году. Федеральное агентство по промышленности. http://www.rosprom.gov.ru/news.php? id=1344 (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[64] Учитывая, что Россия ратифицировала Конвенцию только в ноябре 1997 г., то данные за 1995, 1996 и 1997 гг. здесь не приводятся.

[65] Россия уничтожила треть запасов химического оружия – представитель агентства по промышленности. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 29 апреля http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1242.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Химическое разоружение: процесс химического разоружения в России «идет крейсерским ходом» – полпред президента РФ в ПФО. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 26 февраля. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1202.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[66] Россия решает самые масштабные задачи по уничтожению химоружия – глава госкомиссии по химическому разоружению РФ. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 02 декабря, http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1382.html (последнее посещение – 17 декабря 2008 г.).

[67] Химическое разоружение: процесс химического разоружения в России «идет крейсерским ходом» – полпред президента РФ в ПФО. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 26 февраля. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1202.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[68] Редакции: от 5 июля 2001 г., от 24 октября 2005 г., от 21 июня 2007 г., от 29 декабря 2007 г., от 12 сентября 2008 г.

[69] USA Request for establishment of a revised date for the destruction of category 1 CW in the USA. US. Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/64997.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[70] Таблица взята из доклада: GAO analysis of DOD and CMA data. Additional Management Actions Needed to Meet Key Performance Goals of DOD's Chemical Demilitarization Program (GAO-08–134 Dec.2007). United States General Accounting Office. http://www.gao.gov/new.items/d08134.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[71] Source: GAO analysis of DOD and CMA data. Additional Management Actions Needed to Meet Key Performance Goals of DOD's Chemical Demilitarization Program (GAO-08–134 Dec.2007). United States General Accounting Office. http://www.gao.gov/new.items/d08134.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[72] Это связано в первую очередь с тем, что альтернативные технологии должны были пройти испытание на объектах в Ньюпорте и Абердине, а также затем адаптированы к уничтожению отравляющих веществ в боеприпасах.

[73] USA Request for establishment of a revised date for the destruction of category 1 CW in the USA.Annex: Table 1. US. Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/64997.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[74] Blue Grass Army Depot, Kentucky – Project Stages. ACWA. http://www.pmacwa.army.mil/ky/project_stages.htm (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.); Pueblo Chemical Depot, Colorado – Project Stages. ACWA. http://www.pmacwa.army.mil/co/project_stages.htm (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[75] Source: GAO analysis of DOD and CMA data. Additional Management Actions Needed to Meet Key Performance Goals of DOD's Chemical Demilitarization Program (GAO-08–134 Dec.2007). United States General Accounting Office. http://www.gao.gov/new.items/d08134.pdf (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[76] Progress Reported in CW Disposal Across U.S. NTI. 2008, Tuesday, 29 April http://www.nti.org/d_newswire/issues/2008_4_29.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[77] Pentagon Plans to Transport Chemical Weapons Across the US. FAS: Chemical Weapons Convention Archive. http://fas.org/blog/cw/2008/07/pentagon-plans-to-transport-chemical-weapons-across-the-us.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[78] Калинина Н.И., Walker Paul F.

[79] Пентагон признал, что может не успеть уничтожить свои запасы химоружия к 2017 году. *Химическое Разоружение*, 2008, 7 июля, http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1306.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[80] Colorado wants mustard gas destroyed. Los Angeles Times. 2008, 19 June. http://www.latimes.com/features/healthmedicine//la-na-pueblo19–2008jun19,0,7289585.story (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[81] 31 декабря 2009 г. и 29 апреля 2012 г. соответственно.

[82] Россия должна уничтожить запасы химического оружия к 2012 году – Иванов. *Химическое Разоружение,* 2008, 19 февраля, http://www.chemicaldisarmament.ru/article/1/1199.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[83] На второй обзорной конференции ОЗХО представитель России (В. Холстов) вновь подтвердил стремление и уверенность России в том, что она уничтожит до 29 апреля 2012 г. все запасы химического оружия, в частности: «Россия исключает для себя возможность не уложиться в конвенционные сроки уничтожения своих запасов химоружия. [...] Набранные темпы работ позволят нам в установленные сроки завершить выполнение третьего и четвертого этапов по уничтожению запасов химоружия категории 1» – из выступления В. Холстова на 2-й Специальной сессии Конференции государств-участников по рассмотрению действия Конвенции о запрещении химического

оружия. Гаага, 8 апреля 2008 г. http://www.opcw.org/rc2/index.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[84] Россия имеет все возможности для выполнения взятых на себя обязательств по уничтожению всех запасов химического оружия к 2012 г. – Капашин В. *Химическое Разоружение,* 2008, 3 июня, http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1267.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[85] В России есть все возможности завершить уничтожение химоружия в 2012 году, то есть в запланированный срок – федеральное агентство. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение.* 2007, 15 ноября. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1140.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[86] Россия уничтожит свои запасы химоружия к 2012 г., заявил генеральный директор технического секретариата ОЗХО. *Химическое Разоружение,* 2008, 17 июня, http://www.chemical disarmament.ru/print/1279.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[87] Счетная палата проверила уничтожение запасов химоружия. Департамент информации Счетной палаты Российской Федерации. 2008, 30 сентября, http://www.ach.gov.ru/news/show/?2705 (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[88] Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 3 (123) / 2008 Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка законности и целевого использования средств федерального бюджета и международной помощи, выделенных на реализацию президентской программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» в 2006 году и за истекший период 2007 года. Счетная палата Российской Федерации. http://www.ach.gov.ru/bulletins/2008/3–8.php (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

[89] Счетная палата проверила уничтожение запасов химоружия. Департамент информации Счетной палаты Российской Федерации. 2008, 30 сентября. http://www.ach.gov.ru/news/show/?2705 (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[90] Завод был построен почти полностью за счет средств российского бюджета, только 0,9% (66 млн долл. США) было получено от Швейцарии. См.: В Пензенской области пущена первая очередь завода по уничтожению химического оружия. *Открытый электронный журнал Химическое Разоружение*. 2008, 17 июня. http://www.chemicaldisarmament.ru/print/1275.html (последнее посещение – 17 ноября 2008 г.).

Эльдар Касаев

ИРАК: ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Несмотря на затяжной кризис, явившийся следствием военной оккупации Соединенными Штатами в 2003 г., топливно-энергетический комплекс (ТЭК) Ирака остается сегодня привлекательным объектом для инвестиций других государств, включая Россию.

Примечательно, что с самого начала иракского кризиса 2003 г. Россия настаивала на необходимости привлечь международное сообщество к его урегулированию. Российская сторона готова участвовать и в восстановлении Ирака, включая деловое сотрудничество, особенно в тех отраслях экономики, где работали советские, а и затем российские специалисты[1].

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ТЭК ИРАКА

России принадлежит исключительное место на мировых энергетических рынках. Государство является одним из мировых лидеров в добыче нефти. В 2007 г. добыча нефти в России составила 490,83 млн т[2], а по итогам 2008 г. специалисты прогнозируют цифру в 500 млн т[3]. Перспективы развития нефтяной отрасли России связаны с разработкой новых месторождений за рубежом. Прежде всего, это месторождения государств Ближнего и Среднего Востока (в частности, Ирака).

Сегодня в Ираке добывается, по разным оценкам, от 2 до 2,5 млн баррелей в сутки[4]. Можно прогнозировать, что при некотором улучшении ситуации в стране этот показатель реально может возрасти до 3 млн баррелей[5].

В среднесрочной перспективе имеющиеся запасы нефти позволят, по прогнозам Министерства нефти Ирака, добывать в Ираке 4 млн баррелей нефти в сутки к 2010 г. и 6 млн баррелей – к 2012 г.[6]. Кроме того, Ирак имеет большое количество *перспективных* месторождений с внушительными залежами углеводородного сырья[7].

Конечно, указанного уровня добычи, сопоставимого с возможностями мировых лидеров (Саудовской Аравии и не входящей в ОПЕК России), можно достичь лишь при условии, если в развитие нефтяной промышленности Ирака будут вложены крупные денежные средства иностранных инвесторов. Однако сейчас иностранные компании практически потеряли доступ к иракской нефти. Правом на добычу обладают в основном государственные компании *North Oil Company* и *South Oil Company*.

До того как в Ираке был свергнут режим Саддама Хусейна, более 40% внешнеторгового оборота Ирака приходилось на партнеров из России, которые всегда активно работали на иракской территории. Так, 21 марта 1997 г. между Министерством нефти Республики Ирак, компанией ОАО *Лукойл*, объединениями ОАО *Зарубежнефть* и ОАО *Машиноимпорт* был подписан контракт на разработку и добычу второй очереди иракского нефтяного месторождения Западная Курна («Западная Курна-2»).

Срок действия контракта на условиях соглашения о разделе продукции составляет 23 года и может быть продлен еще на 5 лет. Доля *Лукойла* в проекте достигает 68,5%, *Зарубежнефти* и *Машиноимпорта* – по 3,25% соответственно. С иракской стороны в проекте участвует *Государственная нефтяная маркетинговая организация* (SOMO), которой принадлежит 25% в проекте. По данным компании *Лукойл Оверсиз Холдинг Лтд.*, доказанные запасы нефти на Западной Курне составляют 6 млрд баррелей.

Стоит отметить, что ранее *Лукойл* уже инвестировал в разработку данного месторождения около 4 млрд долл. Однако в конце 2002 г. Саддам Хусейн (на тот момент являвшийся президентом Ирака) заявил о расторжении данного контракта, хотя юридически не мог этого сделать в одностороннем порядке: контракт предусматривал, что расторгнуть его можно только в Международном арбитражном суде.

После этого российские компании при дипломатической поддержке государства неоднократно пытались договориться с представителями новой власти в Ираке. Поначалу иракское руководство заявляло, что намерено рекомендовать правительственным структурам и парламенту изучить возможность возобновления контракта на разработку месторождения «Западная Курна-2» с *Лукойлом*, обладающим высокой технической квалификацией, большими финансовыми возможностями и уникальными данными геологоразведки. Однако потом Министерство нефти Ирака заявило, что российские компании могут принять участие в тендерах по разработке нефтяных и газовых месторождений Ирака только *на общих основаниях*[8].

Стоит заметить, что принятие обсуждаемого в Ираке проекта рамочного закона об углеводородах (Draft Hydrocarbon Framework Law)[9] может привести к тому, что *Лукойл* и его партнеры потеряют все права на «Западную Курну-2», поскольку законопроект предусматривает, что заключение различных сделок с иностранными компаниями, касающихся углеводородного сырья Ирака, будет относиться к компетенции нового органа – Федерального совета по нефти и газу (ФСНГ), а не Министерства нефти, как было раньше. Планируемый орган сможет также пересматривать и изменять договоры в области разведки и добычи, которые были заключены правительством Саддама Хусейна, в том числе с российскими компаниями *Лукойл*, *Зарубежнефть*, *Стройтрансгаз* и некоторыми другими. Согласно документу, «любой контракт, заключенный с прежним режимом или с властями курдской автономии, подлежит пересмотру и приведению в соответствие с новым законом» (ст. 40)[10].

Внешне будущий закон может произвести впечатление *либерального* в связи с тем, что после его принятия заключать контракты с зарубежными инвесторами смогут непосредственно местные власти производящих районов и провинций, а не федеральные власти, как прежде. Однако полной самостоятельности они не получат: заключенный договор надлежит в течение месяца предоставить на рассмотрение ФСНГ, который может либо его одобрить (не менее чем двумя третями своего состава), либо в случае неодобрения обязан объяснить причину.

Тем не менее, в среднесрочной перспективе на иракский нефтяной рынок намерены выйти российские компании ОАО *Роснефть*, ОАО *Зарубежнефть* и ЗАО *Нефтегазэкспорт*[11]. Что же касается других иностранных компаний, то о своем *присутствии* в Ираке уже активно заявляют китайские и даже украинские компании.

Так, *Китайская государственная нефтяная корпорация* в конце августа 2008 г. впервые после оккупации Ирака сумела возобновить свой контракт, подписанный еще при Саддаме Хусейне. Тем не менее, объем добычи на полученном месторождении аль-Ахдаб не превысит 90 тыс. баррелей в сутки (порядка 4,5 млн т нефти в год). Украина еще в 2006 г. предложила Ираку техническую помощь по осуществлению разведки и добычи нефти и газа, а также по строительству нефте- и газопроводов.

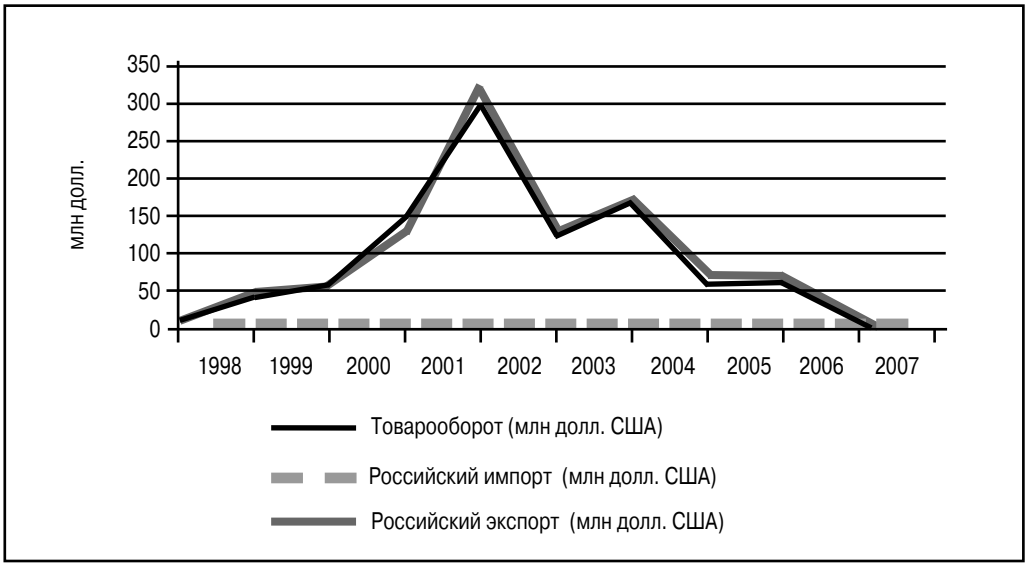
Такие признанные энергетические тяжеловесы, как *Chevron*, *Exxon Mobil*, *British Petroleum,* пока не торопятся приступать к нефтяным разработкам в Ираке, ожидая улучшения ситуации в сфере безопасности[12].

Нестабильность в сфере безопасности представляет собой значительное препятствие и для крупномасштабных инвестиций многих российских нефтегазовых компаний. В связи с этим не исключено, что в средне- и долгосрочной перспективе Ирак столкнется со сложными альтернативами в вопросах потребностей и качества нефтяной и газовой индустрии: сохраненный за правительством полный контроль над инвестициями и затратами может идти вразрез с техническими нуждами.

Однако это не значит, что отечественные *игроки* не заинтересованы в скорейшем возобновлении крупных инвестиционных проектов в Ираке. Ведь с 1998 г. в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» более 60 компаний из России поставляли в Ирак транспортные средства, оборудование и другие готовые изделия, имеющие прямое отношение к обеспечению жизнедеятельности страны. Операциями с нефтью занимались 15 российских компаний.

Примечательно, что российско-иракская торговля в последние 10 лет представлена исключительно поставками отечественных товаров в Ирак (см. *График 1*).

График 1. **Динамика российско-иракской торговли (1998–2007 гг.)**



Источник: Федеральная таможенная служба РФ

Динамика российского экспорта в Ирак определяется главным образом объемом поставок комплектного оборудования и запасных частей для объектов, на которых занято ограниченное число организаций из России. Российские компании, имеющие действующие контракты в Ираке, представлены преимущественно в энергетической сфере. Из их числа – ОАО *Силовые машины*, ОАО *Технопромэкспорт*, компания *Интерэнергосервис* и ООО *Энергоинжиниринг*. Однако потенциальные интересы крупного российского бизнеса связаны с разработкой нефтяных месторождений Ирака.

Каков же на сегодня реальный инвестиционный климат этого *нефтяного Эльдорадо*? Стоит ли отечественным *игрокам* устремляться в погоню за иракским *черным золотом*?

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ ИРАКА

На инвестиционный климат в Ираке влияет серия взаимосвязанных и сложно предсказуемых на долгую перспективу факторов. Для составления объективной целостной картины положения дел в Ираке с точки зрения институционального инвестора необходимо

комплексно проанализировать влияние (в порядке их значимости) геостратегических, военно-политических и экономических факторов, приняв в первую очередь во внимание крайне непростые и драматические события, которые охватили эту страну после падения режима Саддама Хусейна.

Геостратегические факторы

Политическая и хозяйственная активность в Ираке в определяющей степени зависит от регионального расклада сил. Расстановка в регионе характеризуется доминированием Соединенных Штатов и их союзников на политическом уровне и противодействием этому на местах со стороны Ирана, Сирии и их сторонников в лице различных движений и группировок, действующих как в Ираке, так и в соседних странах.

Американский вектор: после избрания Барака Обамы главой Белого дома и сохранения поста министра обороны за Робертом Гейтсом в американском внешнеполитическом курсе относительно Ирака вряд ли стоит ожидать эвентуальных перемен, особенно радикальных (например, военного ухода Соединенных Штатов из Ирака[13]). Вероятнее всего, новая заокеанская администрация будет постепенно сокращать численность своих войск в Ираке до их полного вывода, что позволило бы им значительно восстановить пошатнувшееся доверие со стороны *арабской улицы*.

Примечательно, что юридическую почву для подобных действий заложил еще прежний состав правительства Соединенных Штатов, согласовавший с официальным Ираком проект договора, в котором подробно расписаны все положения, касающиеся пребывания американских войск на иракской территории и предполагаемые сроки их вывода. Так как текст договора еще окончательно не утвержден, то некоторые его положения представлены в двух вариантах (иракском и американском) или же дается пожелание одной из сторон, которое пока еще не было утверждено другой стороной.

В обоих вариантах говорится о сроках вывода американских войск: боевые подразделения Соединенных Штатов выводятся из всех городов, деревень и других населенных пунктов в срок, соответствующий тому, когда иракские силы по поддержанию безопасности возьмут на себя ответственность за сохранение стабильности в них, с тем чтобы вывести войска не позднее 30 июня 2009 г., однако компетентные иракские органы могут потребовать внесения изменений в эти сроки[14].

Ирано-сирийский вектор: принимая во внимание численное превосходство шиитской общины в Ираке и ее активное участие в деятельности нынешней власти в стране, иранцы четко осознают, что в перспективе они могут претендовать на то, чтобы взять под свой контроль всю власть в Ираке и богатые нефтяные ресурсы страны[15]. Это во многом объясняет их политическую гибкость в отношении американцев в Ираке и неконфронтационность в отношении усилий по восстановлению гражданского мира в стране.

В то же время руководство в Тегеране неоднократно посылало американцам вербальные и невербальные сигналы о том, что если в Вашингтоне решатся на военную операцию против Ирана, то:

- американцы и их союзники в полной мере ощутят на себе *шиитский гнев* (намек на бои в Фаллудже в 2004–2005 гг.);
- безопасность судоходства в Персидском заливе и через Ормузский пролив более не будет гарантироваться иранской стороной;
- мировая цена на нефть на уровне 100–130 долл. за баррель больше не будет казаться запредельной.

В вынужденной связке с иранцами в регионе действует Сирия, политическое руководство которой *загнано в угол* политикой Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Отказываясь *капитулировать* перед Вашингтоном (в деле международного расследования убийства ливанского премьера Харири, выполнения резолюции 1559 Совета Безопасности ООН по Ливану), который на сирийском направлении действует в тесной ко-

ординации с Израилем, Дамаск стремится укреплять свои рычаги влияния в Ираке, сохраняя связь с суннитскими группировками, включая членов бывшей партии Баас, в том числе из ближайшего окружения бывшего президента Саддама Хусейна.

Военно-политические факторы

Одним из наиболее значимых событий в Ираке за последние годы стало кардинальное изменение конституционного строя. 15 октября 2005 г. в стране состоялся всеобщий референдум, на котором был одобрен текст новой Конституции Республики Ирак. Конституция начинается преамбулой, в которой подчеркивается уникальность геополитического положения Ирака и пройденного им исторического пути. Статья 1 Конституции Ирака закрепляет за ним статус независимого суверенного государства, политическая система которого характеризуется как демократическая, федеративная, парламентская республика[16].

Вскоре после принятия Конституции в Ираке состоялись общенациональные парламентские выборы, по итогам которых *Объединенная иракская коалиция* (ОИК) шиитов-исламистов получила 128 из 275 мест в парламенте, *Курдский альянс* занял второе место с результатом 53 места, а *Объединенный иракский фронт* и *Совет национального иракского диалога* (сунниты) – соответственно 44 и 11 депутатских мандатов. На четвертой позиции расположился *Список Алави*, получивший 25 мест[17].

Такой исход выборов связан, по мнению экспертов, с тем, что одной из целей американских и британских властей была *дебаасизация* Ирака, т.е. кампания по лишению полномочий правящей во времена Саддама Хусейна партии Баас, которая в основном состояла из представителей суннитской части населения Ирака.

Несмотря на активные действия американо-британских сил обеспечить в Ираке, в первую очередь, собственные интересы, в стране все же были сформированы легитимные власти (правительство), получившие признание мирового сообщества. Однако Соединенные Штаты продолжают вмешиваться во внутренние дела Ирака, надеясь установить контроль за его нефтяными запасами (на Ирак приходится 5% мирового нефтяного экспорта[18]).

Главная проблема иракского правительства заключается в том, что оно не контролирует ситуацию на местах[19]. В политическом и хозяйственном отношении страна расколота на несколько частей. Север Ирака, населенный преимущественно курдами, живет независимо от остальной части страны, пользуется практически всеми атрибутами независимого полугосударственного образования (со своими органами власти, силами правопорядка, экономической системой и т.п.). Южная часть Ирака, населенная шиитами, контролируется ориентированными на Иран местными силами. В центральных районах ситуацию определяют суннитские группировки.

Ситуация в области безопасности в середине 2008 г., как и прежде, не отличается стабильностью. Вместе с тем, успехи, достигнутые в деле обеспечения безопасности, очень неустойчивы и отнюдь не приняли необратимый характер. Это подтверждается и тем, что американская администрация и военное командование не торопятся с сокращением численности войск Соединенных Штатов в Ираке[20]. Более того, в начале 2008 г. боевики значительно усилили свою активность: в стране возросло число терактов, в том числе крупных, вооруженных нападений, обстрелов, похищений людей.

Пока трудно судить, насколько длительным окажется новый период повышенной террористической и боевой активности противников США и нынешнего иракского режима. Так, командование американских войск утверждает, что речь не идет об устойчивой тенденции, а нынешняя повышенная интенсивность действий боевиков носит кратковременный характер. Сложная ситуация в вопросах безопасности сохраняется в Багдаде и прилегающих к столице районах. Однако наиболее масштабно, отмечает российский востоковед В.П. Юрченко, террористы и боевики продолжают действовать на севере Ирака[21]. Что касается иракской армии и полиции, то, несмотря на имеющиеся по-

зитивные сдвиги, они «все еще не готовы самостоятельно защищать Ирак или поддерживать безопасность в стране»[22].

Основные усилия нынешнего руководства Ирака в обозримой перспективе будут направлены на прекращение межконфессиональных (сунниты против шиитов) и межэтнических (арабы против курдов) столкновений и *разборок*, в которые вовлечены различные вооруженные формирования. Претензии каждой из общин на получение контроля над нефтяным сектором существенно затрудняют достижение национального компромисса, способного положить конец междоусобице. Несмотря на то, что в иракском парламенте имеется общее понимание в отношении параметров приемлемых договоренностей на этот счет между представителями различных сил, межконфессиональные противоречия на местах и устоявшаяся практика сведения счетов между *военными баронами* в отдельных частях страны наверняка *торпедируют* какое-либо политическое соглашение, которое зафиксировало бы справедливую расстановку сил на внутриполитической арене с точки зрения доступа к нефтяному сектору.

Экономические факторы

Макроэкономическая ситуация в Ираке, как может показаться, уже относительно длительное время в целом сохраняется стабильной, несмотря на очевидные проблемы в военно-политической области. Так, правительству Ирака удается удерживать в обозначенных рамках бюджетные расходы, курс национальной валюты, что, даже по оценкам международных организаций, обеспечивает серьезный экономический рост. Золотовалютные резервы Ирака также увеличиваются (более 25 млрд долл. по итогам 2007 г.)[23]. Однако эта стабильность не должна вводить в заблуждение. Фискальный профицит обеспечивается за счет того, что правительство не решается запускать масштабные инвестиционные проекты с государственным участием, заложенные в бюджете.

Анализируя динамику ВВП и развития макроэкономической ситуации, необходимо иметь в виду, что иракская экономика пребывала в кризисном состоянии на протяжении 1990-х гг. вплоть до 2003 г. Ее темпы развития в целом соответствовали тем, которые мы наблюдаем в официальной статистике и сейчас. Причинами относительно низкой динамики развития экономики является сложная военно-политическая ситуация и целый комплекс факторов, связанных с далекими от решения политическими, хозяйственными, структурными и социальными проблемами.

Локомотивом всей иракской экономики могла бы стать нефтяная отрасль, однако проекты в нефтяной сфере также серьезно *пробуксовывают* в связи с экспортными ограничениями технического характера (низкая пропускная способность существующих трубопроводов через Турцию и нефтеналивных терминалов в провинции Басра), вызванными низким уровнем капиталовложений в обновление необходимой инфраструктуры.

Дальнейшие перспективы развития нефтяной отрасли, на которую сейчас приходится более 90% производимого в Ираке ВВП и более 95% экспорта, связаны исключительно со способностями правительства не только аккумулировать поступающие нефтедоллары, но и обеспечить нормальные условия для освоения этих средств внутри страны[24].

Однако стоит отметить, что улучшение положения дел в вопросах обеспечения безопасности в конце 2007 г. позитивно отразилось и на состоянии экономики Ирака. В частности, по итогам 2007 г. отмечено снижение уровня инфляции (с 69,6% в конце 2006 г. до 32% к началу 2007 г. и до 11% к началу 2008 г.)[25]. Причем наибольшие успехи достигнуты в головной отрасли национальной экономики – нефтяной. В декабре 2007 г., по подсчетам специалистов, объем добычи нефти в стране впервые превысил довоенный уровень. Сейчас в Ираке ежесуточно добывается 2,3 млн баррелей нефти[26].

Центральная проблема иракской экономики, как отмечают специалисты, заключается в ее структурном несоответствии реальным потребностям как современного национального хозяйства, в котором ведущая роль принадлежит капиталоемким, технологическим, инфраструктурным и информационным отраслям, так и мировой экономики, с которой Ирак связывают только его нефтяные ресурсы. Отдельно стоит вопрос ре-

формирования социальной сферы. Вопросы возникают в отношении условий функционирования кредитно-банковских учреждений. В стране основательно подорвана система транспортных коммуникаций и средств связи. Правительство Ирака, хотя и имеет доступ к значительным ресурсам капитала, не может реально приступить к выправлению структурных перекосов в национальном хозяйстве в силу ограниченной дееспособности в вопросах, связанных с реализацией своих решений на местах.

Одним из системных вопросов развития иракской экономики и восстановления к ней доверия со стороны иностранных инвесторов является урегулирование внешней задолженности этой страны, которая по состоянию на август 2008 г. составляла от 50 до 80 млрд долл.[27]. Этот вопрос постепенно решается как при участии государств-кредиторов из числа членов Парижского клуба, так и на уровне частных инвесторов. Ожидается, что по итогам переговоров с основными кредиторами консолидированный объем внешнего долга сократится до 33 млрд долл. к 2010 г., а его прогнозируемое отношение к ВВП сократится до 33%.

Возможность выплаты Ираком оставшейся части долга зависит от мировой цены на нефть. При этом иракское правительство исходит из того, что выплаты по нему будут производиться за счет внутренних ресурсов. С учетом того, что прогнозируемая цена на нефть к 2010 г. будет значительно превышать 100 долл. за баррель, то риск невыплаты Ираком реструктуризированной части долга вообще сводится к нулю.

Необходимо особо отметить, что ведущие международные агентства (к примеру, *Standard & Poors*) воздерживаются от присвоения Ираку сверенного кредитного рейтинга. Данный факт говорит не столько о том, что аналитики опасаются оценивать риски невыплаты иракского долга, сколько об отсутствии надежных и независимых показателей для проведения какой-либо объективной оценки состояния дел в иракской экономике.

Серьезно подрывает доверие к экономике Ирака на макро- и микроуровнях коррупция, автоматически унаследованная нынешним правительством от прежнего режима. Несмотря на ряд громких дел (например, *дело Чаляби*[28]), уровень раскрываемости коррупционных дел остается на очень низком уровне. По имеющимся данным, наиболее коррупционным ведомством Ирака является Министерство нефти[29].

Острой проблемой иракской экономики является демографическая ситуация. Гражданская междоусобица, межэтническое насилие, карательные акции вооруженных сил коалиции привели к резкому росту эмиграции. Страну покинули и продолжают покидать, в первую очередь, квалифицированные кадры. В ходе войны Ирак покинули более 2,5 млн человек, большинство из них живут в Сирии, Иордании, Турции и Египте. Кроме того, в 2008 финансовом году (который закончился в сентябре) в Соединенные Штаты въехали около 9 тыс. иракских беженцев[30].

Наиболее полную картину экономического положения на микроуровне дают соответствующие данные, которые регулярно готовятся специалистами *Группы Всемирного банка*. В 2007 г. были опубликованы результаты ежегодного исследования условий ведения бизнеса в различных странах. Согласно этим данным, Ирак занимает 141-е место[31]. Данный показатель выводился на основе нескольких параметров.

Во-первых, наиболее сложные области ведения бизнеса в Ираке фиксируются на этапах запуска, организации экспорта и импорта, а также выполнения контракта. С транзакционной точки зрения заметно сократился объем *бумажной* работы. Однако реальное функционирование новых механизмов тормозится на исполнительном уровне. Так, чтобы открыть компанию в Ираке, предпринимателю необходимо пройти 11 процедур, на оформление которых уходит в среднем 77 дней. Для организации экспорта и импорта товаров инвестору необходимо приготовить 10 документов для оформления вывоза и 10 для ввоза. Однако на их прохождение через ведомства уйдет 102 и 101 день соответственно. Еще сложнее обстоит дело с выполнением контракта, на что требуется 51 процедура, что в среднем занимает 520 дней.

Во-вторых, в результате проведенной налоговой реформы значительно упростилась в Ираке схема регистрации собственности. Для этого необходимо оформить в среднем

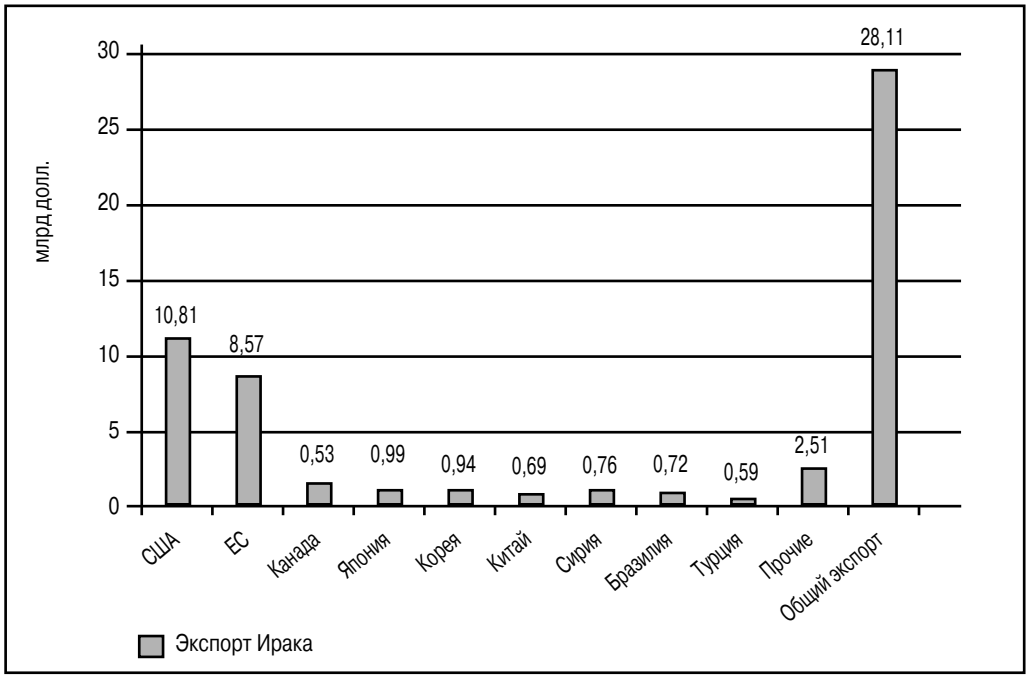
5 процедур, которые по времени могут занять около 8 дней. С точки зрения финансовых издержек регистрация собственности обойдется предпринимателю в среднем в 6,3% от ее стоимости.

К немногочисленным, но заметным *плюсам* ведения бизнеса в Ираке можно отнести налоговый режим в стране. По оценкам экспертов, иракская система налогообложения в целом (с процедурной точки зрения) сравнима с ситуацией в этой области в таких странах, как Южная Корея и Малайзия. Обобщенная картина положения дел в налоговой сфере Ирака, с точки зрения инвестора, выглядит следующим образом: условия работы хозяйствующих субъектов имеют общую тенденцию к ухудшению. Правительством Ирака в целом предпринят ряд административных шагов по упрощению условий ведения бизнеса. К примеру, заметно сократилось количество процедур, уменьшились размеры *поборов*, однако очевидно, что под влиянием сложной военно-политической ситуации на их оформление уходит значительно большее время, чем в других странах.

Оценивая ***внешнеэкономические связи*** Ирака, стоит отметить, что в 2007 г. иракский экспорт оценивался экспертами Международного валютного фонда в сумме 28,11 млрд долл. и был представлен такими традиционными товарами, как сырая нефть, масла и топливо.

По данным ООН, география внешней торговли Ирака сформировалась в основном из поставщиков гуманитарных товаров и импортеров иракской нефти. Основными потребителями иракских товаров являются Соединенные Штаты, ЕС, Канада (см. *График 2*).

График 2. **Импортеры Ирака**

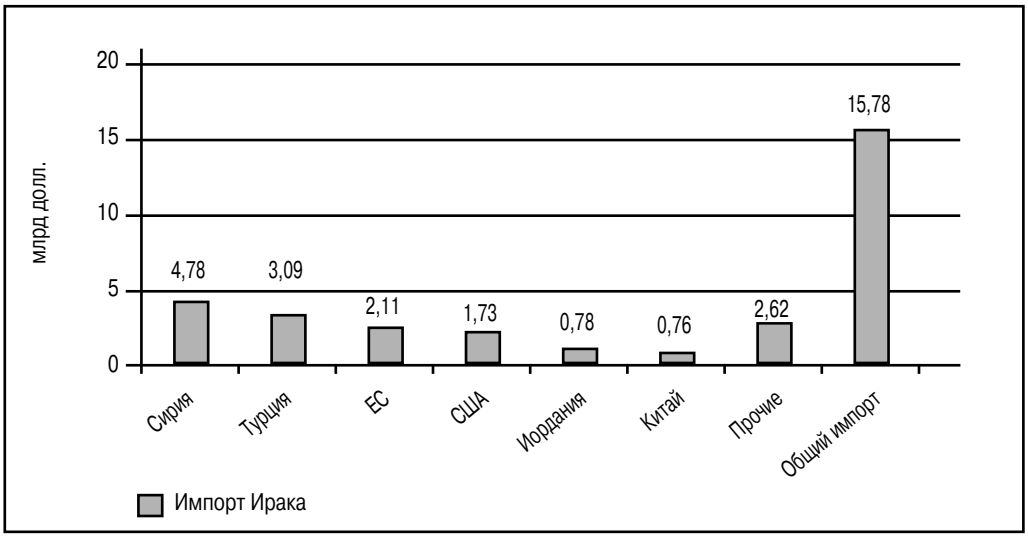


Источник: Direction of Trade Statistics Yearbook 2008

Импорт Ирака оценивался в 2007 г. в 15,87 млрд долл. и был представлен главным образом продовольствием, медикаментами и готовыми товарами широкого потребления, которые поставлялись преимущественно из Сирии, Турции, США, Иордании (см. *График 3*).

Примечательно, что потребителями иракских товаров большей частью являются мировые *тяжеловесы*, а поставщиками в Ирак, напротив, в основном небольшие соседние государства.

График 3. **Экспортеры Ирака**



Источник: Direction of Trade Statistics Yearbook 2008

Правовые риски

Многие инвесторы связывали свои надежды на участие в нефтяных проектах Ирака с новым законом об иностранных инвестициях. Однако принятый в ноябре 2006 г. нормативно-правовой акт не охватывает названный сектор инвестирования. Правовой порядок осуществления инвестиционной деятельности иностранных инвесторов в топливно-энергетическом комплексе Ирака должен закрепить специальный закон об углеводородах[32].

Стоит отметить, что проект этого закона предусматривает ряд форм инвестирования. Прежде всего, соглашение о разделе продукции. Таким образом, Ирак намерен предоставлять инвесторам на возмездной основе и на определенный срок исключительное право на разведку и добычу нефти на указанных в соглашениях участках. Инвесторы должны проводить работы за свой счет и делить произведенную продукцию с другими участниками соглашения.

Законопроект об углеводородах устанавливает ряд критериев, в соответствии с которыми будут заключаться будущие соглашения по разработке и добыче нефти с целью сохранить государственный контроль и максимизировать экономическую прибыль.

Документ предусматривает, что «участники соглашения могут наделяться эксклюзивными правами на разработку, развитие, добычу и реализацию иракской нефти на определенные периоды времени, при условии наличия одобрения соглашения и плана разработки месторождения со стороны иракских властей».

Законопроект также определяет основные положения и условия для оценки соглашений и разработанных планов с целью сохранения суверенного контроля со стороны иракского государства над:

- ❑ добычей нефти;
- ❑ экономической прибылью государства;
- ❑ доходами потенциальных инвесторов.

Группа независимых экспертов Совета будет использовать эти критерии «для оценки соглашений, подписанных региональным правительством Иракского Курдистана с 2003 г. Министерство нефти и Совет будут использовать данные критерии для оценки

соглашений, подписанных с международными нефтяными компаниями во времена предыдущего режима» (ст. 40).

Таким образом, законопроект предусматривает, с одной стороны, централизацию нефтедобычи в рамках *Иракской Национальной Нефтяной Компании* (ИННК), а с другой – позволяет региональным властям и местным нефтяным компаниям напрямую заключать договоры с иностранными компаниями на разведку и разработку месторождений нефти.

Проект закона об углеводородах российская сторона воспринимает неоднозначно. Аналитик *RusEnergy* М.И. Крутихин, к примеру, полагает, что «с точки зрения Ирака и Америки это очень хороший закон, но его принятие означает, что российским компаниям в Ираке делать нечего»[33]. Это связано, прежде всего, с тем, что законопроект предполагает отказ от проведения открытых тендеров при заключении инвестконтрактов и позволит американским компаниям заключать договоры напрямую с провинциями.

Согласно иракскому законодательству, иностранные инвесторы могут претендовать на различные налоговые льготы в зависимости от рода и отрасли их хозяйственной деятельности. Казалось бы, действующее законодательство Ирака обеспечивает защиту иностранным инвесторам от экспроприации их собственности. Так, статья 23 Конституции Ирака запрещает любую экспроприацию, за исключением случаев, представляющих «общественный интерес», и только при условии «справедливой компенсации»[34]. Однако реализация этого конституционного положения будет зависеть от соответствующего закона, который пока не принят.

В ближайшее время иракскому парламенту вряд ли удастся принять данный закон вследствие острых дебатов, которые до сих пор не прекращаются. Однако необходимо все же отметить, что работа в этом направлении все-таки идет. Комитет по пересмотру Конституции Ирака во второй половине мая 2007 г. официально высказал рекомендации относительно конституционных поправок. Однако он оставил решение многих вопросов, включая распределение доходов от нефти, на усмотрение политических лидеров государства, которые разрешат их в интересах государства и смогут гарантировать соблюдение прав всех сторон[35]. По имеющимся сообщениям, представители курдов в Комитете выступали за право региональных властей заниматься вопросом распределения нефтяных доходов. Сунниты и шииты, в свою очередь, поддерживали идею контроля над получением и распределением доходов со стороны центрального правительства[36].

Принципы и механизмы, посредством и при помощи которых должны собираться и распределяться нефтяные доходы, все еще остаются спорными. Тем не менее, большинство зарубежных обозревателей сходятся во мнении, что юридическая форма справедливого распределения доходов решающе важна для экономического процветания и политической стабильности Ирака в будущем.

Таким образом, потенциальные российские инвесторы в Ираке должны знать, что им придется столкнуться со значительными трудностями на этапе создания и запуска своих проектов, поскольку правовая система очень запутанна и зачастую не кодифицирована. В стране не сформировано единое правовое пространство. Вызывает опасение еще и тот факт, что на сегодняшний день Россию и Ирак не связывают какие-либо действующие юридические договоренности по защите капиталовложений.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КУРДИСТАНА

Необходимо особо подчеркнуть, что Иракский Курдистан обладает большими запасами нефти (около 20% всех оцененных запасов нефти Ирака находятся на севере страны рядом с Киркуком, Мосулом и Ханакином[37]). Именно споры различных конфессиональных групп Ирака по поводу нефтяных запасов месторождения Куркук явились одним из факторов, который до сих пор не позволил принять в Ираке закон об углеводородах. Притязания на это богатейшее месторождение имеют, помимо курдов, еще и сунниты, на территории которых в настоящее время отсутствуют действующие нефтяные месторождения.

Согласно статье 113 Конституции Ирака, Курдистан получил статус федерального района и очень широкие полномочия даже для субъекта федеративного государства: право на собственное законодательство (при условии непротиворечия федеральной Конституции), собственную систему законодательной, исполнительной и судебной власти; собственные силы безопасности, собственные представительства при иракских посольствах за рубежом. К исключительной сфере полномочий федерации относятся только такие основные вопросы, как внешние сношения, оборона, финансовая и фискальная политика, торговля между регионами Ирака и управление водными ресурсами, поступающими из-за пределов страны. Все остальное относится к сфере совместной компетенции или к исключительной компетенции регионов. При этом даже в вопросах, относящихся к совместной компетенции, законы регионов имеют приоритет перед федеральными.

Положения Конституции Ирака, касающиеся эксплуатации богатейших нефтяных ресурсов страны, намеренно сделаны предельно расплывчатыми. Нефть и газ признаются собственностью всего иракского народа (ст. 108 Конституции Ирака), а управление добычей нефти из существующих на данный момент месторождений будет осуществляться федеральным правительством совместно с добывающими регионами и провинциями. Доходы будут справедливо распределяться между частями страны в соответствии с демографическим распределением населения (ст.109 Конституции Ирака).

Следует особо подчеркнуть, что, согласно Конституции Ирака, федеральное правительство и правительства производящих районов и провинций вместе разрабатывают необходимую стратегическую политику по развитию нефтяного и газового богатства с целью получения максимальной выгоды для иракского народа, используя самый современный маркетинг и поощрение инвестиций.

Иракский Курдистан, носящий конституционно закрепленный статус федерального района, принял в 2006 г. региональный закон «Об иностранных инвестициях», ст. 19 которого гласит, что «иностранный инвестор не имеет прав собственности на земельные участки, в недрах которых находятся залежи газа, нефти и других минеральных ресурсов»[38].

Важно заметить, что в действующем законодательстве Ирака отсутствует четкое определение порядка разработки вновь открытых месторождений. Он, по всей видимости, должен быть определен законом об углеводородах[39]. Однако уже сейчас в Курдистане создано Министерство природных ресурсов и заключаются контракты с многочисленными зарубежными фирмами по разведке и добыче нефти. К примеру, был подписан договор на получение австрийской нефтегазовой группой *OMV AG* в ноябре 2007 г. контракта на разведку и разработку нефти в участках Мала Омар и Шориш. *OMV AG* планирует пробурить разведывательные скважины в 2009 г.[40].

Широкие полномочия курдского региона воспринимаются крайне негативно представителями других этнических и конфессиональных групп Ирака. Многие видят в них подготовку к созданию независимого курдского государства. Шииты сначала выступали против излишнего усиления Курдистана, но теперь они, видимо, все в большей степени пытаются осуществить идею создания собственного самоуправляемого региона на юге Ирака. Однако такой сценарий вызывает недовольство со стороны арабов-суннитов, живущих в центральной и восточной частях страны. В особенности это связано с тем, что суннитская часть населения Ирака практически лишена нефтяных ресурсов.

Таким образом, Конституция Ирака предоставляет Курдистану широкие возможности по решению нефтяных вопросов, что вызывает недовольство в других районах Ирака. Подтверждением служит то, что 7 августа 2007 г. правительство курдской автономии утвердило региональный закон об углеводородах, не дожидаясь принятия аналогичного федерального закона. Принятый нормативно-правовой акт открывает путь для иностранных инвестиций в углеводородную отрасль трех провинций – Эрбиль, Сулеймания и Дакук, а также на *спорных территориях* в районе Киркука.

Региональные курдские власти вправе заключать контракты с иностранными инвесторами (к примеру, российскими) на участие в развитии своего региона в соответствии

с условиями пока еще не принятого на федеральном уровне закона об углеводородах, Конституцией Ирака и заключением ФСНГ.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО НЕФТЯНОГО БИЗНЕСА В ИРАКЕ

Стоит особо подчеркнуть, что курдские власти дружественно и благосклонно настроены в отношении возможного присутствия российского крупного бизнеса на их территории. Показательным в этом отношении является прошлогодний майский визит российской делегации во главе с президентом Торгово-промышленной палаты России академиком Е.М. Примаковым в Иракский Курдистан. В ходе визита сторонами были затронуты серьезные вопросы двустороннего экономического сотрудничества и возможного российского инвестирования в стремительно набирающую обороты курдскую экономику[41]. «Я был в Курдистане и сам убедился, насколько там стабильно, спокойно. И мне кажется, что напрасно идут разговоры и распространяются слухи о том, что Курдистан хочет, якобы, выходить из состава Ирака. Ни от одного из местных руководителей я об этом не слышал»[42], – отметил Е.М. Примаков.

Что касается представляющих наибольший интерес для российской стороны предложений Курдистана по поводу возможного инвестирования в ТЭК региона, то представители курдской власти опасаются негативной реакции центральных властей Ирака. Это связано с тем, что ввиду децентрализации Багдад пытается контролировать только нефть: разработку же других ресурсов целиком отдает на усмотрение местных властей[43]. Однако если вспомнить ранее заключенные властями Курдистана двусторонние договоры, предусматривающие иностранное инвестирование в энергетический сектор курдской экономики (например, с *OMV AG* из Австрии или *Dana Gas* из ОАЭ), то опасения региональных чиновников в действительности не настолько уж серьезные.

Кроме того, поездка Е.М. Примакова, в ходе которой он провел встречи и дружественные, доверительные беседы со всеми руководителями Курдистана, оставляет вполне обоснованную надежду на то, что по ее итогам будут приняты принципиальные решения о дальнейшем развитии российско-иракско-курдских связей. Эти принципиальные решения тем более важны, что Россия получила в этом году мощный инструмент для проведения своей политики в Ираке и непосредственно в Курдистане – консульство в Эрбиле.

Таким образом, можно прийти к выводу, что инвестиционный климат Курдистана, в отличие от других районов и провинций Ирака, вполне благоприятный для вложения отечественных инвестиционных средств. Степень различных политических, экономических и правовых рисков, с которыми могут столкнуться потенциальные российские инвесторы, гораздо ниже, чем в других районах и провинциях Ирака.

Видные отечественные эксперты-аналитики подчеркивают, что России следует более активно отстаивать свои интересы в Ираке. По мнению главного научного сотрудника ИМЭМО РАН Г.И. Мирского, заявление министра нефти Ирака Хусейна аш-Шахристани о том, что российские компании не получат в Ираке никаких преференций, не должно стать препятствием для России при попытке выхода на иракский нефтяной рынок. С одной стороны, это потеря, с другой – вполне понятная вещь: новое правительство не соблюдает соглашения, заключенные прежним режимом.

Ираку, независимо от того, в каких государственных формах страна выйдет из затяжного кризиса, понадобятся инвестиции, технологии, подготовка персонала. Вот почему уже сейчас, несмотря на многочисленные риски, российским нефтяным компаниям нужно начинать вести активную деятельность на иракском политическом и правовом поле. Нужно воссоздавать тесные связи с курдским населением Ирака. Кроме того, очень важна работа с правительствами шиитских провинций, которые, несомненно, будут осуществлять контроль над богатыми нефть производящими провинциями на юге страны.

В конце марта 2008 г. российская и иракская стороны обсудили, пожалуй, ключевой вопрос в сегодняшних двусторонних отношениях – есть ли шансы у отечественного нефтяного бизнеса снова начать осуществление *замороженных* инвестиционных проектов

в Ираке. Каких бы то ни было существенных для России результатов так и не удалось добиться. Единственным положительным достижением стало то, что было достигнуто соглашение о создании рабочей группы для реализации проекта «Западная Курна-2» в соответствии с разрабатываемым законодательством Ирака об углеводородах.

Кроме того, сторонами было принято совместное решение об участии компании *Лукойл Оверсиз* (дочерней компании *Лукойла*, занимающейся зарубежными проектами) в тендерах по новым месторождениям, которые будут объявлены правительством Ирака только после принятия нового законодательства.

Особый интерес представляет вопрос об уровне правовых гарантий ведения российскими компаниями инвестиционной деятельности в ТЭК Ирака. Даже если отечественным компаниям удастся начать деятельность по разработке проекта «Западная Курна-2», то им, вероятно, придется столкнуться с некоторыми рисками. *Во-первых*, вероятнее всего, иракская сторона будет увеличивать свою долю в этом проекте. *Во-вторых*, по всей видимости, разрабатывать это месторождение будут три компании – *Лукойл*, *ConocoPhilips* и одна из государственных компаний Ирака. *В-третьих*, еще одним препятствием для активной инвестиционной деятельности российских компаний в Ираке является то, что там до сих пор отсутствует специальное законодательство, которое бы обеспечило прочные правовые гарантии иностранному инвестору.

Стоит отметить, что риски, связанные с инвестициями в установленные нефтяные месторождения Ирака, гораздо ниже, чем риски в отношении инвестиций в открытые, но не разработанные или исследованные месторождения. Поэтому иностранные инвесторы стараются оговорить в соглашениях условия, обеспечивающие соответствующий возврат и компенсацию.

Согласно Конституции Ирака, которая содержит крайне расплывчатые формулировки относительно контроля над минеральными ресурсами, «действующие» месторождения относятся к компетенции центрального правительства в Багдаде, в то время как «новые» проекты попадают в ведение администраций иракских провинций. Значит, российским компаниям придется договариваться как с федеральной, так и с региональной властью.

Кратко резюмируя перспективы российского бизнеса в ТЭК Ирака, можно отметить следующее. До восстановления устойчивой обстановки в Ираке осуществление российскими компаниями практической деятельности в этой стране крайне затруднено. Даже после принятия на референдуме Конституции Ирака, проведения выборов и, как следствие, появления в стране признанной международным сообществом администрации возобновление действия российско-иракских контрактов на разработку месторождений и строительство трубопроводов представляется маловероятным.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Первое. В целом инвестиционный климат в Ираке оценивается как неблагоприятный. Общая ситуация в стране отличается высоким уровнем непредсказуемости в кратко- и среднесрочной перспективе. Недееспособность и паралич нынешней центральной власти в Ираке, не способной на самостоятельные и решительные меры по наведению порядка на местах и обеспечению общенационального согласия, будут усугублять и без того непростое положение в стране. Кроме того, юридический вакуум, сложившийся в Ираке, не позволяет российским компаниям осуществлять вложение денежных средств на правовой основе.

Второе. Инвестиционный климат в разных регионах Ирака различен. В Иракском Курдистане, к примеру, он благоприятный. Представители курдского населения Ирака выступают за самостоятельность в решении нефтяных вопросов на своей территории. Заметим, что Рабочая партия Курдистана с 2003 г. самостоятельно подписала ряд соглашений о распределении добычи нефти. Региональные власти сохранят за собой право выдавать лицензию на последующее иностранное участие (к примеру, российское) в неф-

тяном и газовом развитии своего региона, в соответствии с условиями пока еще не принятого законопроекта об углеводородах и Конституцией Ирака.

Третье. Из ведущих российских компаний наиболее серьезные задачи по развитию нефтебизнеса в Ираке ставит перед собой *Лукойл*. К 2015 г. компания предполагает сосредоточить более 20% своей нефтедобычи за пределами России, в частности, эти планы связаны с Ираком. Российская компания рассчитывает сохранить контракт «Западная Курна-2» благодаря поддержке своего крупного американского акционера *ConocoPhillips*. На иракский нефтяной рынок стремятся выйти и другие отечественные компании.

Четвертое. На какие-то эксклюзивные контракты отечественному нефтяному бизнесу рассчитывать не приходится. Связано это с тем, что к тендерам в Ираке допущены компании еще более чем из 40 стран.

Никаких привилегий для российских компаний не будет, а будет нормальная конкуренция. Разумеется, американские компании получат преимущество, но не настолько огромное, чтобы совсем вытеснить российский бизнес из Ирака. Иракские власти заинтересованы в конкуренции между иностранными компаниями.

Пятое. В осуществлении инвестиционных проектов в Ираке российским компаниям могут помочь представители суннитской части его населения. Связано это с тем, что в местах проживания суннитов практически отсутствуют запасы нефти, а согласно новому обсуждаемому законодательству Ирака все доходы от инвестиционных проектов иностранных компаний будут направляться в единый фонд и распределяться по всем провинциям.

Шестое. Для того чтобы российским нефтяным компаниям выйти на иракский рынок, необходимо, прежде всего, вести переговоры с местной властью производящих районов и провинций. Связано это с тем, что законодательство предоставляет им весьма широкие полномочия в области недропользования и иностранного инвестирования.

Примечания

[1] У российских компаний в Ираке были многомиллионные обороты. Русский бизнес там экспортировал нефть, поставлял оборудование, строил железные дороги, электростанции и другие объекты инфраструктуры. Ирак – одна из немногих стран, покупавших неконкурентоспособную продукцию российского машиностроения. В 1990-е гг. Россия заключила с Ираком контрактов еще на 4 млрд долл. В частности, речь шла о разработке с участием российских компаний таких крупнейших нефтяных месторождений, как Западная Курна, Румейла, Лухайс и др. – См.: Фрумкин К.Г. Война, мир и нефть. *Независимая Газета*. 2003, 12 февраля.

[2] Данные интернет-сайта информационного агентства *Regnum*. Доступно на: http://www.regnum.ru/news/955140.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[3] Данные интернет-сайта агентства экономической информации *ПРАЙМ-ТАСС*. Доступно на: http://prime-tass.ru/news/show.asp? id=816487&ct=news (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[4] Касаев Э.О. Иракский нефтяной рынок снова открыт для России? Институт Ближнего Востока, http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/17–09–07.htm (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[5] Иными словами, восстановится тот суточный уровень добычи нефти, которым характеризовался Ирак в довоенный период (до 2003 г.).

[6] См.: Горелов Н., Горшкова А. С чистого пласта. *Время Новостей*. 2007, 10 августа.

[7] На территории Ирака имеется 500 перспективных геологических структур по нефти и газу, только 75 из которых разведаны. Кроме того, 70% бурений на перспективных структурах приводит к успешным открытиям месторождений. См.: Глебова Н.С. Нефть и безопасность в странах Ближнего Востока. Интернет-сайт Института Ближнего Востока: http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/20–02–08b.htm (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[8] См.: Гудков А. Россия спишет иракский долг без торга. *Коммерсантъ*. 2007, 10 августа.

[9] Подробный анализ этого документа см.: Касаев Э.О. Правовой режим недропользования в Ираке и интересы других государств. *Московский Журнал Международного Права*. 2007. № 3. С. 114–128.

[10] Здесь и далее текст законопроекта приводится с официального интернет-сайта Регионального правительства Курдистана (http://web.krg.org). Доступно на: http://web.krg.org/uploads/documents/Draft%20Iraq%20Oil%20and%20Gas%20Law%20English__2007_03_09_h17m2s47.pdf (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[11] См.: Грошков И. За зыбкой нефтью. *Независимая Газета*. 2007, 9 августа.

[12] Например, довольно непредсказуемо оценивается ситуация в районе, расположенном недалеко от южного порта Басра, где доминируют шииты (там находится и месторождение «Западная Курна»).

[13] В феврале 2008 г. я разговаривал с акад. Е.М. Примаковым о возможных перспективах вывода американских вооруженных сил с территории Ирака. По мнению Е.М. Примакова, к концу следующего года Соединенные Штаты выведут большую часть своих войск, оставив в Ираке порядка 60 тыс. Кроме того, на территории Ирака останутся оснащенные американцами военные базы.

[14] Мелкумян Е.С. Проект Договора между Ираком и США о нахождении американских войск, их деятельности и выводе из Ирака. Институт Ближнего Востока, http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/04–09–08c.htm (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[15] Не исключено также, что некоторые атаки на нефтяные объекты Ирака были спланированы и осуществлены лидерами иранских шиитов. Иранцы считают, что лидирующее идеологическое положение на Ближнем Востоке должно принадлежать им. Помимо этнического превосходства, *иранский фактор* распространяется и на первенство в нефтяной отрасли (на Ближнем Востоке именно на территории Ирана были впервые обнаружены залежи нефти). – См.: Касаев Э.О. «Шок и трепет» иракской нефтяной политики. *Международная Жизнь*. 2006. № 12. С. 117.

[16] Здесь и далее текст Конституции Республики Ирак приводится по: Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М., 2006. С. 138.

[17] Гусейнов В.А., Денисов А.П., Савкин Н.П., Демиденко С.В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 105.

[18] Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М.: Изд. Дом «Панорама», 2006. С. 105.

[19] Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (март 2008 г.). Институт Ближнего Востока. Доступно на: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[20] Юрченко В.П. Ирак: пять лет после Саддама (некоторые итоги). Институт Ближнего Востока. http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[21] Там же.

[22] Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (7–13 апреля 2008 года). Институт Ближнего Востока. http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/14–04–08a.htm (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[23] See: CIA World Factbook. Rank Order – Reserves of foreign exchange and gold.: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2188rank.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[24] По мнению некоторых наблюдателей, правительство Ирака, стремясь компенсировать неудачи в налаживании поступательного развития экспортного потенциала нефтяной отрасли, проводит в ускоренном порядке линию по либерализации розничного рынка топлива. С 2005 г. планомерно проводится повышение цен на основные виды реализуемого в стране топлива. Заявленная цель – довести уровень цен на топливо до соответствующих показателей соседних стран. Вероятно, речь идет не о Сирии, Иране и арабских странах Персидского залива, а об Иордании, где уровень цен сопоставим со среднеевропейским.

[25] *Associated Press*. 2007, 22 June. Available at: http://www.msnbc.msn.com/id/25314207/ (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[26] Касаев Э.О. О некоторых проблемах современной ситуации в Ираке. *Вестник Аналитики*. 2008. № 1. С. 184.

[27] Stabilizing and Rebuilding Iraq. Report to Congressional Committees, August 2008. P. 13. Available at: http://www.gao.gov/new.items/d081031.pdf (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[28] В 1992 г. трибунал безопасности Иордании заочно приговорил Ахмеда Чаляби к 22 годам каторжных работ, штрафу и возмещению ущерба в казну королевства. Суд признал Чаляби виновным в том, что в 1988 г. он намеренно вызвал банкротство возглавлявшегося им в то время банка *Петра* и перевел на свои заграничные счета более 200 млн долл.

[29] Еще одним вопиющим случаем, связанным с коррупцией в руководстве американских нефтяных компаний, является *дело Halliburton*. Наиболее серьезные обвинения против работающей в Ираке американской компании *Halliburton* касаются взяток. В документе Госдепа США отмечается следующее: сотрудники *Halliburton* продажны и открыто требуют взяток. Более того, по оценкам экспертов, компания *раздула* цены на горючее в Ираке на 167 млн долл., т.е. на 90%.

[30] http://for-ua.com/world/2008/08/03/080843.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[31] Doing Business 2008. World Bank Group. Available at: http://www.doingbusiness.org/documents/FullReport/2008/DB08_Full_Report.pdf (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[32] IMF Staff Report. Iraq, July 2007. P. 19. http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2007/cr07301.pdf (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[33] Цит по: Гудков А. Иракцы поделили нефть по-братски. *Коммерсантъ*. 2007, 28 февраля.

[34] Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М., 2006. С. 145.

[35] Cave D. Iraqis Are Failing to Meet U.S. Benchmarks, *New York Times*. 2007, 13 June.

[36] Karouny M. Iraq Lawmakers Deadlocked over Constitution Reforms. *Reuters*. 2007, 22 May.

[37] EIA Iraq Energy Data, Statistics and Analysis – Oil, Gas, Electricity, Coal. Available at: http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Iraq/Oil.html (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[38] Available at: http://www.krg.org/articles/detail.asp? rnr=107&lngnr=12&anr=12626&smap=04030000 (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[39] См. об этом подробнее: Касаев Э.О. Законодательное регулирование недропользования в Ираке. *Ближний Восток и Современность*. 2007. Вып. 33. С. 158–169.

[40] *Reuters*. 2008, 28 May.

[41] Планы возможного сотрудничества между курдским и российским бизнесом обширны. Они включают строительство железных дорог, которые соединили бы Курдистан с остальным Ираком, геолого-разведочные работы, строительство цементного завода, металлургического комбината. См.: Хошави Бабакр. Поездка Евгения Примакова: в Курдистан и обратно. http://kurdistan.ru/content/view/4161/152/ (последнее посещение – 10 ноября 2008 г.).

[42] Цит. по: Студнева Е. Академик Евгений Примаков оптимистично настроен в отношении будущего Курдистана. Доступно на: http://kurdistan.ru/content/view/4160/152/ (последнее посещение – 20 ноября 2008 г.).

[43] Там же.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПЕРЕДОВОГО БАЗИРОВАНИЯ ПРО США: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ВОЗМОЖНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ[1]

Система стратегической стабильности в мире во многом определяется возможностями стратегических ядерных сил (СЯС) и противоракетной обороны (ПРО) ведущих государств. В настоящее время стратегическая стабильность обеспечивается не численным равенством стратегических вооружений, а равенством возможностей сторон к гарантированному нанесению противнику неприемлемого ущерба в ответном ударе при любом развитии ядерного конфликта. Для этого каждая сторона старается иметь такую структуру и уровень защищенности СЯС, чтобы в случае нанесения противником ракетно-ядерного удара по ее пусковым установкам и позиционным районам гарантированно выжило и сохранило боеготовность такое число стратегических ракет, которое достаточно для нанесения агрессору неприемлемого ущерба.

Американские аналитики понимают, что в условиях резкого уменьшения численности и забрасываемого веса российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) вероятность сохранения Россией возможности нанесения серьезного ответного удара снижается. Неслучайно в апреле 2007 г. в американском журнале *Foreign Affairs* появилась статья, авторы которой Кир Либер и Дэрил Пресс утверждают, что если США нанесут удар первыми, то ответить на него Россия сможет лишь единичными ракетами, которые будет способна перехватить американская ПРО[2]. Возможные последствия развертывания ПРО очевидны – возвращение к конфронтации РФ–США, теперь уже на другом технологическом уровне.

Согласно позиции Соединенных Штатов, ПРО развертывается для защиты от удара, который может быть нанесен по их территории МБР некоторых стран третьего мира, и эти страны создают МБР для того, чтобы шантажировать США[3].

БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ УГРОЗА?

Создание МБР всегда было связано с колоссальным напряжением для экономики даже таких гигантов, как СССР и США. Поэтому утверждения США о том, что МБР в ближайшее время появятся у государств третьего мира, не обладающих развитой экономикой и технологиями их создания, не вполне обоснованны. В связи с этим возникает вопрос, разумно ли тратить огромные суммы на развертывание ПРО территории страны, если МБР странам третьего мира нужны лишь для шантажа США? Для шантажа могут быть использованы гораздо более дешевые средства доставки оружия массового уничтожения, против которых система ПРО США окажется совершенно неэффективной. Следовательно, истинные причины развертывания широкомасштабной ПРО США не в мнимых угрозах со стороны стран-изгоев. Соединенными Штатами овладевает соблазн обретения стратегического доминирования за счет увеличения технологического отрыва от всего мира, создания исключительных условий своей неуязвимости.

При анализе основных направлений работ, проводимых в США по созданию информационных и управляющих систем, специалисты видят развертывание ПРО лишь в качестве первого шага к появлению в будущем многофункциональной глобальной системы борьбы со всеми типами баллистических, аэродинамических и космических целей, а впоследствии – надводных и наземных. Такая всеобъемлющая система обороны будет в первую очередь направлена против потенциала сдерживания России и Китая[4].

Так, в Польше разворачиваются элементы комплекса стратегической ПРО, ориентированной именно против МБР. Но, как отмечают российские эксперты, «в настоящее время межконтинентальными ракетами обладают Россия и Китай, а все страны так называемой *оси зла* – Иран, Северная Корея и другие – к межконтинентальным ракетам даже близко в ближайшем обозримом будущем подойти не могут»[5].

Развертывание системы ПРО будет иметь крайне негативные последствия для стратегической стабильности в мире.

Новая американская ядерная доктрина не только понизила порог применения ядерного оружия (ЯО), но и превратила его из политического средства сдерживания в оружие поля боя. Растет угроза появления и применения ядерных зарядов малой мощности, межконтинентальных ракет с неядерными боеголовками. Реальна угроза милитаризации космоса и полного разрушения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Активно разрабатываются вооружения на новых физических принципах[6].

Выход США из Договора по ограничению систем ПРО 1972 г. с полным основанием можно считать открытием дороги на вывод оружия (в частности противоракетного, а за ним и другого) в космическое пространство. Практические последствия развертывания в космосе оружия можно пока представить лишь в самом общем плане. Разумеется, превращение космического пространства в потенциальный театр военных действии, свободный от какого-либо режима международно-правового регулирования, таит в себе существенные угрозы для подрыва стратегической стабильности, устойчивости военно-стратегического равновесия. Особую опасность в этом плане представляет неограниченное развертывание в космосе средств, предназначенных для поражения боевых ракет (БР), искусственных спутников Земли, включая средства предупреждения о ракетном нападении (СПРН), спутники связи, разведки и пр. Вывод в космос реального стратегического оружия (пусть даже неядерного) привел бы к краху существующей системы договоренностей об ограничении и сокращении вооружений, прежде всего, ракетно-ядерных, и стимулировал бы новый виток гонки вооружений в области как наступательных, так и оборонительных систем, включая противоспутниковое оружие[7].

Создание Соединенными Штатами широкомасштабной ПРО инициирует цепную реакцию соревнования между оборонительными и наступательными системами вооружений. Причем этот процесс будет происходить не на двусторонней основе, как во времена холодной войны, а на многих полюсах силы современного мира. *Всплеск* может произойти в развитии не только ракетного вооружения, но и обычных видов вооружений. Сейчас многие прекрасно понимают то, что реальная эффективность системы ПРО существенным образом зависит от оснащенности атакующих БР комплексом средств ее преодоления. Их наличие на ракетах способно полностью обесценить огромные финансовые вложения в создание ПРО. Создание же комплекса средств противодействия может быть осуществлено в гораздо более короткие сроки и со значительно меньшими затратами, чем развертывание системы ПРО. Дооснащение и переоборудование комплекса средств преодоления под перспективные модернизации элементов системы ПРО неизмеримо проще[8]. В результате, как отметил В.В. Путин, «лекарство получится хуже самой болезни». США вместо безопасности для себя и ликвидации стимулов к распространению в мире ракет и ракетных технологий породят настоящий ракетный бум, крах системы договоров в области ограничения и сокращения вооружений, гонку обычных вооружений и много других неприятных последствий. Наконец, будет нанесен удар по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Срыв российско-американского переговорного процесса отразится на тех странах, которые или обладают ядерным оружием, или стремятся заполучить его. Число ядерных государств будет и дальше возрастать[9].

В ответ на размещение элементов американской системы ПРО в Восточной Европе Россия начала пересмотр всей договорно-правовой системы ядерного сдерживания. На сегодняшний день очевидны плюсы выхода России из Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (РСМД): многие страны разрабатывают и совершенствуют ракеты средней дальности, а Россия, выполнив договор о РСМД, потеряла многие системы этого оружия. Выйдя из Договора о РСМД, Россия сможет снова использовать баллистические ракеты средней дальности в качестве «инструмента на игровом поле»[10]. В феврале 2007 г. командующий РВСН России генерал-полковник Н.Е. Соловцов заявил, что Россия готова восстановить производство баллистических ракет средней дальности (БРСД): «Как класс БРСД были уничтожены, но документация вся осталась, технология вся осталась. В кратчайшее время, если понадобится, производство этих комплексов будет восстановлено. Но уже с новыми технологиями, на новой элементной базе, с новой системой управления, с новыми возможностями»[11]. Это заявление было сделано в ответ на сообщения о том, что Польша и Чехия намерены принять предложение США о размещении элементов ПРО (радиолокационных станций (РЛС) наблюдения и ракет-перехватчиков) на их территории[12].

В таких условиях Россия и США станут непредсказуемыми друг для друга. Россия полностью выйдет из всех инспекционных мероприятий и никого не пустит к своему оружию. Россия не будет знать, что происходит в США. Американцы не будут осведомлены о происходящем в России.

АРХИТЕКТУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМЫ ПРО США

В настоящее время система ПРО США включает в себя объекты, расположенные в Северной Америке, Западной Европе и на Дальнем Востоке:

- 4 РЛС раннего предупреждения: *Cobra Dane* (остров Шемия, Алеутские острова); *Beale* (Калифорния); *Fylingdales* (Великобритания) (строительство); Thule (Гренландия, Дания);
- РЛС морского базирования *SBX* в Тихом океане в районе Аляски;
- РЛС передового базирования *FBX-T* на острове Хонсю (Япония);
- 16 противоракет наземного базирования в Форт-Грили (Аляска) и на авиабазе Ванденберг (Калифорния);
- 16 крейсеров и эсминцев системы *Aegis*, оснащенных в общей сложности 18 противоракетами *SM-3* и дислоцированных в Тихом океане и Средиземном море;
- противоракетные комплексы *Patriot* (*PAC-3*).

Космическую систему раннего обнаружения пусков БР *SBIRS* предполагается реализовать в двухэшелонном варианте. Работы по созданию начались в середине 1990-х гг., завершение планировалось на 2010 г. Также говорилось о необходимости вывода до 2010 г. на низкую околоземную орбиту 24 спутников *STSS*, а на геостационарную орбиту – 5 аппаратов *SBIRS*, в задачу которых будет входить обнаружение запусков БР.

До ввода в строй новой системы планируется использовать систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) *SEWS* (Satellite Early Warning System), состоящую из пяти спутников *DSP* (Defense Support Program) на геосинхронных орбитах. Существующая система позволяет регистрировать пуски ракет через 40–50 с после старта и определять траекторию полета на активном участке.

Западная Европа

Основой европейской ПРО должны были стать элементы франко-итальянской системы зенитных управляемых ракет (ЗУР) класса *земля-воздух SAMP/T* с ракетами типа *Aster*.

Работы были начаты еще в 1980-е гг. Несмотря на огромную стоимость и высокий технический риск разработки, французы и итальянцы отказались от участия США в работах и к середине 1990-х гг. добились весьма впечатляющих результатов[13]. Летно-конструкторские испытания ЗУР *Aster* были закончены в 1999 г., комплексные летные испытания *SAMP/T* завершились в 2005 г., а в 2006 г. комплекс был принят на вооружение. Сегодня он состоит из системы управления огнем *ARABEL*, командного поста и четырехшести пусковых установок с зенитными ракетами *Aster-30*. Максимальная скорость *Aster-30* достигает 1400 м/с, зона поражения воздушных целей по дальности – от 3 до 120 км, по высоте – до 20 км.

Более простая и дешевая ЗУР *Aster-15* предназначена для перехвата целей на высотах до 10 км и дистанциях до 30 км[14]. Модульные варианты ракет *Aster* отличаются друг от друга лишь стартовыми ускорителями[15], причем, помимо зенитных ракетных комплексов (ЗРК) *SAMP/T,* из типовых модулей собираются также корабельные ЗРК *SAAM* (*PAAMS*) различных комплектаций для оснащения кораблей ВМФ Франции и Италии[16]. Помимо высоких характеристик ракет, их особенностями являются быстродействие системы управления в зоне перехвата цели, высокая точность попадания и возможность значительно увеличить маневренность.

После завершения испытаний ракет *Aster* был принят ряд программ ее дальнейшей модернизации. Работа выполняется в несколько этапов: в виде разрабатываемой с 2000 г. ракеты *Aster Block 1* с последующим переходом к перспективным вариантам *Aster Block 2* и *Aster Block 3*. Ракеты, используемые в составе этого ЗРК, будут иметь увеличенную эффективность при перехвате БР с дальностью действия до 600 км, различных видов высокоточного оружия и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Условиями контракта на 3,5 млрд долл., подписанного в ноябре 2003 г. с консорциумом *Eurosam*, предусмотрено изготовление до 2014 г. 18 батарей ЗРК для вооруженных сил Франции и Италии с ракетами *Aster-30*, изготовление ракет *Aster-30* и *Aster-15* для французских и итальянских авианосцев, а также для новейшей корабельной системы ПВО *PAAMS*, которой будут оснащены франко-итальянские фрегаты *Горизонт* и английские эсминцы *Даринг*. В целом условиями контракта предусматривается изготовление для трех государств 1400 ракет, вспомогательного оборудования и тренажеров[17].

Проводились и работы по программе *SAMP/T Block 2* (50–100 млн евро), в процессе выполнения которой должен быть исследован ряд перспективных ключевых технологий, включая наведение ракеты на конечном участке перехвата, увеличение эффективности поражения баллистических целей (с дальностью стрельбы до 1500–2000 км) и некоторые системные решения. В случае успешного хода работ боевой вариант системы может быть введен в строй к 2012 г. В рамках этой программы предусматривается изготовление демонстрационного варианта спутника раннего обнаружения (60–80 млн евро) и РЛС средней дальности (70 млн евро), известной под обозначением *M3R* (производство штатного образца РЛС к 2010 г.). Работы по *M3R*, которая должна обеспечить размеры обороняемой зоны до 1000 км, активно поддерживаются Нидерландами, проявившими интерес к *SAMP/T Block 2*. Партнерами *Eurosam* в этой работе также могут стать Германия и Италия, которые продолжают изучать возможность комбинации средств еще одного многонационального ЗРК *MEADS* и *SAMP/T*[18].

Работы над ЗРК *MEADS* начались в 1995 г. с подписания протокола в рамках консорциума *MEADS International*, включающего фирмы *MBDA* в Италии, *EADS/LFK* в Германии и *Lockheed Martin* в США. В 2004 г. подписан меморандум о договоренности между США и Италией о разработке перспективной мобильной системы ПВО *MEADS*, в начале 2005 г. соглашение принято парламентом Германии. Во время этапа проектирования и разработки консорциум завершит создание проектов оборудования и комплексирование шести основных компонентов, входящих в систему: многофункциональной стрельбовой РЛС *MFCR* [Multifunction Fire Control Radar]; обзорной РЛС; пункта боевого управления с аппаратурой системы командования, управления, связи, ЭВМ и разведки *BMC4I*; сертифицированного комплекта, включающего ЗУР *PAC-3* и контейнер; пусковой установки; автомата перезарядки. Фирме *MBDA* предстоит работать над пусковой установкой, *BMC4I* и *MFCR*; фирме *EADS/LFK* – над *BMC4I*, пусковой установкой, обзор-

ной РЛС и элементами *MFCR*; фирма *Lockheed Martin* поставит компоненты программного обеспечения и аппаратуры для *MFCR* и проведет доводочные работы по обзорной РЛС. Доля опытно-конструкторских работ будет назначаться в соответствии с выделением ассигнований страной: США финансируют программу *MEADS* на 58%, а европейские партнеры Германия и Италия обеспечивают 25 и 17% соответственно[19].

MEADS включает проверенную ЗУР *PAC-3*, рассчитанную на поражение целей прямым попаданием; в системе используются датчики наблюдения в зоне обзора 360° и управления оружием, центры управления боевыми действиями и связи с объединением в сеть и распределением; пусковые установки с высокой огневой мощью. Для обслуживания комплекса требуется меньшее количество личного состава, что приведет к значительной экономии эксплуатационных расходов. При этом система *MEADS* обладает высокой эффективностью защиты района боевых действий, более высокой, чем у любой другой системы, гибкостью (универсальностью применения), что позволяет ей прикрывать как маневренные группы, так и обеспечивать оборону гражданских объектов от оперативно-тактических баллистических ракет, крылатых ракет, ЛА и БЛА. Система предназначена для быстрого развертывания и обладает высокой тактической мобильностью, позволяющей обеспечить прикрытие быстро движущихся маневренных групп. По окончании работ по созданию *MEADS* она станет единственной системой ПВО, способной сходить с транспортных средств тактического назначения, двигаться вместе с войсками и одновременно почти сразу приступать к боевым действиям. Что еще более важно, ее открытая архитектура обеспечит для *системы систем* ПВО XXI в. возможности комплексирования, которые позволят решать боевую задачу обороны объектов своей страны или ударных сил.

Согласно предварительным планам, США закупят 48 ЗРК *MEADS*, Германия – 24 и Италия – 9. Германия и Италия планируют развертывать систему *MEADS* с 2012 г., а США это сделают позже, в 2014 г. (это необычный случай в программах трансатлантического сотрудничества, когда вооруженные силы европейских стран получают новую систему раньше, чем США)[20]. Однако недавно ряд должностных лиц армии США предложили европейским партнерам задержать развертывание *MEADS* до 2016 г. В то же время нет никаких технических причин для задержки в сроках развертывания *MEADS,* и фактически первая батарея могла бы быть введена в строй в 2010 г.[21].

Говоря о сотрудничестве европейских стран с США в сфере ПРО, стоит упомянуть также, что в 2004 г. Великобритания и Дания дали согласие на модернизацию американских РЛС раннего предупреждения в Северном Йоркшире и Гренландии. Великобритания при этом согласилась разместить на своей территории американские ракеты-перехватчики.

Центральная и Восточная Европа

В Польше планируется строительство базы для десяти ракет-перехватчиков в шахтных пусковых установках (ШПУ), а в Чехии предполагается развернуть РЛС. Для создания планируемого пояса ПРО нужна база в Европе, и географическое положение Чехии подходит для этих целей оптимально. США планируют выделить 3,5 млрд долл. на развертывание элементов системы ПРО в этих странах.

В проекте соглашения между Польшей и США предусматривается увеличение военной помощи США Польше, а также гарантии оказать ей военное содействие в случае нападения на Польшу со стороны третьей страны. Этим соглашением, в частности, предусмотрено размещение на территории Польши батарей *Patriot* с 96 штатными единицами боеприпасов, а также 110 человек – к 2012 г. в Польше планируется расквартировать постоянный американский гарнизон. Перехватчики планируется разместить в местечке Редзиково в окрестностях города Слупска (Поморское воеводство). Окончательное завершение строительства американского объекта запланировано на 2014–2016 гг.

В Польше предполагается разместить две базы США – одну с ракетами-перехватчиками ПРО и вторую – с ракетами *Patriot*.

В соглашении не говорится о формальных и правовых гарантиях США относительно того, что Вашингтон берет на себя *полную ответственность* за размещение противоракетного щита в Польше. В то же время американцы согласились на формулировку *действительная ответственность*. Кроме того, в соглашении есть пункты о том, что США примут участие в модернизации польской армии, и о серьезном военном участии американской стороны в Польше[22].

С политической точки зрения важным является то, каким образом принималось решение о появлении в Европе нового класса стратегических вооружений в условиях, когда необходимость столь радикального *довооружения* в Европе не рассматривается в качестве одного из приоритетов ее оборонной политики, поскольку на это есть ряд объективных причин[23].

Во-первых, на континенте более 15 лет нет военного противостояния. За эти годы создан и начал достаточно эффективно работать механизм взаимодействия между Россией и соответствующими структурами Евросоюза и НАТО.

Во-вторых, у европейцев ощущается скептическое отношение к тем оценкам ракетной угрозы, которые им навязывают американские *эксперты*.

В-третьих, сегодня в Европе формируется понимание того, что все население континента становится заложником чужой игры, когда ставки делаются за океаном, а расплачиваться придется европейцам.

В-четвертых, многие ответственные политики в Европе понимают, что принцип сдерживания, который сохранял мир в период холодной войны, продолжает действовать. Руководство любого государства, создающего ядерное оружие для шантажа, не может не понимать, что даже в случае попытки нанесения ракетно-ядерного удара по США это государство будет просто стерто с лица Земли.

В-пятых, в Европе присутствует неприятие методов принятия решения о развертывании элементов ПРО.

Оценку сложившейся ситуации неоднократно давали российские дипломаты и военные специалисты. Ее суть сводится к тому, что ПРО США у наших границ представляет собой угрозу европейской безопасности.

Соединенные Штаты продолжают убеждать Россию и другие страны в том, что ПРО США в Европе – благо для всех: постоянно проходят брифинги, которые высокопоставленные представители администрации США и Агентства по ПРО проводят по всей Европе. Однако в такой чувствительной сфере, как стратегическая стабильность, брифинги, на которых приводится конкретная информация, а мнение тех, кому она предназначена, не учитывается, не заменяют полноценные переговоры[24].

Российский военно-политический истеблишмент предполагает, что «в той или иной степени противоракетные планы США в Европе будут реализованы, а это неизбежно повлечет за собой изменение существующего между Россией и США баланса возможностей стратегических наступательных вооружений. А поскольку военный потенциал, реальные системы вооружения создаются не на один десяток лет и обладают значительной инерционностью, они обязательно повлияют на процессы военно-политического прогнозирования и стратегического планирования не только в России, но и во многих других странах»[25].

Израиль

На основании меморандума о взаимопонимании, заключенного в 1988 г., специалисты американской корпорации *Lockheed Martin* и израильской фирмы *Israeli Aircraft Industries* (IAI) приступили к созданию противоракетного комплекса *Arrow*. Первый испытательный запуск противоракеты был осуществлен 9 августа 1990 г. Этот комплекс был принят на вооружение армией обороны Израиля под названием *Хец* в 2000 г.[26].

5 января 2003 г. на израильском испытательном ракетном полигоне ВВС Израиля на авиабазе *Палмачим* в пустыне Негев было проведено десятое полигонное испытание оружейного комплекса ПРО *Arrow-II*. Одновременно это было пятое полномасштабное испытание всего комплекса *Arrow-II* по ASIP – совместной программе США и Израиля по совершенствованию противоракеты *Arrow*[27].

По некоторым данным, компания IAI при поддержке *Elta Group* разрабатывает по заказу Министерства обороны Израиля новую модификацию ЗРК *Arrow – Arrow Mk IV*. Комплекс *Arrow Mk IV* должен повысить защищенность Израиля от возможного ракетного удара, прежде всего со стороны Ирана.

Четвертая модификация комплекса будет иметь новый радар, усовершенствованную ракету-перехватчик и другие компоненты, позволяющие развернуть на базе ЗРК *Arrow* национальную систему ПРО[28].

В сентябре 2008 г. США разместили на территории Израиля передвижной радар передового базирования *(FBX-T) AN/TPY-2* для обнаружения и отслеживания БР сразу после пуска, который был смонтирован и временно установлен на базе израильских ВВС Неватим [Nevatim] в пустыне Негев, а в дальнейшем будет перевезен на место постоянной дислокации. *AN/TPY-2* будет передавать данные на командный пункт израильских ЗРК *Arrow*. Для обслуживания радара в Израиль прибыли 120 американских военнослужащих, входящих в подчинение европейского командования ВС США (EUCOM)[29].

Япония

В декабре 1998 г. было принято решение о совместных научно-технических исследованиях Японии и США по разработке ракеты-перехватчика нового поколения. В августе 2005 г. Япония выразила намерение приступить к совместным с США разработкам ПРО. Управление сил самообороны Японии в своем предварительном запросе по бюджету на 2006 г. потребовало выделить 3 млрд иен на совместную разработку с США ракеты-перехватчика нового поколения[30]. В Японии также размещены американские станции слежения за ракетными пусками. К 2010 г. в Японии должен появиться совместный американо-японский командный пункт[31].

В 2006 г. США и Япония заключили соглашение о расширении сотрудничества по программе ПРО. По его условиям эти государства займутся совместным производством ракет-перехватчиков. При этом Япония может передавать ракетные технологии партнерам из США. По информации японского МИДа, разработка займет около девяти лет.

В 2007 г. в состав ПРО Японии входила одна РЛС передового базирования – *FBX-T* на острове Хонсю, до 2013 г. планируется развернуть еще одну такую РЛС.

В марте 2007 г. на военной базе в Ируме (около 40 км к северо-западу от Токио) были построены две новые системы для запуска ракет класса *земля-воздух Patriot PAC-3*[32].

В конце 2007 г. только один японский эсминец *Конго*, оснащенный американскими зенитными ракетами *SM-3* после их удачных испытаний, выдвигался в Японское море на боевое дежурство[33]. К весне 2011 г. таких эсминцев, оснащенных и противоракетами, и американской системой *Aegis*, предназначенной для одновременного отслеживания большого числа летящих целей, будет уже четыре. С 2008 г. этими системами будут оснащаться по одному эсминцу ежегодно. Они составят *первый (морской) эшелон национальной ПРО. Второй (наземный) эшелон* составят американские ЗРК *Patriot* последней модификации. Две батареи таких установок уже развернуты у Токио. Однако сфера действия национальной ПРО теперь не будет ограничиваться только зоной Токио. К 2010 г. еще около 30 батарей будут дислоцированы на 11 базах по всей стране[34].

Австралия

19 июля 2004 г. по окончании встречи со своим австралийским коллегой Робертом Хиллом глава Пентагона Дональд Рамсфелд заявил: «Мы подписали меморандум о взаимопонимании, взяв, таким образом, на себя обязательство сотрудничать в создании такой системы, которая защитит наши страны от ракетных атак»[35]. Таким образом, Австралия присоединяется к списку стран, которые будут участвовать в американской программе по формированию системы ПРО.

В 2006 г. австралийский флот заказал три американские системы ПРО морского базирования, в том числе вертикальные пусковые установки *MK-41*, на общую сумму около 1 млрд долл.

В соответствии с требованиями американского законодательства, Пентагон уведомил Конгресс США о планируемом подписании нового контракта с Австралией, стоимость которого оценивается в 450 млн долл. Очередной запрос предусматривает поставку поисковых РЛС *AN/SPQ-9B*, систем обмена данными о тактической обстановке *CECS* [Cooperative Engagement Capability System], комплексов радиоэлектронного подавления *AN/SLQ-25A Nixie*, систем опознавания *свой-чужой AIMS MK XII*, а также другого сопутствующего оборудования, запасных частей и документации.

В 2008 г. правительство Австралии направило запрос властям США о возможности поставки дополнительных компонентов для систем *Aegis*, которыми будут оснащены три новых австралийских эсминца проекта AWD [Air Warfare Destroyer][36].

Тайвань

История сотрудничества Тайваня и США по вопросам закупки элементов национальных оборонительных вооружений берет свое начало с 1970-х гг. Однако по закону США об отношениях с Тайванем 1979 г. американцы могут продавать туда только оборонительные виды вооружений.

Китайские ракетные испытания в 1995 и 1996 гг. в районе Тайваньского пролива увеличили политическую поддержку на Тайване в пользу ПРО. Сразу после проведенных испытаний была ускорена доставка ранее закупленных систем *Patriot-2*, а в начале 1999 г. Тайвань выразил заинтересованность в покупке *Patriot-3* и эсминцев, оснащенных РЛ-установками *Aegis*[37].

УГРОЗЫ

Как известно, комплекс средств ПРО США, расположенных на Аляске и в Калифорнии, предназначен для поражения боеголовок с ядерными боезарядами на нисходящем участке траектории полета, когда от ракеты-носителя уже отделились боеголовки и средства преодоления ПРО (в том числе ложные цели). Количество целей для элементов ПРО, таким образом, многократно возрастает, что значительно снижает боевую эффективность противоракетной системы. Понятно, что более эффективным способом борьбы является уничтожение ракет на активном или среднем участке траектории, до того момента, когда произойдет разведение боеголовок и средств преодоления ПРО. Кроме того, чем быстрее будет зафиксирован старт ракеты, тем больше возможностей сбить ее на активном участке. Поэтому элементы системы ПРО выгоднее размещать как можно ближе к потенциальным местам старта ракет, являющихся целями ПРО.

Длительность полета БР на активном участке в среднем около 5 мин после старта. Следовательно, можно предположить, что противоракеты в Восточной Европе, обладая скоростью 4,5–9 км/с, смогут выполнить задачу поражения целей, расположенных на расстоянии 2000–2500 км от места их дислокации, в том числе и стартующих российских ракет, которые расположены в Саратовской, Челябинской и Оренбургской областях, т.е. южнее, чем противоракеты на северо-востоке Польши[38]. При этом одна противоракета сможет уничтожить от 6 до 10 боеголовок, а в случае запуска моноблочной

БР будут ликвидированы также все средства преодоления ПРО, что повысит боевую эффективность средств ПРО на Аляске и в Калифорнии.

Кроме того, необходимо учитывать различные возможности противоракет в зависимости от направления полета БР, являющихся их целями.

В качестве противоракет планируется применять ракеты-перехватчики наземного базирования *Ground-Based Interceptor* (*GBI*), представляющие собой связку второй и третьей ступеней МБР *Минитмен*, и при определенных условиях на них могут быть установлены ядерные боеголовки этой ракеты. Тогда возникает угроза их дальнейшего применения в качестве БР среднего радиуса действия, целями для которых могут быть выбраны и объекты на территории России[39]. При этом обеспечивается минимальное время от момента подачи сигнала-приказа на пуск *GBI* до ядерного поражения цели: полет ракеты с территории Польши до Москвы займет всего 11 мин, столько же до баз МБР РВСН близ Выползово и Тейково; 13 мин – до Татищево, 15 мин – до Нижнего Тагила, 21 мин – до Новосибирска[40]. Ни США, ни их союзники не располагают другими средствами доставки ядерного оружия (ЯО), способными решать задачи упреждающего ракетно-ядерного удара за столь короткое время.

Для создания комплексов перехвата БР на активном участке траектории полета, не имеющих ограничений по районам базирования, необходимо их размещение в космосе, что делает угрозу милитаризации космоса особенно реальной. По имеющейся информации, в США компаниями *Boeing*, *Lockheed Martin* и *TRW* ведутся работы по созданию лазерного оружия космического базирования *Space Based Laser* (*SBL*)[41].

Кроме того, существует прямая угроза, которую представляет собой американская стратегическая ПРО для космических аппаратов на низких и средних орбитах. Поскольку их орбиты постоянны, а следовательно, легко прогнозируемы, они оказываются практически беззащитны перед противоракетами *GBI*[42]. Следовательно, *GBI* в принципе могут использоваться не только в качестве противоракетного, но и качестве противоспутникового оружия, причем это касается противоракет на территории и США, и Европы. Кроме того, факт запуска противоракет вызовет реакцию российской СПРН, что может привести к немотивированному ответному удару СЯС РФ.

РЛС, которую планируется расположить в Чехии, будет способна контролировать всю ракетно-космическую деятельность на территории европейской части России, в том числе на полигоне «Плесецк», а также акваторию Баренцева, Белого и Карского морей, т.е. зону деятельности Северного флота РФ и др. При этом следует учитывать, что эта РЛС будет осуществлять разведывательную деятельность на всей европейской территории РФ, что также не может не вызывать озабоченность Российской Федерации.

Особую угрозу для России представляют модернизированные РЛС существующей системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе (СПРЯУ) *BMEUS*, способные выдавать на РЛС сантиметрового диапазона информацию предварительного целеуказания. Проведенная модернизация нескольких радиолокационных постов СПРЯУ США позволила значительно увеличить их разрешающую способность по дальности. По оценкам некоторых экспертов, она увеличилась в 30 раз[43]. К настоящему времени уже завершены работы на постах СПРЯУ в Файлингдейлз-Мур (Великобритания), Клире (Аляска) и на авиабазе Бил (Калифорния), на посту Туле (Гренландия)[44]. После завершения модернизации все перечисленные посты СПРЯУ смогут осуществлять выдачу целеуказания не только на информационные средства перспективных противоракетных комплексов, но и непосредственно на сами боевые средства ПРО.

Другой особенностью современной эшелонированной системы ПРО США, порождающей технологические угрозы для СЯС РФ, является то, что сейчас основной упор в противоракетной системе США делается на создание лазерных комплексов воздушного базирования типа *ABL* и кинетических перехватчиков *KEI*. Важно отметить, что кинетические перехватчики могут размещаться не только на кораблях и наземных мобильных противоракетных пусковых установках, но и на стратегических бомбардировщиках типа *B-52H*, что значительно увеличивает их маневренность[45].

По данным специалистов, в настоящее время в США ведутся работы по созданию перспективных комплексов перехвата БР и их боеголовок на базе ионосферного оружия[46]. Можно предположить, что создание перспективных ПРК на его базе позволит устранить значительную часть недостатков, свойственных традиционным концепциям огневых средств ПРО. Таким образом, возникает возможность значительного снижения требований к точности определения координат цели, а также наведения на цель нового противоракетного оружия, которое относится к средствам поражения объемного действия. Существенным преимуществом новых ПРК будет являться мгновенное поражение цели, когда энергия поражения переносится практически со скоростью света. В случае размещения ионосферных комплексов в северных приполярных районах, по некоторым оценкам, зона воздействия такого оружия будет простираться по долготе от Атлантического до Тихого океана, а по широте достигнет 45-й параллели Северного полушария.

Весьма вероятна угроза вовлечения в систему ПРО США новых членов: размещение элементов системы ПРО США на территории стран бывшего СССР (Украина, Грузия, Латвия, Эстония, Литва), т.е. непосредственно у границ РФ.

Развертывание в Восточной Европе даже такого небольшого количества противоракет, которое сегодня запланировано Соединенными Штатами, снижает эффективность российских СЯС приблизительно на 8–10%[47]. Однако необходимо иметь в виду, что ПРО США, если использовать собственный американский термин, – это программа с *открытым продолжением*. Иными словами, ни США, ни их союзники не дают никаких гарантий, что планы ограничатся одним радаром и одной базой с 10 противоракетами *GBI*. Таким образом, исходя из оценки угроз, нет уверенности в том, что через некоторое время этих ракет не станет 100 или 1000, существует опасность, что они будут размещены на других базах (ближе к предполагаемым траекториям российских МБР и БРПЛ), будут дополнены системами перехвата на активном участке полета и будут *надстроены* эшелонами морского, авиационного, космического базирования, в том числе с использованием средств на новых физических принципах (лазерных и др.).

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Россия обладает и временем, и технологиями для нейтрализации угрозы создания широкомасштабной системы ПРО США, и в частности угрозы размещения элементов американской системы ПРО в Восточной Европе.

Компоненты системы ПРО, размещенные близко к потенциальным местам старта российских ракет (в Чехии и Польше, а также в перспективе – системы морского базирования), попадают в поле действия обычных вооружений – оперативно-тактических ракетных комплексов (*Искандер*, *Ока*), штурмовой авиации (*Су-25*, *Су-24М*, *Су-39*), береговых (*Сопка*, *Рубеж*, *Редут*, *Берег*, *Бал-Э*) и корабельных (*Кортик*, *Вихрь-К*, *Гермес-К*) ракетно-артиллерийских систем, палубной авиации (*Як-38*), сил ВМФ и т.д.

В случае принятия российским руководством решения о создании новой БРСД задача уменьшения угрозы размещения элементов американской системы ПРО в Восточной Европе может быть решена в течение пяти-шести лет[48]. «Мы не будем делать старый *Пионер*, это будет абсолютно другая ракета»,– заявил Н.Е. Соловцов[49]. Если новые ракеты будут созданы, то это поможет России сдержать увеличение разрыва между стратегическими потенциалами США и РФ.

Один из путей активного противодействия противоракетам – возможность использования мощных импульсов электромагнитного излучения для выведения электронных систем противоракеты из строя. Проблема размещения таких систем в ракете-носителе заключается в их большой энергоемкости и ненаправленном воздействии, т.е. такие излучатели способны выводить из строя электронику не только противоракет, но и самой ракеты-носителя и боеголовок. Аналогичное воздействие можно производить и с земной поверхности с помощью направленного облучения противоракет мощным микроволновым импульсом.

Меры технического противодействия радару в Чешской Республике могут быть разными – от переноса стартовых позиций ракет за пределы видимости радара до создания радиопомех. Совершенствование существующих и разработка новых систем радиоподавления и постановки радиопомех позволят существенно снизить эффективность целеуказания, слежения и наведения ракет ПРО на БР. Вместе с пассивными средствами противодействия (форма и материал боеголовки и ракеты в целом, специальные покрытия) это существенно снижает эффективность ПРО.

Рассматривая физические принципы спутникового целеуказания и самонаведения ракет, нужно отметить, что обе системы в своей основе имеют датчик, реагирующий на инфракрасное (тепловое) излучение объекта. Таким образом, воздействуя на излучение ракет, боеголовок и ложных целей в инфракрасном диапазоне, может быть достигнуто снижение эффективности системы ПРО. Таким воздействием может являться охлаждение боеголовок с помощью жидкого азота, создание ложных целей с более интенсивным тепловым излучением, чем излучение боеголовок, параллельный старт нескольких ракет из одной области, в результате чего датчики спутниковой системы наведения будут воспринимать несколько ракет как один объект, так как имеют ограниченную разрешающую способность.

Кроме того, возможно и активное противодействие системам, основанным на инфракрасных датчиках, – так называемое *ослепление* чувствительных элементов датчика. Примером таких систем противодействия может служить лазер, установленный на земной поверхности или на самой БР, боеголовках или ложных целях. Первая система направлена на противодействие космическим элементам системы ПРО, вторая же решает задачу *ослепления* самих противоракет. Помимо систем, основанных на применении лазерных технологий, существуют разработки, направленные на применение в указанных целях микроволнового излучения. Однако самым радикальным способом решения задачи противодействия системам инфракрасного наведения является внедрение ракет на новых принципах движения, однако на настоящий момент разработка таких систем невозможна вследствие отсутствия подобных технологий.

Противодействие системе ПРО может также осуществляться методом информационной войны. Учитывая, что все компоненты этой системы так или иначе основаны на компьютерных методах обработки и передачи данных, информационное подавление может представлять собой наиболее эффективный и экономичный способ борьбы с системами ПРО. Так, внедрение компьютерного вируса или логической бомбы в компьютерную систему РЛС приведет к коллапсу всего участка системы ПРО. Кроме того, вполне реальным представляется радиоэлектронное подавление каналов беспроводной связи между компонентами ПРО.

ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из первых шагов к взаимопониманию России и НАТО в этом вопросе являются письменные предложения президента РФ В.В. Путина в июне 2007 г. о сотрудничестве в использовании в интересах ПРО Европы Габалинской и Армавирской радиолокационных станций системы предупреждения ракетного нападения (РЛС СПРН)[50].

Габалинская РЛС, являющаяся частью российской СПРН, – это информационная система, которая не предназначена для выдачи целеуказаний для системы ПРО. Поэтому целесообразными были бы совместные российско-американские действия по разработке и развертыванию на Габалинской РЛС такой системы, которая способна выдавать целеуказания для противоракет (кроме обнаружения факта старта и траектории полета ракеты). Кроме того, сами противоракеты могут быть размещены на Северном Кавказе. Такая система позволила бы закрыть все ракетоопасные направления, идущие из Ближнего Востока и Южной Азии. Так как в настоящее время нет необходимости в срочном создании такой системы, разработку и создание следовало бы проводить организациям и предприятиям РФ и США, а эксплуатацию осуществлять российским боевым расчетам с привлечением американских наблюдателей. В этом случае многие сомнения российской стороны относительно направленности системы ПРО будут сняты.

Реализация предложения В.В. Путина о создании единых информационных центров ПРО в Москве и Брюсселе, куда поступала бы информация от СПРН России и США о ракетных пусках и где она могла бы анализироваться для выдачи рекомендаций о дальнейшем принятии решения также в значительной степени укрепила бы уровень доверия между Россией, с одной стороны, и НАТО и США, с другой.

Возможны и другие варианты сотрудничества между США (и НАТО) и РФ в создании совместной ПРО для защиты европейского континента:

- рассмотреть возможности, позволяющие начать совместные работы по воссозданию РЛС СПРН в районе Красноярска, позволяющие в будущем контролировать все пуски ракет из Азии и из акватории Индийского и Тихого океанов. Одновременно представляется разумным создание в этом же регионе РЛС ПРО для выдачи целеуказания противоракетам, которые можно разместить в районе замороженного космодрома «Свободный». В этом случае появится возможность поражать даже те РСД, которые сможет создать КНДР в ближайшие 10–15 лет для использования против Южной Кореи, Японии и военных баз США;
- использовать инфраструктуры полигона Сары-Шаган в Казахстане, а также все РЛС, предназначенные для обеспечения наведения противоракет. В этом случае появится возможность поражать пакистанские ракеты в случае прихода к власти правительства, поддерживающего радикальные исламистские группировки;
- использовать в качестве РЛС СПРН Габалинскую и Армавирскую РЛС, а РЛС ПРО Москвы – в качестве РЛС для выдачи целеуказаний противоракетам. Для этого необходимо совместно с США и НАТО доработать российские противоракеты таким образом, чтобы они обладали характеристиками, сопоставимыми с американскими противоракетами. Эксплуатация такой доработанной системы может быть поручена космическим войскам РФ;
- международное (с участием всех развитых стран) сотрудничество по разработке комплекса систем для уничтожения тех космических объектов, которые при своем приближении к Земле могут представить опасность для существования цивилизации.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕАГИРОВАНИЕ РОССИИ

С точки зрения интересов РФ, к ***негативным факторам***, возникшим в результате решения США о размещении элементов ПРО в Европе, можно отнести следующие:

- возникают реальные угрозы для безопасности РФ по линии собственно заявленных целей создания позиционного района, т.е. по линии ПРО. Эти непосредственные угрозы пока несущественны и касаются скорее возникновения новой стратегической ситуации, а также дополнительных возможностей радиолокационного контроля территории РФ. Однако по мере наращивания количества подобных позиционных районов в других точках Европы и других регионах мира угрозы для безопасности РФ по этой линии будут возрастать;
- США смогут использовать создаваемую сеть позиционных районов ПРО в качестве инфраструктурной основы для формирования наземного элемента глобальной информационно-ударной системы, включающей и системы вооружений, базирующихся в космосе. Это следует из общих тенденций развития вооруженных сил США и заявленных ими концептуальных подходов к развитию своего стратегического оборонного потенциала. В этом случае начинающееся сейчас разворачивание новой глобальной инфраструктуры ПРО США в перспективе может представлять гораздо большую опасность для оборонного потенциала РФ;
- США получили новый инструмент политического давления на РФ по широкому кругу вопросов, в том числе для *выторговывания* уступок от РФ по конкретным внешнеполитическим вопросам, а также для ведения с более сильных позиций

переговоров по проблематике стратегических ядерных вооружений в преддверии истечения срока действия нынешнего договора по СНВ;

- неопределенность в отношении истинных целей США в связи с созданием военной инфраструктуры в непосредственной близости от территории РФ приводит фактически и к давлению на экономическую политику РФ, поскольку заставляет Россию задумываться о возможности ответных действий, что может потребовать активизации военного строительства и в связи с этим нежелательного пересмотра приоритетов в социально-экономическом развитии страны;

- возникает и дополнительный рычаг давления со стороны США на партнеров США по НАТО с целью сдержать их стремление к самостоятельной внешней и оборонной политике, создать дополнительные проблемы в отношениях Европы с Россией.

С точки зрения ***политического реагирования***, на данный момент возникшие риски не требуют немедленных ответных действий по существу, с точки зрения пересмотра или корректировки направлений военного строительства, смены приоритетов в военно-стратегических планах, в социально-экономической политике и т.п. Ситуация с разворачиванием позиционных районов ПРО США еще до конца не ясна, есть вероятность торможения и пересмотра этих планов. Нельзя исключать и того, что в этом американском проекте, как в свое время и в ситуации со стратегической оборонной инициативой, есть большой элемент политической игры. По крайней мере, уровень информации, доступной экспертам, не позволяет пока говорить о реальных серьезных угрозах, уже возникающих для безопасности РФ или способных возникнуть для РФ в ближайшей перспективе непосредственно в связи с созданием позиционных районов ПРО США.

Проблема размещения элементов ПРО США пока не относится к числу жизненно важных, т.е. высших приоритетов в структуре внешнеполитических приоритетов РФ. Важность этой темы в структуре внешнеполитических приоритетов РФ будет возрастать в случае активизации, дальнейшей практической реализации программы создания ПРО США и расширения географии размещения позиционных районов этой системы.

Любые реакции России на сложившуюся ситуацию (технологические, военно-стратегические, экономические, политические) в обозримой перспективе вполне могут оставаться в рамках российской общей линии оборонного и экономического строительства, в рамках запланированного курса во внешней и внутренней политике. У экспертов не вызывает сомнений, что в случае возникновения и нарастания серьезных угроз безопасности РФ в связи с разворачиванием сети позиционных районов ПРО США основным направлением российского реагирования может стать наращивание технологических и военно-стратегических возможностей. А политическое реагирование будет лишь обслуживающим и вспомогательным инструментом в рамках реагирования РФ на данную ситуацию.

РФ уже на данном этапе, при отсутствии реальных непосредственных угроз, заинтересована в снижении или блокировании возникающих рисков. До тех пор, пока РФ не будет вынуждена переходить к технологическому и военно-стратегическому реагированию, основным направлением усилий российской стороны должно стать использование, прежде всего, *военно-политических, дипломатических и политико-пропагандистских* возможностей воздействия на ситуацию.

Основными ресурсами РФ с точки зрения ***военно-политического и дипломатического*** реагирования являются:

- сохранение значимого для США ракетно-ядерного потенциала как основной предпосылки для того, чтобы США в нынешних условиях вообще вели с Россией какие-либо переговоры по военно-стратегической и любой другой политической проблематике;

- наличие большого круга значимых для США и Запада в целом международных проблем, решение которых невозможно или затруднительно без участия РФ (Ближний Восток, Иран, КНДР и т.п.);

- заметная роль РФ на мировом, особенно на европейском рынке энергоносителей и активная позиция России в закреплении этой своей роли, использовании энергетической проблемы в качестве инструмента своей внешней политики.

С точки зрения ***политико-пропагандистского реагирования*** возможностей у России меньше, хотя они также имеются и уже активно используются руководством РФ. К имеющимся ресурсам можно отнести:

- демонстративные военно-пропагандистские акции (полеты стратегических бомбардировщиков, возобновление выхода в Мировой океан российского военно-морского флота, крупные военные учения и т.п.), которые в шоковом варианте возрождают в западном общественном мнении старые страхи, заставляют вспоминать о былом военном могуществе России и могут в некоторой степени создавать основу для формирования представления о необходимости учитывать мнение России в мировых делах. Это ресурс для того, чтобы добиться сдвигов в общественном сознании Запада с точки зрения восприятия России не как проигравшей в холодной войне сверхдержавы, полностью ушедшей из мировой политики, а как возрождающегося нового самостоятельного активного игрока на международной арене, с которым надо считаться;

- интерес западных СМИ к высказываниям и заявлениям первых лиц российского государства – президента и премьера. В условиях крайне ограниченных возможностей донесения аргументов и позиции России до мирового общественного мнения непосредственно через мировые СМИ этот ресурс первых лиц остается для нас едва ли не основным с точки зрения решения чисто пропагандистских задач;

- ресурс по линии дипломатической работы мы имеем возможность задействовать, прежде всего, в международных организациях (главным образом в ООН и в европейских структурах), где есть выход непосредственно на политические круги западных стран, а также через активное пропагандистское использование наших переговоров с США. Пресс-конференции по итогам переговоров, выдвижение с российской стороны публичных инициатив, неприемлемых для США и показывающих слабость их официальной аргументации в пользу разворачивания позиционных районов ПРО, уже используются российской стороной и могут использоваться в будущем;

- непосредственное воздействие на общественное мнение западных стран через СМИ, в том числе через наши возможности в западных СМИ, через возможности Интернета, через контакты по линии неправительственных организаций, научных, студенческих и прочих обменов – это наш самый слабый пропагандистский ресурс. Тем не менее, его также следует использовать, а главным направлением в этом плане должна быть работа собственно по наращиванию возможностей этого ресурса.

С учетом того, что масштабы реальной угрозы безопасности России в связи с размещением элементов ПРО США пока невелики, а истинные цели США в связи с этим проектом пока не вполне ясны, политическое реагирование России на сложившуюся ситуацию должно быть направлено в содержательном плане на решение одновременно трех задач.

Во-первых, если для России действительно возникает определенный набор военно-стратегических, политических и экономических угроз, задачей политического реагирования должны быть минимизация угроз, создание максимальных препятствий для реализации планов США либо в идеале полное блокирование реализации этих планов.

Во-вторых, если Россия соглашается с декларируемыми целями создания ПРО США и признает, что они справедливо опасаются будущих одиночных или ограниченных ракетно-ядерных атак со стороны новых обладателей ракетно-ядерного оружия, то оптимальным для РФ было бы искать возможности объединения усилий с США в этом направлении, а также предпринимать собственные усилия в том же направлении. Полити-

ческие усилия со стороны России в этом направлении можно предпринимать уже сейчас, поскольку принципиально РФ все равно заинтересована в партнерстве, а не конфронтации с США, а отказ США от российских предложений о сотрудничестве сам по себе уже влияет на решение пропагандистских задач России в этой ситуации. Работа в этом направлении не имеет для России отрицательных последствий даже в случае ее формальной неудачи.

Таблица 1. **Экспертные оценки благоприятных возможностей РФ**

Возможности РФ	Вероятность возникновения	Вес	Реализуемость
Совершенствование СЯС РФ	0,7	0,86	0,602
Поиск союзников и расширение сотрудничества (Индия, КНР и пр.)	0,6875	0,775	0,532813
Возможность РФ влиять на ситуации в некоторых регионах мира, чувствительных для США	0,7	0,75	0,525
Развитие систем высокоточного оружия	0,675	0,76	0,513
Критика внешнеполитического курса нынешней администрации внутри США и озабоченность общественного мнения и некоторых политических кругов в странах, где размещается ПРО, а также в странах, где будут размещены новые позиционные районы ПРО США	0,85	0,6	0,51
Увеличение военного бюджета РФ	0,7	0,7	0,49
Совершенствование обычных вооружений	0,72	0,645	0,4644
Развитие собственного военного и экономического потенциала	0,62	0,74	0,4588
Расширение сотрудничества с *третьими* странами	0,72	0,57	0,4104
Развитие собственных НИОКР	0,66	0,62	0,4092
Воздействие через международные организации (ОБСЕ, ЕС, НАТО, ШОС)	0,7	0,55	0,385
Слабость официальной аргументации США	0,75	0,5	0,375
Совершенствование системы ПРО РФ	0,55	0,63	0,3465
Повышение имиджа РФ на мировой арене	0,54	0,6	0,324
Экономические рычаги воздействия на Европу	0,54	0,56	0,3024
Получение политической поддержки заинтересованных государств	0,5	0,54	0,27
Влияние на третьи страны	0,54	0,49	0,2646
Многосторонние консультации, в том числе по проблеме РСМД	0,52	0,5	0,26
Размещение военного потенциала вблизи границ США	0,395	0,64	0,2528
Влияние на международное общественное мнение	0,505	0,47	0,23735
Взаимодействие с США в создании и использовании ПРО	0,315	0,67	0,21105
Жесткое дипломатическое противодействие *на словах*	0,8	0,24	0,192
Выход из *неудобных* международных договоров и соглашений	0,56	0,34	0,1904
Сотрудничество с Европой в создании ПРО	0,295	0,645	0,190275
Поддержка мирового сообщества	0,355	0,53	0,18815
Изменение позиции США в отношении программы ПРО и/или приостановка и/или заморозка программы	0,19	0,85	0,1615

В-третьих, если весь проект США с разворачиванием элементов ПРО все же имеет преимущественно политический подтекст и является *блефом* (что эксперты рассматривают как наименее вероятное предположение в данной ситуации), то задачей нашего политического реагирования является вскрытие истинных планов США через описанные выше методы пропагандистской и дипломатической работы, что не противоречит другим направлениям политического реагирования.

При этом основной упор на данном этапе России целесообразно делать на использование наиболее мягких политико-пропагандистских методов, поскольку использование таких рычагов, как наше влияние в конкретных проблемных международных ситуациях или наши энергетические возможности, может иметь для нас больше отрицательных последствий, чем ожидаемых результатов.

В то же время характер реагирования России на ситуацию с размещением элементов ПРО США может существенно измениться, если США заметно интенсифицируют реализацию программы ПРО и России придется переходить к более жестким действиям. В этом случае в политической области России придется:

- сделать больший упор на активизацию внешнеполитической деятельности на чувствительных для США направлениях с целью создания для США реальных внешнеполитических проблем и подталкивания их к неким договоренностям;
- более агрессивно добиваться начала с США переговорного процесса по стратегической проблематике, как это всегда бывает в периоды обострения отношений в этой сфере;
- в случае расширения географии размещения элементов ПРО перед Россией встанет задача активного подключения к своим усилиям по противодействию этому проекту стран, которые также будут воспринимать ПРО США как угрозу своей безопасности.

Следует отметить, что в случае резкого ухудшения отношений между Россией и США возможности широкого политического реагирования будут заметно ограничены (оценку возможностей РФ см. в Таблице 1). Поле российского политического маневрирования, в том числе игры на противоречиях между США и их партнерами, практически исчезнет. Поэтому в узком смысле такая ситуация нежелательна для РФ и резкого ухудшения отношений с США и Западом в целом России следует избегать.

Примечания

[1] Статья подготовлена коллективом авторов в составе Александра Гущи, Александра Колдобского, Дмитрия Леонова, Андрея Макарова, Дениса Николаева, Наталии Ромашкиной и Бориса Тулинова на основе ситуационного (учебного) анализа, проходившего в Институте международных отношений МИФИ по теме «Программа развития элементов передового базирования ПРО США. Технологические аспекты и политическое реагирование» с 10 по 19 сентября 2008 г. К проведению ситуационного анализа были привлечены: в качестве общих руководителей – Колдобский А.Б., Ромашкина Н.П. и Тулинов Б.М., руководителей тематических групп – Ромашкина Н.П., Николаев Д.М., Гуща А.И., Макаров А.Ю., Леонов Д.В. В работе тематических групп приняли участие Перепелица А.Г., Николаев В.С., Асина Л.Р., Байрес А.С., Голованова Е.Ю., Горюн М.А., Гусарова О.В., Емельянцев Д.О., Земляных В.В., Кайсина К.В., Киров В.А., Коваленко Д.Г., Краснораменская Е.В., Крымцова М.В., Ларин А.А., Масаева В.А., Масловский Г.Е., Сапрыкина А.П., Стефанович Д.В., Пивоварова М.А., Поляков М.С., Потапова В.В., Уланов Д.В., Ушмаров И.А., Федосова О.А., Харламова Е.А., Цыпышев Д.А., Юшкин П.К. При проведении ситуационного анализа использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. № 367-рп.

[2] Lieber Keir A., Press Daryl G. The Rise of U.S. Nuclear Primacy. *Foreign Affairs.* 2006, Vol. 85, Number 2, March/April, http://www.foreignaffairs.org/20060301faessay85204/keir-a-lieber-daryl-g-press/the-rise-of-u-s-nuclear-primacy.html (последнее посещение – 24 сентября 2008 г.).

[3] Ibid.

[4] Третьяков Виталий. США разрушают стратегическую стабильность. Интервью министра обороны Российской Федерации маршала Игоря Сергеева. *Независимая Газета*. 2000, 22 июня. http://www.ng.ru/world/2000–06–22/6_pro_sergeev.html (последнее посещение – 22 сентября 2008 г.).

[5] Большинство российских экспертов считает, что развертывание американской системы ПРО в Европе осложнит ситуацию. *ИТАР-ТАСС.* 2007. 3 июня, http://www.izbrannoe.ru/3232.html (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[6] Балуевский Ю.Н. Про ПРО. *Российская Газета*. № 4357. 2007, 4 мая. http://rg.ru/2007/05/04/balyevskii.html (последнее посещение – 24 сентября 2008 г.).

[7] Салун С.Н., Идиатуллин А.Б. Характер влияния военно-космических средств на стратегическую стабильность. М.: 4 ЦНИИ МО РФ, http://www.sipria.ru/pdf/ss2043.txt (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[8] Третьяков Виталий. США разрушают стратегическую стабильность. Интервью министра обороны Российской Федерации маршала Игоря Сергеева. *Независимая Газета*. 2000, 22 июня. http://www.ng.ru/world/2000–06–22/6_pro_sergeev.html (последнее посещение – 22 сентября 2008 г.).

[9] Обрушится система стратегической стабильности. Интервью Главкома РВСН Владимира Яковлева. *Независимое Военное Обозрение*, 1999, 8 октября, http://nvo.ng.ru/forces/1999–10–08/crash.html (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[10] Хьюз Натан, Зейхан Питер. Последствия выхода России из Договора о РСМД. *Stratfor*. 2007, 23 февраля, http://www.politizdat.ru/article/101/ (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[11] Россия дала *асимметричный* ответ. *Общая Газета.ru,* 2007, 20 февраля, http://www.og.ru/articles/2007/02/20/22351.shtml (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[12] В ходе переговоров между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности Советский Союз пошел на ряд труднообъяснимых уступок, повлекших серьезные негативные последствия для обороноспособности страны. Не говоря уже об асимметричности соглашения – Советский Союз уничтожил в два с лишним раза больше ракет (1752 против 859) и боеголовок к ним, чем США. Наша страна лишилась жизненно важных для своей обороноспособности систем вооружения. Вновь приняв на вооружение ракеты средней дальности, Россия значительно расширит набор своих стратегических возможностей. См.: Сидоров В. Политики средней и малой дальности. Как заключались договоры, ущербные для безопасности СССР и России. *Военно-промышленный Курьер,* № 10 (176), 2007, 14–20 март,. http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2007.176.articles.armi_04 (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[13] Коровин Владимир. Противоракетная оборона: Мобильность становится приоритетной. *Авиапанорама.* 2004, январь-февраль.

[14] *SAMP/T* – зенитный ракетный комплекс, *Military Informant.* The Second Edition.

[15] Коровин Владимир. Противоракетная оборона: Мобильность становится приоритетной, *Авиапанорама.* 2004, январь-февраль.

[16] *SAMP/T* – зенитный ракетный комплекс, *Military Informant.* The Second Edition.

[17] ASTER 30 SAMP/T, *The Air and Missile Defense Journal*, http://www.amdjournal.com/ShowArticle.aspx? ID=129 (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[18] Коровин Владимир. Противоракетная оборона: Мобильность становится приоритетной. *Авиапанорама.* 2004, январь-февраль.

[19] Medium Extended Air Defense System, *The Air and Missile Defense Journal*, http://www.amdjournal.com/Wikipedia.aspx? url=wiki/MEADS (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[20] США, Германия, Италия, Заключение контракта на разработку ЗРК MEADS. *Military Technology*. 2004. Ноябрь. С. 122–123.

[21] Коровин Владимир. Противоракетная оборона: Мобильность становится приоритетной, *Авиапанорама.* 2004, январь-февраль.

[22] Казачков Г. Вашингтон ПРОник в Европу. *Вести,* http://www.vesti.ru/doc.html? id=201216 (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[23] Балуевский Ю.Н. Про ПРО, *Российская газета*. № 4357. 2007, 4 мая. http://rg.ru/2007/05/04/balyevskii.html (последнее посещение – 24 сентября 2008 г.).

[24] Там же.

[25] ARROW, http://www.israeli-weapons.com/weapons/missile_systems/surface_missiles/arrow/Arrow.html (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[26] Горшков А.Ф. Израиль занял место в боевых порядках коалиции. *Независимое Военное Обозрение*. 2008, 28 мая, http://nvo.ng.ru/armament/2004–05–28/6_israel.html (последнее посещение – 25 октября 2008).

[27] Sieff Martin. Israel Plans New Arrow Mark 4. *Space war*, http://www.spacewar.com/reports/Israel_Plans_New_Arrow_Mark_4.html (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[28] Putrich Gayle. U.S. Deploys Radar, Troops To Israel; Defense News, http://www.defensenews.com/story.php? i=3744319&c=MID&s=LAN (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[29] США и Япония согласились разделить пополам расходы на этот проект.

[30] Противоракетная оборона Японии («Asahi Shimbun», Япония), Такэцугу Сато, 01 сентября 2005 http://www.inosmi.ru/text/translation/221912.html (последнее посещение – 25 октября 2008).

[31] Там же.

[32] Япония продолжает обновление своей системы ПРО, 2007, 26 ноября, http://rnd.cnews.ru/army/news/line/index_science.shtml?2007/11/26/276675 (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[33] Американская корпорация установит систему ПРО на японский эсминец. *РИА Новости*. 2007, 7 августа, http://news.mail.ru/politics/1397751/ (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[34] Противоракетная оборона как неизбежность? *РИА Новости.* 2007, 25 декабря, http://www.rian.ru/analytics/20071225/94106631.html (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[35] США и Австралия договорились о сотрудничестве в создании системы ПРО. *ИТАР-ТАСС*. 2004, 8 июля.

[36] Australia AEGIS Combat System Components for AWD Program. *Defencetalk*. 2008, 13 мая, http://www.defencetalk.com/news/publish/navy/Australia_AEGIS_Combat_System_Components_for_AWD_Program120015764.php (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[37] Медирос Эван. Противоракетная оборона театра военных действий и безопасность в Северо-Восточной Азии; *NTI*, 2001, август, http://www.nti.org/i_russian/i_e3_5a.html (последнее посещение – 25 октября 2008 г.).

[38] Противоракеты планируется разместить в Польше на северной широте 54˚, а российские ракетные комплексы расположены на широтах 48˚ и 46˚. Таким образом, по стартующим ракетам не придется стрелять «вдогонку», и дальность, и скорость противоракет позволят им уничтожить БР на активном участке траектории либо на участке разведения боеголовок и средств преодоления ПРО. Особенно такие противоракеты будут эффективны для борьбы с МБР с РГЧ. Именно такие ракеты (с 10 и 6 боеголовками) дислоцированы в соответствующих позиционных районах. См.: Romashkin Petr B., Zolotarev Pavel S. On U.S.Plans to Deploy ABM Systems in Europe and Possible Compromise Solutions. The Voice for Ethics in International Policy. *Carnegie Council*. 2008, June 19, http://www.cceia.org/resources/journal/22_1/special_report/003.html (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[39] Ibid.

[40] Васильев В.А. Возможные цели для третьего позиционного района. *Независимое Военное Обозрение*. 2008, 21 марта.

[41] Стреналюк Ю.В. Военная активность в околоземном пространстве. Противоспутниковые системы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 2005, 21 апреля http://www.bnti.ru/showart.asp? aid=785&lvl=04 (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[42] Белкин В.А., Шушков А.В. ПРО США: решение в иной плоскости. *Война и Мир*. http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/17802/ (последнее посещение – 25 сентября 2008 г.).

[43] Экспериментально установлено, что активное электромагнитное воздействие на ионосферу Земли ведет к образованию в диапазоне высот 60–600 км устойчивых пространственных областей возбужденной ионосферы с резко измененными радиофизическими параметрами – искусственных энергетических образований (ИЭО). Меняя тип, структуру и характер электромагнитных

сигналов, инициируемых наземными ионосферными комплексами, можно создавать ИЭО с необходимыми свойствами практически в любой точке ионосферы. При этом искусственная дестабилизация ИЭО сопровождается генерацией разнообразных видов вторичного излучения, которое может использоваться в самых различных целях. Стимулированное ИЭО электромагнитное излучение КВ- и УКВ-диапазонов обеспечивает целенаправленную постановку помех системам связи, навигации и радиолокации в атмосфере и космосе. Ученые считают, что можно добиться формирования ИЭО, способных генерировать мощные ультракороткие электромагнитные импульсы, вызывающие функциональное поражение радиоэлектронного оборудования самолетов и БР. См. там же.

[44] Там же.

[45] Streналюк Ю.В. Военная активность в околоземном пространстве. Противоспутниковые системы. http://www.armscontrol.ru/course/lectures05a/yvs050428t.htm (последнее посещение – 8 ноября 2008 г.).

[46] Белкин В.А., Шушков А.В. ПРО США: решение в иной плоскости. *Война и Мир*, http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/17802/ (последнее посещение – 24 сентября 2008 г.).

[47] Romashkin Petr B., Zolotarev Pavel S. On U.S. Plans to Deploy ABM Systems in Europe and Possible Compromise Solutions. The Voice for Ethics in International Policy. *Carnegie Council*. 2008, June 19.

[48] Балуевский Ю.Н. Про ПРО, *Российская Газета*. № 4357. 2007, 4 мая, http://rg.ru/2007/05/04/balyevskii.html (последнее посещение – 24 сентября 2008 г.).

[49] Там же.

[50] Путин В.В. Заявления для прессы и ответы на вопросы по завершении встречи с Президентом США Джорджем Бушем. *Сайт Президента России*. 2007, 7 июня, http://www.kremlin.ru/appears/2007/06/07/2034_type63377type63380type82634_133152.shtml (последнее посещение – 23 сентября 2008 г.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

28 июня – 10 июля 2009 г.

Подготовка квалифицированных специалистов в области международной безопасности – одно из приоритетных и динамично развивающихся направлений деятельности Центра политических исследований России (ПИР-Центра). Начиная с 1997 г. выпускниками образовательных программ ПИР-Центра стали более 630 молодых специалистов из региональных университетов, государственных структур, научно-исследовательских институтов государств СНГ.

За последние два года в Летней Школе ПИР-Центра приняли участие представители всех стран СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина), включая специалистов из министерств иностранных дел, обороны, энергетики, широкого круга научно-исследовательских институтов.

В 2009 г. Международная Летняя Школа состоится с 28 июня по 10 июля. Первая неделя курса будет посвящена вопросам энергетической, экологической, информационной, демографической безопасности, проблемам международной преступности и незаконного оборота наркотиков, другим современным вызовам глобальной безопасности. Занятия второй части курса посвящены изучению проблем нераспространения ОМУ с акцентом на рассмотрении вопросов, связанных с международными режимами нераспространения и возможными сценариями их совершенствования, региональными вызовами режиму нераспространения (КНДР, Иран), роли международных институтов в урегулировании проблем в области нераспространения.

Образовательная программа включает проведение семинаров и круглых столов, в рамках которых молодые специалисты представят свою точку зрения по актуальным вопросам международной безопасности.

По итогам образовательной программы участникам вручаются сертификаты об успешном окончании Летней Школы.

В работе Летней Школы-2009 планируется участие представителей Министерства иностранных дел РФ, Министерства обороны РФ, российских организаций, работающих в сфере атомной энергетики, и других научно-исследовательских институтов.

Организаторы несут расходы по проживанию и питанию участников программы из стран СНГ, а также обеспечивают необходимыми раздаточными материалами и литературой.

Набор участников осуществляется на конкурсной основе. Заявки следует направлять на имя президента ПИР-Центра Владимира Андреевича ***Орлова***
по факсу +7 (495) 987–1914 или по электронной почте
zulkharneev@pircenter.org

Крайний срок подачи заявок – 15 апреля 2009 г. *Объявление списка участников программы запланировано на 30 апреля 2009 г.*

По всем вопросам, связанным с Летней Школой-2009, следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Альберту ***Зульхарнееву***
по телефону +7 (495) 987–1915 или по электронной почте
zulkharneev@pircenter.org

Подробную информацию о Летней Школе-2009 можно найти на сайте ПИР-Центра по адресу http://www.pircenter.org

Георгий Толорая Владимир Хрусталев

БУДУЩЕЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ: СТОИТ ЛИ ЖДАТЬ *КОНЦА*?

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: A Comatose Patient?

Добрый день, уважаемый Георгий Давидович!

Рад возможности подискутировать с Вами на столь занимательную и интересную тему. Актуальность данной темы вряд ли можно оспаривать, учитывая периодически возникающие простои с демонтажем ядерной программы КНДР, неопределенность вокруг состояния здоровья главы государства, роль КНДР в системе взаимоотношений в Северо-Восточной Азии, а также глобальные последствия ракетной и ядерной программ КНДР, которые используются теми же США для реализации ряда военно-технических проектов, имеющих непосредственное отношение к безопасности многих ведущих стран мира. И это не считая того, что КНДР – наш сосед и многие форс-мажорные обстоятельства, в случае возникновения таковых, неминуемо *аукнутся* в дальневосточном регионе РФ, а в худшем случае и во всем мире.

Одновременно КНДР является одной из самых закрытых стран мира, вокруг нее существует значительный *информационный шум*, и значительную его часть составляет откровенная дезинформация. Тем не менее, факт наличия в стране проблем системного характера невозможно отрицать. Ряд выводов можно сделать, исходя из имеющейся информации.

Несмотря на вывод из строя ядерной инфраструктуры, КНДР может параллельно продолжать работы по модернизации и наращиванию ядерного арсенала рядом альтернативных способов, а вопрос с обогащением урана все-таки висит в воздухе, но не под тем углом, под которым он обычно рассматривается. Его можно использовать для дальнейших *придирок* со стороны США и союзников к КНДР.

Состояние Ким Чен Ира достоверно неизвестно. Тем не менее, его отсутствие на ряде мероприятий, характер и манера подачи материалов о нем и его деятельности в СМИ КНДР, а также явные странности, сопровождающие его *визиты*, говорят о том, что в данный момент у главы государства явные проблемы со здоровьем. А вот какие, какова их тяжесть и сколько ему осталось – неизвестно и для внешнего наблюдателя непроверяемо. В случае его *выхода из строя* и/или смерти, скорее всего, на период от года до трех будет осуществляться коллективное руководство страной. Однако в целом удерживая ситуацию, правящая верхушка будет откладывать главные проблемы *на потом*, но бесконечно это продолжаться не сможет. Хотя если возникнут такие явления, как новые катастрофические наводнения, либо резко ухудшится эпидемическая ситуация, или же попытка *закрутить гайки* в экономике и социальной сфере встретит

отпор, поодиночке или в комбинации они смогут спровоцировать развязку очень быстро (в самом крайнем случае, уже в 2009 г.).

Внешне общество в целом стабильно, однако продолжает развиваться ряд негативных явлений (например таких, как уже значительное разрушение системы информационной изоляции, высокая роль частной торговли, роль иностранной валюты), подтверждающих версию о том, что уже в среднесрочной перспективе (менее пяти лет) возможен относительно внезапный (для внешнего наблюдателя) крах правящего режима. Сообщения СМИ и ряда специализированных источников говорят о том, что в 2009 г. власти начнут масштабную борьбу с данными явлениями. Вопрос в том, каковы же шансы на успех? Ведь сама эта борьба может спровоцировать опасные для власти проблемы.

Ряд противоречий в обществе порождаются и явными несоответствиями официальной идеологии и уличной реальности, экономическими противоречиями между горожанином и крестьянином и т.п. Северная Корея напоминает больного в коме на искусственной вентиляции после ДТП, но у него параллельно развивается рак. Отключать его для операции нельзя – умрет. Не лечить рак – умрет, но позже. Даже если прооперировать, неизвестно, хватит ли ему сил пережить операцию. Пока политическая система КНДР существует и функционирует более-менее устойчиво, но что будет в ближайшее время (до пяти лет)? Какие выводы должна сделать Россия? К чему нам надо готовиться?

С уважением,
Владимир Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Re: A Comatose Patient?

Здравствуйте, уважаемый Владимир!

Благодарю Вас за письмо. Вот уже два десятка лет вопрос о будущем КНДР продолжает оставаться предметом дискуссий на сотнях конференций и форумов, в научных изданиях, СМИ и т.д. Преобладающей (во всяком случае, на Западе) с конца 1980-х гг. была точка зрения о том, что режим *вот-вот* рухнет. Такой прогноз, правда, не спешил оправдываться, что привело к сокращению сторонников катастрофического сценария. Однако большинство политиков и политологов все равно считают, что нынешняя политическая система исторически обречена, а многие исходят из желания *подтолкнуть* режим к распаду и добиться его *мягкой посадки* (управляемого коллапса). За этим, естественно, последует объединение Кореи, точнее, поглощение Севера Югом.

Вы, Владимир, также строите свой анализ в русле данного подхода, рассуждая о возможности в среднесрочной перспективе (менее пяти лет) относительно внезапного краха правящего режима. Аргументы в пользу такой точки зрения – продолжающееся *разрыхление* официальной идеологии, расширение антисоциалистических стихийных товарно-денежных отношений, проникновение южнокорейской и западной культуры и т.д. Подтверждением реальности такой опасности является и то, что власть чувствует угрозу – в последнее время ее реакция стала весьма жесткой, включая ограничение рынков, *закручивание гаек* и репрессии. Критический фактор – ухудшение здоровья северокорейского лидера, который, можно сказать, является для КНДР *государствообразующей* личностью и может с полным основанием повторить вслед за Людовиком XIV: «Государство – это я».

Все это так. Но действительно ли, как считаете Вы, Северная Корея находится *в коме*? Такую точку зрения исповедуют те, кто получил доступ к информации изнутри страны лишь недавно, не отдавая себе отчета в том, что голод и лишения, неэффективность экономики и репрессии были характерны для этой страны практически с момента ее возникновения. Конечно, 1990-е гг. были критическими, но ныне среднему северокорейцу живется уж никак не хуже, чем 20–30 лет назад, хотя, конечно, равенства поубавилось. Это прямой результат оживления экономической жизни: рынки, полукустарное

производство, получастный сектор услуг заметно изменили стандарты существования. К традиционной *партийно-государственной* элите добавилась *буржуазная* прослойка (хотя, надо отметить, *новые корейцы* с криминалом обычно не связаны). Надо признать, что страна развивается, и потенциал роста не исчерпан, хотя, конечно, идеологические оковы и озабоченность режима своей безопасностью этому мешают.

Рассуждать о будущем Северной Кореи можно лишь с учетом понимания глубинных факторов, обеспечивающих покорность населения на протяжении многих десятилетий, несмотря на угнетение и спартанские условия существования. Дело, как мне кажется, в применении Ким Ир Сеном традиционной конфуцианской модели государственного устройства и факторе национализма в его северокорейской ипостаси. Идеи *чучхе* говорят о важности *опоры на собственные силы*, независимости и принципе *жить, никому не завидуя,* и, как бы это ни было для нас странным, для корейцев такие идеалы близки и понятны. Подобное общество, во многом напоминающее традционную для Востока феодально-бюроктраничесакую теократию, довольно устойчиво, оно может эволюционировать, и никакие рыночные отношения не поколеблют государственных устоев, пусть даже и приведут к *растворению* коммунистической идеологии в национальной идее *государственности*. Последнее уже не за горами. Но смена идеологического вектора не обязательно должна означать смену правящей элиты и иерархии управления. Элита может обновиться естественным путем, а бюрократическая система перекрашена и подновлена.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Legitimacy of Power

Георгий Давидович,

Хочу пояснить, почему я взял за период прогноза именно пять лет. Реальный горизонт однозначного прогноза, который мы можем делать со значительной достоверностью, составляет пять лет, тогда как пространство за горизонтом, где мы можем условно прикидывать разные возможности, насчитывает еще 20 лет после этого момента. И за этим моментом следует абсолютная непредсказуемость. Причем пять лет – это примерный срок, за которым неопределенность в состоянии системы начинает преобладать над определенностью в самых разных видах человеческой деятельности.

Главная цель, ставящаяся элитой во главу угла, – это выживание существующего в КНДР политического режима. Однако для существования любого политического режима необходимо соблюдение ряда фундаментальных условий. Условием устойчивости власти в долгосрочной перспективе является ее легитимность. В своей основе северокорейская легитимность строится на конфуцианском культурном фундаменте, специфической официальной картине внешнего мира, информационной самоизоляции, определенном доктринальном понимании прошлого и настоящего, а также наборе определенных инструментов контроля над общественным сознанием вкупе с существовавшими долгое время пространственными и техническими ограничениями (как-то: разрешения на поездки из уезда в уезд или пломбы на радиоприемниках). Требования сохранения легитимности порой объективно противоречат другим потребностям страны, общества как сложных систем, которым необходимы ресурсы и для развития, и для простого выживания. Не могу не согласиться, что роль конфуцианской модели системообразующая, а вот оценить ее детали, а уж тем более делать тщательные прогнозы на будущее вряд ли возможно, ибо там уже культура и море нюансов.

Все-таки я думаю, что аналогия между системой и пациентом *в коме* корректна. Следует еще раз вспомнить – что нужно КНДР в историческом плане? Выжить. Что необходимо для выживания? Модернизация, безопасность, выход как из самоизоляции, так и из внешней изоляции, при этом с обязательным параллельным сохранением легитимности режима, причем как внешней, так и внутренней. Имеет смысл поверхностно рассмотреть этот набор часто по сути взаимоисключающих требований, однако трагизм в том,

что если любое из них не будет удовлетворено на некотором минимально необходимом уровне к некоторому временному этапу, то это гарантированный финал чучхейского проекта.

В. Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Nuclear Card

Владимир,

Сейчас северокорейские руководители планируют решать проблему преемственности с прицелом на 2012 г. (столетия Ким Ир Сена и 70-летия Ким Чен Ира), когда, видимо, будет объявлен *наследник*. Сомнительно, чтобы все было *как по нотам*, но радует уже то, что какая-то подготовка к смене власти началась. Грядущая смена поколений дает северокорейской элите шанс на изменения во имя выживания. Конечно, не факт, что новое руководство способно будет это сделать, особенно если оно придет к власти в краткосрочной перспективе и будет включать престарелых идеологов. Но можно надеяться, что со временем движимая инстинктом самосохранения элита сможет сформировать прагматическое ядро, сохраняющее внешний пиетет к идеям *чучхе* и наследию *вождей*, однако подспудно ведущее страну по пути экономической трансформации при сохранении авторитарного (но уже не тоталитарного) режима. Кодовое название такой политики фактически уже появилось – *строительство сильной и процветающей державы*. Чучхейская *национальная идея* предлагает простые и понятные обывателю ориентиры. И сами северокорейцы в общем-то вовсе не жаждут оказаться *в объятиях* (а вернее, под пятой) южнокорейских *братьев*, тем более превратиться в протекторат Китая.

Непременным условием, конечно, должно быть обеспечение внешней безопасности и пресечение попыток подрыва режима, что требует сохранения закрытости. Как это совместить с реформами, пока не ясно. *Ядерная карта* в этих условиях приобретает решающее значение – только она гарантирует неприменение военного сценария и обеспечивает заинтересованность партнеров (как противников режима, так и поддерживающих его Китая и России) в стабильности во избежание хаоса в *де-факто* ядерном государстве. При таком понимании КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего, во всяком случае, до того момента, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитию страны. Как будет развиваться дипломатический процесс вокруг этой центральной для будущего КНДР проблемы? Об этом, а также о роли России в нем и стоит порассуждать.

С уважением,
Георгий Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Re: Nuclear Card

Георгий Давидович,

Для начала стоит подумать, что и как может угрожать разрушением информационной изоляции? Все что угодно из внешнего мира! Это и делает пхеньянский *проект* призрачным. А вот примирит ли конфуцианский фундамент эти части нашей реальности – большой вопрос. Будет ли ядерный козырь гарантией? Думаю, есть все основания считать ядерное сдерживание возможным *триггером* начала конца. Ядерные испытания 2006 г. дали передышку, потом и оправдание, что «для создания гаранта безопасности было необходимо затянуть пояса». Логично, в том числе и для обывателя. Однако одну из причин сохранности госаппарата КНДР от *коррозии* и развала некоторые специалисты видят в наличии военной опасности, воспринимаемой как реальная и чиновниками,

и личным составом армии, и населением. Теперь же, судя по ряду сообщений, потенциальная военная угроза не воспринимается как непосредственная военная опасность. Значит, можно расслабиться, по принципу «войны не будет, нападать нет смысла – ведь у нас есть ядерное оружие». Это снижает легитимность повальной милитаризации, повышает набор претензий к власти и позволяет предполагать их рост в будущем. А это в перспективе уже сильный дестабилизирующий фактор, не единственный, но важный. И их море.

Посему пространство возможностей для Пхеньяна крайне ограничено и будет то сужаться, то расширяться, но в целом вариантов будет немного. Но так как мы не можем и не сможем точно знать, что у них в голове, России придется действовать осторожно, прохладно и прагматично.

Во-первых, необходимо достаточно широкое обсуждение ядерного фактора во внешней и внутренней политике КНДР, ибо там существует значительное количество мифов, неточностей и допущений как в рамках самого российского экспертного сообщества, так и эксплуатируемых в пропагандистских целях другими сторонами переговорного процесса.

Во-вторых, КНДР как «угрожающий мировой и региональной безопасности фактор» эксплуатируется США и Японией как предлог для наращивания военной мощи и изменения баланса сил в регионе и мире в целом. Американская ПРО в Северо-Восточной Азии – ярчайший пример такого подхода, хотя их уже множество.

В-третьих, действия США вызывают ответные действия КНР и РФ. Таким образом, возникла система прямых-обратных связей, которая приводит не к коррекции системы, а к углублению негативных явлений в регионе и в мире. А это уже стратегические сдвиги. Так меняются условия существования в регионе. И в этих условиях мифостроение (в широком смысле) опасно, как и опасно вмешательство неких внешних игроков.

Кроме того, очень много говорится в последние годы о том, что, помимо государств, все чаще в международные отношения *лезут* негосударственные игроки. В большинстве случаев под ними подразумеваются международные террористические организации. Однако обострение в конце 2008 г. не в последнюю очередь вызвано засылкой в КНДР аэростатов с листовками, а ведь делалось это вопреки официальной воле властей Сеула. Негосударственными религиозными организациями. Из нейтральных вод…

Владимир Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Between Scylla and Charybdis

Владимир,

В отличие от большинства партнеров северокорейцев (за исключением только китайцев) мы более или менее точно знаем – ну или если не знаем, так чувствуем и можем предположить – «что у них в голове», ибо вышли из одной *советской шинели*. В рамках хорошо знакомой старшему поколению *военно-коммунистической* парадигмы те «потребности страны, общества как сложных систем, которым необходимы ресурсы и для развития, и для простого выживания» – *всегда* подчиняются требованиям легитимности и идеологии, на которой данная легитимность основана. Тем более что в КНДР эта идея состоит не столько в достижении коммунистической утопии, сколько в сохранении национальной идентичности и *самостоятельности* (а равной Северной Корее по пренебрежению внешними факторами страны, пожалуй, и не найти).

Так что сценарий коллапса возможен, но он не самый вероятный. Стоящая, как Вы правильно указываете, перед КНДР двуединая задача – «модернизация, безопасность, выход как из самоизоляции, так и из внешней изоляции» и «параллельное сохранение легитимности режима, причем как внешней, так и внутренней» – в принципе решаема при безусловном приоритете второй составляющей. Именно это и обеспечивает известную

жизнеспособность чучхейского проекта в отличие от советского, который при ослаблении идеологических хомутов тут же рассыпался, так как идеологическая составляющая обанкротилась.

Однако удастся ли северокорейским лидерам пройти между Сциллой экономической и социальной деградации из-за идеологической *упертости* и Харибдой экономической и социальной либерализации, могущей подорвать режим? Во многом это будет зависеть не только от изворотливости и чутья правящего класса, но и от внешних факторов.

Может ли ослабление потенциальной внешней военной угрозы, как Вы, Владимир, подозреваете, разрушить чучхейскую ментальность? Дело в том, что в представлении северокорейцев посягательства на *самостоятельность* отнюдь не сводятся к силовым аспектам. Как не менее опасный вызов воспринимаются политическое и экономическое давление, *подрывные действия*, включая *мягкое* проникновение (этим объясняется столь жесткая реакция на засылку листовок). Опасность исходит не только со стороны Запада: растущую угрозу в Пхеньяне видят в китайском факторе. А разрыв отношений хоть какого-то сотрудничества с Югом и имеющаяся у северокорейцев возможность в любой момент обострить обстановку (скажем, направив свои корабли за линию разграничения в Желтом море) создают для властей идеальную возможность периодически *подбадривать боевой дух* населения.

Россия до недавних пор не рассматривалась в негативном ключе из-за ее слабости, однако активизация нашей внешней политики также заставит Пхеньян задуматься. Так что расслабляться и кадрам, и населению правящие круги вряд ли дадут, даже если военная угроза отойдет на второй план. Последние кадровые перестановки отнюдь не говорят о тенденции к терпимости.

А потому психология *осажденной крепости* в обозримом будущем продолжит оставаться определяющей, даже если представить себе, что КНДР, как недавно было ею заявлено, откажется от ядерного оружия после нормализации отношений с США. Тем не менее, надо признать, что возможное потепление отношений с Западом стало бы наиболее действенным средством для ослабления свирепости режима и его эвентуальной трансформации в сторону *социалистического рыночного хозяйства* восточноазиатского образца.

Именно поэтому ядерную проблему следует рассматривать не только как вызов ядерному нераспространению и угрозу стабильности, но и как шанс для выживания КНДР и создания новой системы международных отношений на Дальнем Востоке, которая обеспечивала бы большую безопасность и возможности для развития для всех региональных игроков, включая КНДР.

Для России это серьезный дипломатический вызов. *Во-первых*, необходимо отвести угрозу ядерного распространения – за КНДР могут последовать Иран и целая группа государственных и даже негосударственных игроков... *Во-вторых*, речь идет о стабильности в приграничном регионе. *В-третьих*, разворачивается геополитическая игра, ставка в которой – распределение ролей в Восточной Азии. Нашим интересам вряд ли отвечает усиление влияния как США, так и Китая, равно как и рост конфронтации между ними. Именно сохранение статус-кво, включая независимость КНДР (вне контекста ее социального устройства), позволило бы избежать здесь крупных сдвигов в расстановке сил не в нашу пользу. Немаловажно и то, что ситуация на Корейском полуострове – одна из немногих международных проблем, где у нас нет особых противоречий с США, а возможно сотрудничество, особенно с новой демократической администрацией. И, *наконец*, модернизация КНДР – серьезный шанс для получения российским Дальним Востоком значительных экономических бонусов.

Какова же миссия России в вялотекущем мирном процессе – шестисторонних переговорах? Представляется, что о долгосрочных целях у нас до сих пор особенно не задумывались, привычно утешая себя тем, что все равно проблемы решаются на двустороннем – между США и КНДР – треке (который с приходом к власти президента Барака Обамы, судя по всему, станет определяющим). Регулированием процесса занимается Китай, а от нас все равно, мол, мало что зависит. В решении собственно ядерной проб-

лемы (которая для нас в корейском урегулировании, вероятно, не главная, и уж конечно, не единственная), возможно, это и так. В решении долгосрочных геополитических задач России в Азии, однако, урегулирование корейской проблемы – реальный шанс для нашей страны оказать влияние на мироустройство в этом регионе. Шанс, который может быть упущен.

Георгий Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Love or Fear - What Is Better?

Уважаемый Георгий Давидович,

Не могу не согласиться с Вами в том, что ядерное сдерживание (в его *чучхейском* исполнении) – это один из ключевых факторов, необходимых для сохранения Пхеньяном спокойствия по поводу возможности решения США вдруг пойти силовым путем.

Это позволяет отвлечь ряд ресурсов на решение других задач, а также повысить эффективность других маневров, иногда применяемых КНДР в ходе кризисов (тут можно вспомнить перехват и сопровождение американского самолета-разведчика над нейтральными водами в 2003 г.). Что же касается переговоров, то стоит помнить, что *политика пропаганды трезвости из-за барной стойки* в Пхеньяне воспринимается с понятным скепсисом. КНР и РФ – ядерные державы, РК и Япония – под *ядерным зонтиком* США, а вот КНДР никто ничего так же серьезно не гарантирует.

Ядерное оружие – это средство с несопоставимой военно-политической эффективностью, даже если на самом деле оно не является полноценно применимым. Ведь оно имеет ни с чем не сравнимую *апокалиптическую* репутацию. То есть Северную Корею все-таки из-за него боятся. А как говорил Николо Макиавелли, «вас могут любить, могут бояться. Любовь от вас, по сути, не зависит, а вот страх очень даже. Опираться же лучше на то, что от тебя зависит». В дополнение к этому у КНДР есть печальный опыт и нарушения американцами Женевских соглашений, и провала КЕДО, и открытое декларирование КНДР как цели для американского ядерного оружия, воинственных речей администрации Буша и т.п. В этих условиях концепция ядерного сдерживания вне конкуренции.

КНДР серьезно и контролируемо вывела из строя свой реактор, главный источник плутония. Как и другие ключевые объекты ее ядерного топливного цикла. Также не было переработано топливо с цикла наработки 2005–2007 гг., что заметно снижает предполагаемый уровень запасов кондиционных, оружейных делящихся материалов, имеющихся в наличии. Однако я не думаю, что КНДР это сделала от хорошей жизни или по доброй воле. Весной 2007 г. реактор встал на две недели по неизвестным причинам. Видимо, это была аварийная остановка. Да и в ходе переговоров рядом официальных лиц делались высказывания о том, что КНДР столкнулась с проблемой безопасной эксплуатации реактора. Так что очень возможно, что реактор был уже не в кондиции, но даже так выгоду в Пхеньяне получили. Да и за демонтаж объектов платить будут иностранцы. Поэтому дело, видимо, не только и не столько в успехе переговоров и давления, сколько в ядерной технике и технологии. Раз приостановлено производство плутония, то возможности наращивания как численности, так и мощности арсенала либо ограниченны, либо заморожены. Однако полностью избежать возможности наработки дополнительных делящихся материалов в КНДР избежать нельзя в принципе. Речь идет о потенциальной, технически скрытной возможности наработки обогащенного до оружейного качества урана. Вопреки расхожему мнению для этого не требуются огромные предприятия, большие энергозатраты и море сырья. Но так только в одном случае – если обогащенный уран идет на усиление плутониевой бомбы, а не на отдельные чисто урановые имплозивные, а тем более *пушечного* типа заряды.

Известно и о том, что КНДР вполне могла получить доступ к достаточной по объему информации технической и научной документации о центрифужном методе обогаще-

ния из Пакистана. В КНДР, помимо этого, есть как технологии, так и реальные производства тетрафторида урана, а для центрифужного метода используется гексафторид урана. Есть опыт очистки, обработки урана, производства ядерного топлива и т.д.

Однако, учитывая другие технические оговорки, а также отсутствие теперь рабочего реактора, этот ресурс роста (это если такое решение вообще было принято и реализовано, но опровергнуть или подтвердить это сейчас и в ближайшем будущем нереально) быстро иссякнет, и, даже если такой проект был или есть, он быстро упрется в производственный потолок. Один-два года работы, и *апгрейд* всего арсенала готов, а вот дальше суммарный рост килотоннажа пойдет очень и очень медленно. Повторюсь, если таковой вариант вообще был принят и осуществлен. Однако это неплохой повод для бесконечных придирок, поэтому если кому-то из участников переговоров это потребуется, то он легко может и будет требовать доказательств отсутствия. Это обязательно надо учитывать.

Владимир Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Tail Wags the Dog

Владимир,

Ядерный фактор является центральным не только в обеспечении безопасности КНДР, но и в целом в корейском урегулировании. Ядерная проблема – продукт глубокого комплекса неполноценности и незащищенности КНДР. Эти ощущения после утраты поддержки СССР приняли параноидальные формы, хотя Ким Ир Сен стал задумываться о собственном ядерном оружии чуть ли не с 1950-х гг. Главной целью программы его создания была страховка от неожиданностей, сдерживание. И это понятно.

Вскоре, однако, выяснилось (возможно, даже довольно неожиданно для Пхеньяна), что *ядерная карта* является мощным средством шантажа, дипломатическим рычагом, который поставил КНДР в фокус мировой политики, заставил с нею считаться. При этом Пхеньян может игнорировать мнение мировой общественности практически безнаказанно, так как военное решение было еще в начале 1990-х гг. признано неприемлемым из-за возможного ущерба, который северокорейцы могли нанести противникам, а средства санкций и давления в отношении тоталитарной и закрытой страны не работали. Тем более в условиях, когда чрезмерного обострения ситуации не мог допустить Китай, поддерживаемый с середины 1990-х гг. и Россией.

Значительная часть вины за тупик лежит на США и их союзниках. Сначала Вашингтон, вопреки мнению специалистов (в том числе российских), ожидал скорого краха КНДР, который естественным образом разрешил бы ядерную проблему, и не торопился выполнять достигнутые с Пхеньяном договоренности, что стало для КНДР *плохим уроком* («значит, и нам можно»). Затем (опять-таки вопреки советам специалистов) США попытались использовать нажим, изоляцию и санкции, чтобы «заставить КНДР правильно себя вести» (смехотворное целеполагание и непрофессиональная политика!). Результатом стали только лишения северокорейского народа – западники забыли уроки СССР и Китая, где гибель миллионов людей в годы коллективизации, *большого скачка* не только не подорвали режимы, но заставили их уверовать в собственное всемогущество. Примерно то же произошло и в Северной Корее – ее лидеры убедились в полной *импотенции* Запада, равно как и в своей потенции – возможности навязывать и вести выгодную для себя линию. А демонтаж уже отслужившего свое и ненужного реактора в Ненбене за американский счет в качестве главной и серьезной уступки – вообще верх дипломатического искусства, заставляющий вспомнить пословицу о том, как *хвост виляет собакой*.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Status quo

Уважаемый Георгий Давидович,

Главное – это неработающий реактор и плутониевый завод, и это очень хорошо. Еще лучше для всех то, что в середине 1990-х гг. было заморожено строительство реакторов мощностью 50 МВт и 200 МВт и сейчас возможности их завершить у КНДР нет, а с нуля такой проект она не потянет. Если бы не соглашения 1994 г., то КНДР могла бы нарабатывать плутоний в больших на порядок объемах, а также пытаться нарабатывать тритий, термоядерный вариант, а это уже другие возможности, другой арсенал, другая численность и уже суммарный мегатоннаж, а не килотоннаж. И сейчас КНДР бы имела арсенал, сопоставимый с Пакистаном или Индией, вот это было бы, действительно круто. Так что самого плохого мы избежали. С другой стороны, ядерные испытания заморозили ситуацию и вместо *барабанов* пошли переговоры. Поэтому для России дела идут в общем довольно неплохо. С другой стороны, главная ядерная опасность миру сейчас также исходит не от КНДР, а от Пакистана. По крайней мере, пока. Ядерный статус КНДР во многом ограничил возможности ключевых игроков, таких как КНР и США. И это нам тоже пока на руку. Поэтому военно-стратегические дела не самые главные в ближайшие годы, главное – это другие вызовы выживанию режима. Статус-кво пока нам выгоден, и позитивных альтернатив для России не видно. Думаю, за него и надо бороться. А проблема ядерного распространения лежит в само́й современной системе международных отношений.

В. Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Re: Status quo

Уважаемый Владимир,

Да, для России статус-кво не противопоказан. Однако его изменение в направлении нормализации обстановки – признания КНДР Западом, развития межкорейских отношений – может принести нам значительные экономические и политические дивиденды. Так что мы можем с чистой совестью утверждать, что мы – за национальное примирение Севера и Юга (на что аллергия и у Китая, и у Японии, а США согласны на это только на своих условиях, т.е. под южнокорейским и своим контролем) и снижение напряженности на полуострове. Не только утверждать, но и активно предлагать свои рецепты, продвигать инициативы – хотя бы и в пропагандистских целях. Похоже, это мы делать разучились.

Г. Толорая

From: Vladimir Khrustalev
To: Georgy Toloraya
Subject: Technology Sponsor

Георгий Давидович,

Проблема *выживания* КНДР гораздо глубже, даже на пятилетнем промежутке. Процессы контактов с внешним миром местному социуму просто необходимы, но также и опасны. Причин тому несколько, как и рождаемых противоречий. Вот несколько примеров:

Во-первых, КНДР испытывает нехватку как конвертируемой валюты, так и необходимого экспортного потенциала (чего-нибудь достаточно ценного и востребованного на внешнем рынке, вроде нефти). С другой стороны, КНДР очень зависима от внешнего мира как источника продовольствия и кондиционных энергоносителей. В общем и целом, экспортная выручка как источник для масштабных государственных инвестиций от-

сутствует. Нужна прямая внешняя помощь, но более заметная, нежели периодический прокорм их ТЭС мазутом.

Во-вторых, имея дефицит ресурсов, страна стоит перед необходимостью постоянных больших затрат на оборону и ВПК. А экспортная выручка от продукции местной оборонки сколько-нибудь значительно эти инвестиции не окупает. Это дыра, в которую утекают финансовые и лучшие трудовые ресурсы. Причем прямой денежной либо гражданской технологической выгоды это вливание не приносит.

В-третьих, страна находится как под пропагандистским, так и под политическим и экономическим прессингом. Проще говоря, КНДР, как и Кубе, часто приходится за многие товары, услуги и допуски к рынкам и технологиям платить больше из-за всяких международных *наценок* на режимы подобного рода. И в то же время внешнее культурное и пропагандистское воздействие для КНДР заметно опаснее, чем для многих других антизападных режимов (опасный пример Южной Кореи из-за успеха экономической и политической системы). А своя ресурсная (в широком смысле) база крайне слаба, а для многих задач вообще неадекватна.

В-четвертых, стоит помнить, что если в Пхеньяне не хотят стать эдаким Непалом (только с ракетами), то нужно срочно создать конкурентоспособные экспортные отрасли-локомотивы, обучить относительно большое количество специалистов, соответствующих конкурентному мировому уровню, и подумать об уже недалеком будущем, в котором будут иметь важное значение и нынешняя низкая рождаемость, и деквалификация занятых в промышленности, и снижение уровня школьного образования в провинции. А на это нужны либо деньги, либо программы, либо люди. Но где это взять без *двойного дна*?

Вот тут-то у РФ есть шанс. Это, конечно, не гарантированный выгодный и железно успешный вариант, а, видимо, серьезный шанс (если там действительно еще можно что-то спасти). РФ не может быть сколько-нибудь масштабным финансовым донором и прямым политическим спонсором, но при этом надо как-то помочь КНДР, ибо это в наших интересах. Решения есть.

Наша потенциальная ниша номер один – это ***технологический спонсор*** в энергетике. В условиях общего и затяжного экономического кризиса в Северной Корее первоочередные и пока не разрешимые проблемы сохраняются в топливно-энергетическом комплексе.

В КНДР ТЭС работают на угле. Но сложности в его добыче связаны с нерегулярной подачей на шахты электроэнергии, постоянной нехваткой транспортных средств для вывоза произведенной продукции. К тому же основные производственные фонды угольных предприятий сильно изношены, часто выходит из строя оборудование, из-за отсутствия в необходимых количествах крепежных конструкций остается высоким уровень аварийности. Снижается и качество добываемого угля (например, снижается калорийность).

В Северной Корее много крупных и мелких ГЭС, расположенных в основном на севере и северо-востоке страны. Однако в силу климатических условий они действуют в основном в пиковом режиме, чтобы сохранять речную воду, а с полной нагрузкой только в период дождей (с середины июля до середины августа). Поэтому их средняя мощность за год не превышает 30–40%. Большая часть энергетической инфраструктуры устарела.

Выработка электроэнергии по объемам более чем в 1,5–2,5 раза меньше, чем величина дефицита (на середину 2000-х гг. оценивался в 30 млрд кВт/ч в год). Да и потери в сети составляют по разным оценкам 16–50%. Как этот дефицит устранить? Вариант с АЭС под ключ от КЕДО провалился. С треском. С огромным. Поэтому идею с АЭС на ближайшие годы надо отложить. Но энергия нужна, и как можно быстрее, и чтобы достаточно дешево, и в необходимом объеме и виде. И вот тут у нас есть кролик в рукаве! У нас есть возможность предложить выход их энергетике из специфического местного техносферного тупика.

Приведу один пример.

В РФ есть технологии гелиоаэробарических теплоэлектростанций (ГАБ ТЭС), есть не слишком большие, но уже рентабельные производства *ветряков* и т.д. Это именно те технологии, которые у РФ есть, и помощь на основе этих альтернативных комбинированных технологий будет не особо дорогостоящей (можно построить несколько пилотных, практически копеечных ГАБ ТЭС мощностью 50 КВт или комплекты *ветряков* для деревень), доступной уровню КНДР. Это расширит пространство для принятия решений в экономическом строительстве, упростит снабжение сельского хозяйства, даст энергию небольшим предприятиям в провинции.

Другой (возможно, параллельный) путь – это возможность участия в модернизации уже существующих местных ТЭС, восстановлении производства турбин.

Необходимые ресурсы и ряд конкурентных преимуществ у нас есть в области генной инженерии сельскохозяйственных культур. Эта биотехнология при внедрении позволит снизить зависимость от минеральных удобрений и поднять урожайность. Эта же продукция подойдет и дальневосточному сельскому хозяйству России, учитывая общую климатическую зону. А за счет гарантированного федерального финансирования этой программы можно будет нарастить объем производства модифицированного семенного фонда до самостоятельно рентабельного уровня.

Значительный опыт накоплен на Дальнем Востоке в отношении марикультуры. Широко известен опыт КНДР по использованию искусственных прудов для разведения рыбы. Однако есть и морская марикультура. Например, с одного гектара морских плантаций можно собрать до 300 т мидии, до 120 т морской капусты или вырастить до 3 т креветок (мировые данные). Учитывая нехватку пригодной для обработки земли, это немаловажно.

Имеется у России и пригодная для КНДР технология выращивания спирулины – сине-зеленой микроскопической водоросли – в теплицах. Скорость роста спирулины и ее урожайность выше, чем у традиционных сельскохозяйственных культур, в пять-десять раз, выход белка на единицу площади за единицу времени в десятки раз выше, чем у сои, и для производства 1 кг спирулинового белка требуется в 10–30 раз меньше площади, причем можно использовать непригодные или требующие рекультивации земли. Это очень важно, учитывая тот самый дефицит пригодных для обработки площадей.

Нужны, конечно, и решение, и подробный план, а также настойчивая и упорная реализация при надлежащем финансировании из единого центра. Однако стоит ли так стараться? Или это всего лишь близорукие иллюзии о том, что у нас есть шанс сдвинуть этот камень? И как в случае реализации не обеспечить стратегические бонусы КНР в ущерб себе?

С уважением,
В. Хрусталев

From: Georgy Toloraya
To: Vladimir Khrustalev
Subject: Conventionalization of North Korea

Владимир,

Хочу заметить, что внешнеполитическая стратегия на превращение России в энергетическую сверхдержаву (правда, подвергнутая серьезному сомнению российско-украинским газовым кризисом) имеет в Восточной Азии весьма благоприятные возможности для реализации. И Корейский полуостров играет в этом не последнюю роль. Так что наше содействие КНДР в энергетике имеет не только узко северокорейское измерение. Кое-что начато, но дела и со строительством ЛЭП через Север на Юг Кореи, и с модернизацией построенных нами электростанций пока не движутся с места. Не говоря уже об абсолютно утопической идее газопровода через северокорейскую территорию (не удержусь, чтоб не вспомнить Украину...).

Не стоит забывать и про транспортные проекты – прежде всего, железнодорожного транзита с юга через север на Транссиб. Он сулит миллиардные барыши всем участникам, и рано или поздно будет реализован, хотя нынешнее обострение межкорейских отношений затормозило реализацию уже согласованных в трехстороннем (!) формате планов.

Многообещающе и сотрудничество в сельском хозяйстве – тут инвестиции могут окупиться довольно быстро (даже элементарная поставка удобрений, которые КНДР с юга теперь не получает, дает заметную прибавку урожайности). Главное, однако, чтобы иностранная экономическая помощь (включая российскую) не консервировала отсталую структуру *самообеспечивающейся* экономики, а способствовала бы развитию экспортной специализации и становлению нормальной экономической системы – а иной, кроме рыночной (пусть регулируемой) в природе не существует... Вместе с тем, это не должно ставить под угрозу стабильность – и вот в этом нам надо убедить наших северокорейских партнеров...

Оставаясь на почве реализма, следует исходить, *во-первых*, из того, что крах КНДР не является неизбежным, *во-вторых*, что это не в наших национальных интересах (и не в интересах корейского народа в целом) и, *в-третьих*, что мы можем реально способствовать благоприятному развитию событий – *конвенционализации* КНДР (превращению в *обычное* государство) и обеспечению ее внешней безопасности и внутренней стабильности. Представляется, что это и должно стать концептуальной основой российской политики в отношении нашего непростого соседа, где, кстати, несмотря ни на что, к нам не так уж плохо относятся...

С уважением
Г. Толорая

Ирина Зуева

DÉJÀ VU, ИЛИ ЮБИЛЕЙНЫЕ *ТРАДИЦИИ* БАЛКАН

Время летит незаметно. Кажется, совсем недавно Белград и всю Сербию сотрясали демонстрации против самопровозглашенной независимости Косова и Метохии. И вот уже новая *суверенная держава* рассылает по белу свету своих *полномочных представителей.* Приблизилась **бесславная годовщина**, которая, без сомнения, будет отпразднована с воинствующим воодушевлением не только албанским большинством на этой исконно сербской территории. А международное сообщество (с серьезным и неподкупным лицом Court of Justice) тем временем только устанавливает сроки подношения документов для рассмотрения легальности отчуждения части территории, случившегося год назад.

Нечто подозрительно похожее уже происходило на этой многострадальной земле. Немногим более ста лет назад. Когда летом 1908 г. многовековую Османскую империю потряс внутренний кризис, и в борьбе с автократическим режимом султана к власти пришли представители политического реформистского движения, известные как *младотурки*.

Несмотря на первоначальное воодушевление и поддержку европейских держав, вскоре стало ясно, что новая власть не готова дать более широкие права народам, входившим в состав тогдашнего турецкого государства. Объявление парламентских выборов стало толчком для Болгарии (вассально зависимого княжества) и Австро-Венгрии (удерживавшей территорию Боснии и Герцеговины под своим контролем со времен Берлинского конгресса 1878 г.) заявить о выходе из состава империи. При этом Болгария провозгласила себя независимой державой, а Босния и Герцеговина, являясь де-факто сербскими землями (как по православной традиции, так и по относительному большинству носителей языка и культуры), были *под* (исторический) *шумок* аннексированы Веной. Экспансионистские действия, поддержанные Германией, привели заинтересованные державы региона и шире на грань нового нешуточного конфликта.

Против *кражи* наиболее громко выступили, безусловно, Османская империя, Россия и Сербия. Первая, впрочем, вскоре согласилась на денежную компенсацию плюс непременный вывод австрийских войск из Ново-Пазарского санджака (ныне на территории Сербии – возможно, еще одна *многообещающая* будущая *спорная* точка на карте).

Россия, с одной стороны, была заинтересована в сохранении статус-кво на Балканах. С другой же, ослабленная после поражения в русско-японской войне и внутриполитического кризиса, порожденного революцией 1905 г., сознавала, что не может выдвинуть реальных претензий без восстановления своих вооруженных сил и статуса на меж-

дународной арене (déjà vu?). Под нажимом председателя Совета министров П.А. Столыпина российское правительство отказалось от намерения созыва международной конференции и было вынуждено признать аннексию как данность. Стоит заметить, что кадетская и близкая к ней пресса в России расценила фактическую капитуляцию правительства в боснийском кризисе как *дипломатическую Цусиму*.

Таким образом, Королевство Сербия, долгие годы терпевшее блокаду и угрозу военного нападения со стороны Австро-Венгрии, оказалось и без братской поддержки русских. После полугодового кризиса, сопровождавшегося серией приграничных инцидентов, страна поддалась давлению двадцатикратно превышавшего ее по количеству населения противника и даже дала унизительное для себя обещание в дальнейшем не вести агитацию среди сербских жителей новой австрийской провинции.

Кто не извлекает уроков из истории, осужден на ее повторение. И, хотя исторические обстоятельства никогда не повторяются в точности, сегодня *мораль* событий столетней давности дает обильную пищу для размышлений. Казус давнишней аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией на глазах изумленного человечества превращается в живую традицию, по которой в XXI в. *великие силы* мира вновь надевают узду на Балканы. Разница видна в *нюансах*. В нюансах терминологии, прежде всего. Сегодняшний мир с официальным негодованием отвергает практику *аннексии* и *оккупации*. Новым языком демократии те же акции теперь именуются *независимость* и *самоопределение*. Впрочем, под теми же или до боли похожими терминами (чтобы еще глубже спрятать концы в воду казуистики) нынче скрывают противоречивый международный запрет на отделение национальных меньшинств.

Кто ясно мыслит – ясно излагает. Путаница в терминологии суть (случайная или намеренная) путаница в правовых дефинициях и в современном западном внешнеполитическом законотворчестве как таковом. Давно уже стала общим местом дискуссия о двойных стандартах, применяемых в международной практике *урегулирования* конфликтов. Нет (и не может быть?) одинаковой справедливости для больших и маленьких, для сильных и слабых. Утопично сегодня звучит сентенция Сенеки об истине, одинаково выглядящей со всех сторон (*Veritas in omnem suam partem eadem est*).

Международное сообщество, как выясняется, не располагает нормами, действительно регулирующими проблемы самоопределения народов. Много говорят о необходимости их выработать, но кому-то, по-видимому, и выгодно, и удобно манипулировать интерпретациями (речь идет, в первую очередь, об Уставе ООН, о Международном пакте ООН 1966 г., Заключительном акте 1975 г. и, применительно к Косово, резолюции № 1244 1999 г.). Так, с конца 2007 г. без одобрения на то Совета Безопасности (уж и не упоминая голос собственно Сербии) Европа в лице EULEX берет на себя (не)легитимную роль проводника так называемого плана Ахтисаари по *стабилизации* региона. А США уже давно и активно участвуют в миссии спасения Сербии от нее же самой, то свергая ставшего неугодным правителя, то разворачивая на ее территории (долго) временные военные базы а-ля Бондстил (res nullius cedit primo occupanti – в переводе, похоже, и не нуждается), то *ампутируя* часть исторической земли суверенной державы. Уместно процитировать сказанное на этот предмет политологом Н.В. Злобиным: «Вроде как больному отрезают пораженную гангреной руку, и он выздоравливает».

В то время как новорожденные европейские государственные образования (без сомнения, опираясь на *собственный богатый опыт* на международной арене) ретиво кинулись в процедуру признания независимого Косово, ряд стран из собственных интересов и понятий целесообразности вполне ожидаемо оказались в оппозиции *мейнстриму* актуальной аннексии: Греция, Кипр, Словакия, Испания, Румыния не без основания усмотрели прецедент в косовском случае. Министр иностранных дел России С.В. Лавров говорит о сотнях точек активных и потенциальных проявлений сепаратизма и сецессионизма в мире. Новый порядок действителен для всех? Вот уже во весь голос прозвучал Кавказ. Услышим ли вскоре Боснию и Герцеговину? Ведь Республика Сербская, где

сербский народ – государствообразующий, имеет право на самоопределение, в котором ей было отказано еще в 1992 г.?

Таким образом, все возвращается на круги своя. Как и 100 лет назад, западные силы на Балканах широкой кистью рисуют *свою* политическую реальность. Сербия, как и давно в прошлом, снова сделала виток, потеряв сакральный кусок своей земли (по счастью или недоразумению, в этот раз не потеряв своей государственности).

По канонам классической юриспруденции великих старых цивилизаций, решение всякой (не)правовой ситуации должно основываться на поиске ответа на ряд всем понятных вопросов: quis, quid, ubi, quibus auxilis, cur, quomodo, quando. Современным законотворцам совершенно необходимо стряхнуть пыль со старых прописей и всякий раз спрашивать себя: кто, что, где, с чьей помощью, почему, как, когда. Не забывая при этом, что *is fecit cui prodest* (совершил тот, кому выгодно).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДПИСКИ НА 2009 ГОД!

Для получения журнала необходимо оформить платную подписку на его российское (на русском языке) и/или международное (на английском языке) издания.

Подписаться на журнал можно:

А. Через агентство «Роспечать» (только на российское издание)

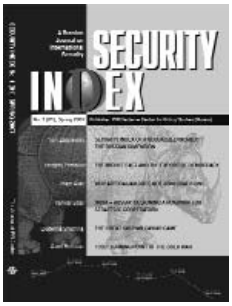
Информация о подписке на российское издание в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Сейчас открывается подписка на первое полугодие 2009 г. Стоимость подписки на два номера журнала (одно полугодие) составит **1500 рублей, включая их доставку**. Индекс издания – **80666.** Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ.

В. Став членом Международного клуба *Триалог (*Москва*),*

Вы или Ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания журнала, а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия. Для Вас открыто индивидуальное или корпоративное членство. Эта опция идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски. Действуют скидки для представителей СМИ!

Подробную информацию о Международном клубе Триалог *Вы можете получить по тел.: +7 (916) 142-8539, e-mail: trialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу http://pircenter.org/club*

С. Став членом *Centre russe d'études politiques (Genève),*



Вы будете получать международное или российское издание журнала по Вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто живет за пределами России и СНГ. Для оформления подписки Вам следует заполнить *онлайн* форму вступления, размещенную на сайте *Centre russe d'études politiques (Genève)* по адресу http://crep.ch/fr/application.html. Оплатив годичный членский взнос, Вы становитесь полноправным членом Центра.

Информацию о Centre russe d'études politiques (Genève) можно получить по телефону в Женеве +41 (79) 736-9034 или же по электронной почте join@crep.ch

D. Оформив корпоративную подписку,

Ваша организация сможет получать от 10 экземпляров журнала с существенной скидкой.

Подробно обо всех вариантах подписки на журнал смотрите в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: ***http://si.pircenter.org****.*

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у помощника главного редактора Евгения Петелина по тел.: +7 (495) 987-19-15; e-mail: petelin@pircenter.org

Джонатан Фэнтон

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ[1]

Не секрет, что американское правительство теряет престиж и влияние, которые были у него на протяжении десятилетий. Остается лишь надеяться, что новая президентская администрация не будет стремиться к односторонним методам решения международных проблем, будет идти навстречу по вопросам коллективной безопасности, будет с уважением относиться к другим странам.

Международные отношения – это не только отношения между государствами. Общество также принимает участие в установлении прочного сотрудничества между странами. Многие неправительственные организации, как, например, Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, работают ради таких ценностей, как открытость, новые возможности, права человека, экология, устойчивое развитие и др. Эти ценности являются основными глобальными ценностями, которые необходимы как на национальном, так и на международном уровне для установления прочных отношений.

Фонд Макартуров – частная независимая благотворительная организация, оказывающая содействие группам и частным лицам, которые стремятся добиться улучшения условий жизни людей. Фонд реализует эти задачи, поддерживая развитие научного знания, поощряя индивидуальное творчество, укрепляя соответствующие институты, а также способствуя положительным изменениям в общественной политике и предоставляя обществу информацию, главным образом, через поддержку СМИ.

Так, Фонд Макартуров выделяет гранты и осуществляет финансирование по следующим направлениям:

- Программа по глобальной безопасности и устойчивому развитию, которая сосредоточена на таких международных проблемах, как мир и безопасность, охрана окружающей среды, устойчивое развитие и здоровье населения, а также права человека и международное правосудие;

- Программа по развитию человека и местных сообществ, приоритеты которой включают вопросы развития местных сообществ, региональной политики, доступного жилья, а также проблемы системной реформы в области образования, юстиции и охраны психического здоровья.

Гранты и программы Фонда Макартуров реализуются в 60 странах мира. Сотрудничество Фонда Макартуров с Российской Федерацией началось в 1992 г., когда был открыт офис представительства в Москве. Деятельность в России является для Фонда самым масштабным проектом за пределами Соединенных Штатов.

За все время работы в России Фонд Макартуров оказал поддержку 33 организациям и выдал около 1100 индивидуальных грантов. Краеугольным камнем работы Фонда в России является 20-летняя программа в сфере высшего образования и научных раз-

работок. Фонд также финансирует гражданские и общественные организации в Москве и в регионах России, которые работают по проблеме защиты прав человека.

Что касается стратегической безопасности и проблемы распространения оружия массового уничтожения, а также вопросов разоружения, Фонд Макартуров поддерживает такие организации и институты, как Центр политических исследований России (ПИР-Центр), деятельность которого – экспертная и образовательная – оценивается очень высоко.

Существуют гранты в области социальных и общественных наук: экология, политология, социология и др. Пять центров и межрегиональных общественных институтов России, которые занимаются вопросами развития регионов, толерантности, национальной идентификации и других идей, получают поддержку со стороны Фонда Макартуров.

Кроме того, Фонд поддерживает 13 университетов и институтов в России, которые занимаются исследованием деятельности органов власти на разном уровне, а также изучением проблем взаимодействия общества и различных правительственных структур.

Большое внимание уделяется вопросам прав человека. Ведется работа с организациями, вовлеченными в систему защиты прав человека. Более того, Фонд Макартуров является участником действий неправительственных организаций по правам человека в России.

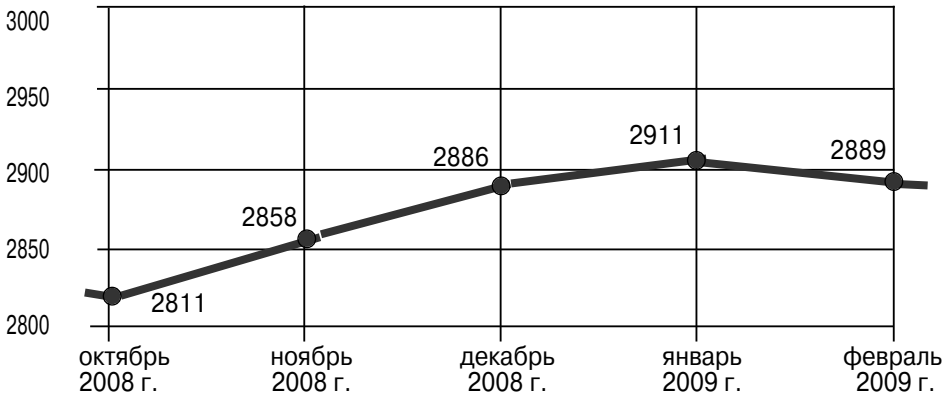
При этом деятельность Фонда направлена на установление взаимодействия между неправительственными организациями, исследовательскими институтами и университетами, бизнес-структурами, учеными и студентами. Специфика программ позволяет аккумулировать интеллектуальный капитал, который может помочь в создании фундамента для взаимодействия далее на правительственном уровне.

Роль некоммерческого взаимодействия сегодня очень важна, в то время как состояние международных отношений далеко от идеала. Американское руководство в последнее время недооценивало важность многосторонних подходов и многополярности, в то время как подход многих неправительственных институтов направлен на вовлечение всех стран в международный процесс.

Примечание

[1] Комментарий составлен на основе выступления Джонатана Ф. Фэнтона на заседании Международного клуба *Триалог* 11 декабря 2008 г.

График 1. **Индекс международной безопасности *iSi* (ноябрь 2008 г. – январь 2009 г.)**



➡ ***Альберт Зульхарнеев.*** **ИНДЕКС ISI ЗА НОЯБРЬ 2008 – ЯНВАРЬ 2009: КОЛЕБАНИЯ В ПЕРИОД ОЖИДАНИЙ**

➡ ***Юрий Федоров*****. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: КАЖЕТСЯ, НАЧАЛОСЬ… МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВСТУПАЕТ В НОВУЮ ФАЗУ**

➡ ***Дмитрий Евстафьев*****. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВСТУПАЕТ В ЗОНУ ТУМАНА**

➡ ***Мариан Абишева, Дайан Джаятиллека, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Константин Эггерт.*** **КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

ИНДЕКС *ISI* ЗА НОЯБРЬ 2008 – ЯНВАРЬ 2009: КОЛЕБАНИЯ В ПЕРИОД ОЖИДАНИЙ

Реальность мирового экономического кризиса, очередной войны на Ближнем Востоке, обострения в Южной Азии и тревожное ожидание непонятных перемен при минимальном влиянии символических встреч, обещающих, но пока безрезультатных деклараций и заявлений определяли динамику международной безопасности и индекса *iSi* в ноябре 2008 – январе 2009 гг. В этот период не удалось продвинуться ни по корейскому, ни по иранскому ядерным вопросам.

В ноябре на фоне низких показателей предыдущих месяцев Индекс незначительно возрос до отметки 2886, в декабре поднялся и составил на начало нового года 2911 пунктов, а 1 февраля 2009 г. – 2889.

- **Мировой экономический кризис**, а также негативные прогнозы его развития в 2009 г. стали одним из ключевых факторов снижения уровня благополучия и социальной защищенности населения во всем мире. Финансовый кризис привел к значительному снижению инвестиционной активности, сокращению производства и, как следствие, к росту безработицы и уменьшению доходов. Быстрее и серьезнее других пострадали строительство, автопром, другие отрасли машиностроения, металлургия, а за ними почти все области мирового хозяйства. Вместе и по отдельности правительства ведущих стран мира пытаются повлиять на ситуацию. 17 декабря 2008 г. ставка рефинансирования в США была снижена до 0–0,25%, в рамках *плана Полсона* выделено 17,4 млрд долл. на поддержку автоиндустрии. ЕС принял *план подъема* экономики стоимостью 200 млрд евро, масштабные вливания в экономику осуществляют и другие государства. Участники саммита *группы 20* 15 ноября в Вашингтоне объявили о приверженности рыночной экономике и необходимости реформы мировой финансовой системы, назначив очередную встречу на апрель 2009 г.

  Ударом для стран, выживание и развитие которых зависят от экспорта энергоресурсов, стало резкое снижение цен на нефть. В конце декабря баррель марки Brent стоил 45,59 долл., а Urals – 32,42 долл. 17 декабря 2008 г. ОПЕК заявила о сокращении квот на добычу нефти, это решение поддержали Азербайджан и Россия. Активизирована консолидация экспортеров газа – 23 декабря в Москве создан Форум стран – экспортеров газа.

  На фоне ситуации в экономике в ряде стран усилилась политическая нестабильность и прошли массовые выступления. Кульминацией антиправительственных демонстраций в Таиланде стал захват оппозиционерами 25 ноября 2008 г. международного аэропорта в Бангкоке, роспуск 2 декабря правящей Партии народной власти и запрет участвовать в политической деятельности премьеру Сомчаю Вонгсавату. 15 декабря был избран новый премьер Абхизит Вейджаджив.

  Весь декабрь в Греции продолжались беспорядки, начало которых связано с убийством полицейским подростка. Требования сводились к изменению экономической политики правительства в условиях кризиса.

- **Ближний Восток**. Год с начала мирного процесса, запущенного в Аннаполисе, завершился новой войной между не участвующим в механизме урегулирования движением *Хамас* и Израилем. Результат противостояния – гуманитарная катастрофа в секторе Газа. 5 ноября 2008 г. после возобновления ракетных обстрелов территории Израиля были закрыты переходы на границе с анклавом. 19 декабря *Хамас* вышло из перемирия с Израилем, 27 декабря израильские силы начали воздушные бомбардировки анклава, а 3 января наземную часть операции *Литой свинец*. По данным палестинской стороны, на 11 января погибло 700 человек, большая часть из которых дети. 9 января Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую прекращения огня. Израиль намерен довести операцию до конца и обеспечить прекращение обстрелов. Кризису предшествовали симво-

лические попытки возобновить мирный диалог: в Дамаске состоялась встреча бывшего президента США Джимми Картера с лидером *Хамаса* Халедом Машаалем, 16 декабря принята резолюция СБ ООН о необходимости продолжения процесса урегулирования.

- **Южная Азия.** Высокая террористическая активность в Индии, крайняя нестабильность в Пакистане и сохранение опасности возникновения нового конфликта между этими *де-факто* ядерными государствами остаются негативными факторами глобальной безопасности. 26 ноября в результате нападения около 20 террористов на гостиницы и другие объекты одного из крупнейших городов Индии Мумбая погибли около 200 человек. По данным индийского следствия, террористы прибыли в город морем из пакистанского г. Карачи. Исламабад заявил о готовности к сотрудничеству в раскрытии преступления, но твердо отказался выдавать подозреваемых в причастности к преступлению. Отношения соседних стран ухудшились, в конце декабря обе стороны усилили военные группировки вдоль *линии контроля* в Кашмире. Тем не менее, в начале 2009 г. напряженность стала спадать, одним из знаков чего стал очередной обмен информацией о ядерных объектах между Дели и Исламабадом 1 января 2009 г.

  Позитивным фактором в регионе стало завершение в Бангладеш режима чрезвычайного положения, длившегося почти два года, и проведение здесь парламентских выборов на демократической основе.

- **Европа и постсоветское пространство.** Ситуации вокруг Грузии и Украины оставались в центре европейской повестки безопасности. 18 ноября и 18 декабря в Женеве состоялись второй и третий раунд дискуссий по безопасности на Южном Кавказе. Стороны смогли преодолеть процедурные проблемы и перейти к работе в группах по безопасности и по беженцам, однако пока не достигли какого-либо прогресса. Следующий раунд должен состояться 17–18 февраля 2009 г.

  На саммите министров иностранных дел НАТО вместо предоставления Грузии и Украине *Плана действий по членству* для этих стран был принят *годовой план сотрудничества*.

  Несмотря на наличие некоторых положительных откликов, заседание Совета министров иностранных дел ОБСЕ показало, что большинство членов организации со скепсисом восприняли инициативу России по выработке нового договора о европейской безопасности.

  Влияние отношений России и Украины на реальную безопасность жителей Европы показал очередной новогодний газовый кризис. После провала декабрьских переговоров по цене за газ 1 января были прекращены поставки *голубого топлива* на Украину. 6 января российский газ полностью прекратили получать Болгария, Венгрия, Турция, Греция, Сербия, Словения, Словакия и Румыния, сократились поставки во Францию, Австрию и Германию, 7 января Украина фактически остановила транзит газа в Европу, вечером этого дня *Газпром* перестал направлять газ в транспортную систему Украины. Прекращение снабжения газом совпало с резким похолоданием в регионе. Российское руководство, подчеркивая экономическую подоплеку конфликта, настойчиво обращает внимание на «высокую степень криминализации власти в Украине» и «неспособность ее руководства решать экономические проблемы». Международная ситуация вокруг Украины развивается на фоне экономической и политической нестабильности в стране.

  Одним из позитивных факторов стало постепенное урегулирование ситуации вокруг Косово. 9 декабря на территории края с согласия Сербии приступила к работе гражданско-полицейская миссия Евросоюза. 2 ноября лидеры Азербайджана, Армении и России подписали в Москве декларацию о мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта. 24 декабря состоялась встреча президента Молдовы В.Н. Воронина и главы Приднестровья И.Н. Смирнова.

- **Африка.** В восточных провинциях Демократической Республики Конго Северное и Южное Киву не прекращаются бои между правительственными войсками и мятежными силам Лорана Нкунды. По данным ООН, из-за широкомасштабного насилия с обеих сторон с конца августа до начала декабря 2008 г. были вынуждены бежать примерно 250 тыс. человек. Военные действия затрудняют оказание гуманитарной помощи ООН и другими организациями. СБ ООН принял решение увеличить состав 17-тысячного миротворческого контингента на 3 тыс. человек. Евросоюз пока не принял решения об отправке военной миссии в регион.

  В конце ноября произошли кровопролитные межэтнические столкновения в нигерийском г. Джос. Фактором дестабилизации в регионе грозит стать ситуация в Гвинее после смерти президента Лансане Конте и узурпации власти военными. Сложной остается обстановка в Зимбабве.

  Тревожным проявлением коллапса государства в Сомали стал разгул пиратов в прибрежных водах этой страны. Громким событием стал захват 15 ноября саудовского супертанкера *Сириус Стар* (освобожден после выкупа 9 января).

  20 ноября, 2 и 16 декабря 2008 г. СБ ООН принял три резолюции по данной проблеме, последняя из которых позволяет «сотрудничающим государствам» уничтожать пиратскую инфраструктуру не только на море, но и непосредственно на сухопутной территории и в воздушном пространстве Сомали. В опасном для судоходства районе дежурят корабли ВМС США, Китая, России и других стран. Действует военно-морская миссия Евросоюза, Лига арабских государств формирует аналогичное подразделение.

- **Победа Барака Обамы** на президентских выборах в США позитивно воспринята мировым сообществом, ожидающим перемен в политике супердержавы. Лидеры Ирана, Кубы, Сирии заявили о готовности к диалогу с новым американским лидером. Оптимистично воспринимаются слова самого Барака Обамы о возможности переговоров с Ираном без предварительных условий. Российский президент Д.А. Медведев, кроме выражения надежды на улучшение работы с американской администрацией, заявил об возможных шагах России в ответ на размещение ПРО США в Восточной Европе, в том числе о развертывании ракетных комплексов *Искандер* в Калининградской области.

Альберт Зульхарнеев

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: КАЖЕТСЯ, НАЧАЛОСЬ… МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВСТУПАЕТ В НОВУЮ ФАЗУ

В последние месяцы 2008 г. центральными темами мировой политики стали глобальный финансовый кризис и спровоцированная им рецессия. Скорее всего, они останутся в этом качестве и в 2009 г. На второй план оказались отодвинутыми практически все еще недавно считавшиеся ключевыми политические и стратегические проблемы: перспектива вывода американских войск из Ирака, иранские ядерные амбиции, нестабильность в Пакистане, российское вторжение в Грузию и обострение напряженности в Европе в связи с намечающимся развертыванием новых российских ракет в Калининградской области, сохраняющаяся угроза международного терроризма. Между тем, чудовищный террористический акт в Мумбае вполне мог спровоцировать новую, возможно, уже ядерную войну между Индией и Пакистаном.

Внимание, уделяемое экономическим неурядицам, понятно и обоснованно. Крах мировой финансовой системы окажется намного страшнее Великой депрессии первой трети XX в. со всеми ее экономическими и политическими последствиями. А потому стабилизация и оздоровление международных финансовых рынков и крупнейших системообразующих банков является задачей первостепенной и неотложной. В этом контексте даже смена администрации в США важна, прежде всего, с точки зрения способности Барака

Обамы и его команды справиться с экономическими трудностями. Однако, когда глобальный финансовый кризис пойдет на спад, стратегические и геополитические проблемы опять приобретут свое прежнее, а может быть, и большее значение. Неслучайно поэтому стремящиеся к ядерному оружию иранские лидеры; многочисленные марксистские радикалы и вожди исламских террористических группировок, опереточные латиноамериканские каудильо и симпатизирующие им российские политики, уверовавшие во *вставшую с колен Россию*, пытаются воспользоваться складывающейся ситуацией. Они стараются не упустить время и укрепить свои позиции как внутри соответствующих стран, так и на международной арене в то время, когда внимание лидеров ведущих государств мира отвлечено на борьбу с финансовым кризисом.

ПРЕДВЕСТИЕ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О причинах глобального финансового кризиса, возможностях и перспективах его преодоления написаны тысячи страниц. В большинстве своем специалисты сходятся в том, что в течение двух-трех лет удастся успокоить и оздоровить мировую финансовую систему, хотя этот процесс будет весьма болезненным и во многих случаях рискованным, а последствия – трудно прогнозируемыми, по крайней мере, в деталях. Можно предположить, что будут существенно ограничены операции с так называемыми деривативами[1], пересмотрены принципы кредитной политики, например, ужесточены требования к заемщикам и сокращены потребительские (в том числе ипотечные) кредиты. В результате изменится парадигма потребления. Возможно, на смену сформировавшемуся в последние 30–40 лет на Западе обществу массового потребления придет новая, более рациональная и сбалансированная модель экономического поведения. Консюмеризм и гедонизм последней трети XX в. уступят место традиционным, даже консервативным буржуазным ценностям: бережливости, умеренности, здравому смыслу и личной ответственности.

Но это лишь одна, наиболее очевидная и, как представляется, далеко не самая важная сторона нынешнего кризиса. Известный российский экономист С.Ю. Глазьев обратил внимание на то, что «ведущие страны вступили в фазу структурной перестройки экономики: идет формирование нового технологического уклада. <...> Каждый раз, когда идет замещение технологических укладов и переход с одной длинной волны на другую, происходит обесценивание капитала в устаревших производствах: этот капитал перетекает в финансово-спекулятивные операции, частично обесценивается, а частично находит себе приложение в новейших технологиях»[2]. Ядром нового технологического уклада являются нанотехнология, бионанотехнология, генная инженерия, здравоохранение. Глобальный финансовый кризис закончится тогда, считает С.Ю. Глазьев, когда этот освобождающийся из устаревших производств финансовый капитал, частично обесценившись в лопнувших *пузырях*, найдет себе дорогу в новейших технологиях. «Через три года – пять лет, – пишет он, – экономики ведущих стран мира подойдут к новой длинной волне, и мы вступим в очередной десятилетний период экономического роста»[3].

С.Ю. Глазьев справедливо полагает, что в нормальной рыночной системе кризис *выжигает* те сегменты экономики, которые неспособны к освоению новых технологий или не заинтересованы в этом и, соответственно, тормозят обновление производства. Одновременно ликвидируется или сжимается та часть финансового рынка, которая оперирует с переоцененными, излишне рискованными или необеспеченными активами. В итоге нынешний кризис, как это было и ранее, является предвестником и предпосылкой новой научно-технической революции (НТР), с соответствующим обновлением производственного аппарата и обслуживающей его финансовой системы, прежде всего, банковского сектора. Она произойдет в начале будущего десятилетия в технологически развитых странах, а по своим масштабам и последствиям будет сопоставима с предыдущей НТР, совершившейся на рубеже 1980–1990-х гг. в результате разработки и массового внедрения информационных и компьютерных технологий.

В результате окончательно утвердится международная иерархия, основанная на креативном, научно-техническом потенциале общества. На первое место в глобальной сис-

Приглашаем Вас прокомментировать эту статью в разделе «Обсуждение» интернет-представительства журнала http://si.pircenter.org

теме выйдут те страны, где имеются наилучшие возможности для создания и практического применения новых технологий. Это – США, многолетний мировой лидер в области НИОКР, некоторые европейские государства и Япония. На втором уровне окажутся страны, способные освоить и использовать новые технологии для массового производства. Особое место среди них, скорее всего, займут Южная Корея, Китай и Индия. На третий уровень попадут страны, успешно специализирующиеся на рекреационных, транспортных и посреднических услугах, в том числе в финансовой области. На четвертый – государства-поставщики природных ресурсов и полуфабрикатов с низкой степенью переработки первичного сырья. На последнем же уровне окажутся *рухнувшие государства*, не способные к самостоятельному существованию и погружающиеся в хаос, насилие и гражданские войны.

Государства, находящиеся на высшей ступени международной иерархии, осуществят очередную революцию в военном деле. Предугадать ее направления сегодня крайне трудно, если вообще возможно. Открытыми, например, остаются вопросы о том, в какой мере новые системы оружия окажутся эффективными в войнах и конфликтах четвертого поколения и насколько они могут нейтрализовать традиционный ракетно-ядерный потенциал, созданный в последнюю четверть XX в. Однако нет сомнений в том, что очередная научно-техническая революция окажет глубокое воздействие и на средства вооруженной борьбы, и на стратегические доктрины.

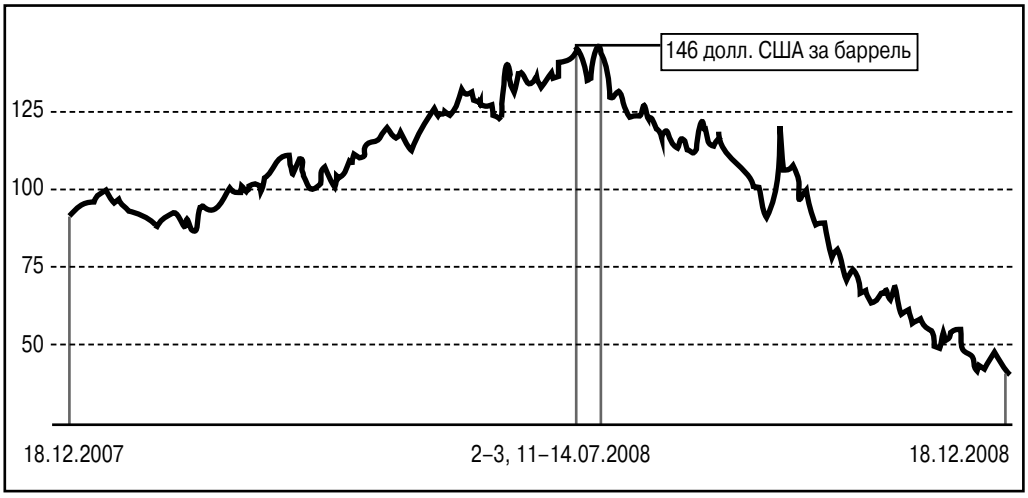
ЦЕНЫ НА НЕФТЬ И ГЕОПОЛИТИКА

Одним из важнейших следствий глобального кризиса является беспрецедентное падение цен на нефть во второй половине 2008 г. Стоимость месячных фьючерсов на сырую нефть сорта *Light sweet* на Нью-Йоркской товарной бирже составила 18 декабря 2008 г. 36,7 долл. США. Иными словами, примерно за пять месяцев цена на нефть снизилась в четыре раза. Это опровергло все известные оценки и очередной раз подтвердило, что прогнозированием цен на нефть пристало заниматься скорее профессиональным астрологам или гадателям на картах Таро, чем геологам, инженерам или экономистам.

Некоторые оценки все же могут быть сделаны. На протяжении 14 лет, в период 1986–1999 гг., цены на нефть (по текущему курсу) менялись незначительнопо сравнению с предыдущими 12 годами. Они колебались от 19 до 20 долл. за баррель, опускаясь до 13 долл. за баррель в 1998 г. и поднимаясь до 24 долл. за баррель в 1990 г. Цены (в долл. по курсу 2006 г.) имели некоторую, сравнительно небольшую тенденцию к снижению. Такая относительная стабильность означала, что ключевые факторы, определяющие цену нефти (себестоимость ее добычи и транспортировки; инвестиции в разведку, разработку и освоение новых месторождений; прибыль нефтяных компаний; а также соотношение спроса и предложения), *во-первых*, были более или менее постоянными и, *во-вторых*, находились в пределах, обеспечивающих сравнительно нормальное функционирование глобальной нефтяной отрасли.

Рост цен на нефть, начавшийся в 2000–2001 гг., был вызван тремя факторами: спекуляциями на нефтяных фьючерсах, ростом себестоимости добычи и транспортировки, а также снижением покупательной способности доллара. Однако вклад каждого из этих факторов в динамику цен существенно отличался от других. Поскольку основная масса нефти в конце 2000-х гг. добывалась на тех же месторождениях, что и в конце 1990-х гг., среднемировая себестоимость добычи и транспортировки увеличилась незначительно, главным образом, в результате освоения нескольких новых месторождений со сложными условиями добычи. Покупательная способность доллара снизилась за последние 10 лет на 20–25%. Поэтому, если бы отсутствовали спекулятивные операции с контрактами на поставки нефти, ее цена в конце нынешнего десятилетия могла бы составлять около 30 долл. за баррель, поднимаясь и опускаясь в зависимости от ситуативных факторов – политической ситуации в районах добычи и транспортных коридоров, природ-

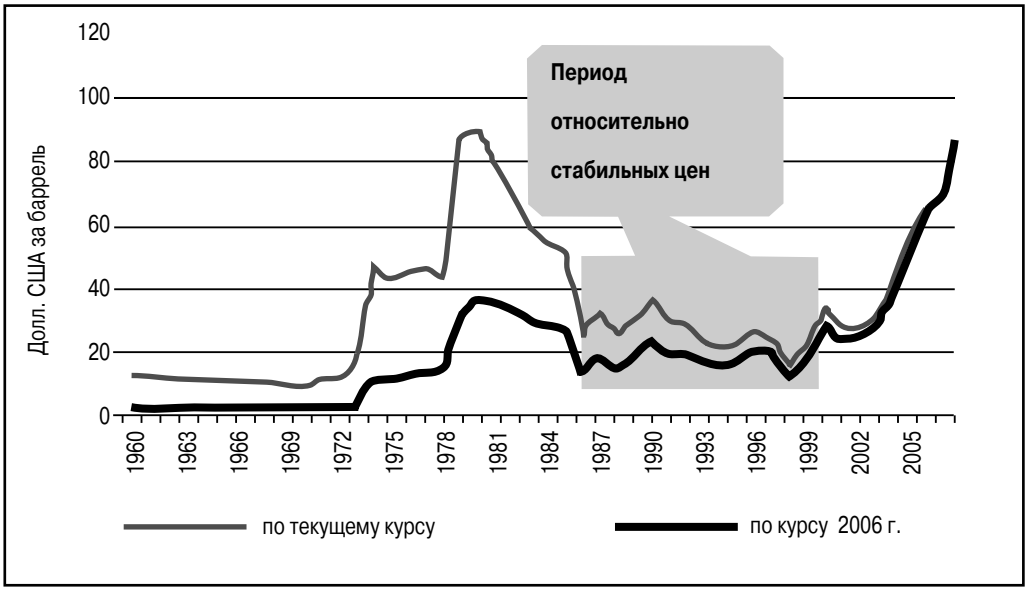
График 1. **Цена на нефть в 2007–2008 гг.**



ных катаклизмов и др. Начавшаяся в 2007–2008 гг. глобальная рецессия, которая продлится, как ожидается, два, а то и три года, будет сопровождаться сокращением спроса на энергию. Это, а также корректировка кредитной политики в ведущих странах резко сократит привлекательность операций с нефтяными фьючерсами. В итоге, если спекулятивная составляющая нефтяных цен сведется к минимуму (что вполне вероятно), то можно предположить, что мировые цены на нефть до начала будущего десятилетия будут колебаться на уровне около 30 долл. за баррель.

Геополитические последствия низких цен на нефть достаточно очевидны. Страны, экспортирующие нефть и газ, столкнувшись с падением доходов, будут вынуждены все более жестко бороться за каждый доллар экспортной выручки. Это существенно сократит их возможности манипулировать с ценами и объемами поставок углеводородов на внешний рынок для достижения тех или иных политических целей. Попытки ОПЕК со-

График 2. **Цена на нефть в 1960–2006 гг.**



кратить производство нефти для того, чтобы поднять цены на нее, вряд ли окажутся успешными, поскольку сокращение добычи в условиях падающих цен немедленно приведет к еще большему сокращению экспортных доходов. Усилятся конкуренция между нефте- и газоэкспортирующими государствами, а также разногласия между ними относительно путей и методов повышения цен на нефть. В ряде случаев эти разногласия могут привести к политическим противоречиям. Нельзя исключать даже военных столкновений. В частности, Москва будет значительно больше, чем ранее, заинтересована в том, чтобы минимизировать политическими и, что не исключено, силовыми средствами идущий в обход России экспорт углеводородов из Центральной Азии и Каспийского бассейна. В целом же, *борьба за ресурсы* если и развернется, то между энергоэкспортирующими странами, но не между экспортерами и импортерами нефти и газа.

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА В РОССИИ

Одним из главных последствий падения цен на нефть и газ во второй половине 2008 г. стало нарастание кризисных процессов в России. Кризис российской экономики во многом отличается от кризиса, поразившего развитые страны. Он вызван не избытком дешевых денег, вкладывавшихся, например, в спекуляции с деривативами и недвижимостью, а нехваткой внутренних источников роста, слабостью банковского сектора, зависимостью экономики от иностранных кредитов и мировых цен на энергоресурсы и неспособностью власти модернизировать и диверсифицировать производство.

К лету 2008 г. внешняя корпоративная задолженность российских компаний составляла около половины триллиона долларов, что было равно примерно величине валютных резервов страны. В обозримом будущем перспектива получения внешних кредитов под залог акций российских компаний минимальна, особенно имея в виду крайне негативную реакцию политической и деловой элиты Запада на российскую агрессию в Грузии. Имеющихся валютных резервов, возможно, хватит на обслуживание в 2009 г. внешней задолженности, как государственной, так и корпоративной, и предотвращение дефолта. Но, если экономического чуда не произойдет и среднегодовая мировая цена нефти в 2009 г. не составит 60–70 долл. за баррель, предотвратить резкое сокращение экономического роста, секвестр бюджета, падение жизненного уровня и нарастание социальной напряженности вряд ли удастся. По подсчетам российского отделения *Merrill Lynch*, сокращение цены барреля нефти на 1 долл. США приводит к снижению доходов российского бюджета на 2,2 млрд долл. в год. Излагая эти оценки, российский журнал *The New Times* пишет: «При среднегодовой цене 30 долл. за баррель бюджет недополучит 3,5 трлн руб. (для сравнения: общие доходы федерального бюджета 2008 г.– около 9 трлн руб.). Это значит, что, если негативные прогнозы на следующий год по цене нефти сбудутся, на латание образовавшейся в бюджете дыры уйдет практически весь накопленный к сегодняшнему дню Резервный фонд (около 3,7 трлн руб.)»[4].

Тяжесть нынешнего кризиса в России – во многом результат экономической политики, проводившейся властью в последние годы. Появившаяся в нынешнем десятилетии в результате сверхвысоких цен на энергоносители уникальная возможность сократить зависимость российской экономики от экспорта природных ресурсов, начав ее диверсификацию и модернизацию, была упущена. Основные инвестиции направлялись в сырьевые отрасли, ориентированные на экспорт и приносящие правящим кругам максимальные прибыли. Россия была провозглашена *энергетической сверхдержавой*, что, по сути дела, стало идеологическим обоснованием курса на *примитивизацию* экономики. Вместо демонополизации экономики и стимулирования конкуренции ключевую роль стали играть огромные государственные корпорации, контролирующие целые сегменты российской экономической системы, своего рода пародии на южнокорейские чеболи[5].

Типичными символами нынешней *уродливой* экономической модели являются *Газпром* и *Роснефть*. Пытаясь установить государственный контроль над основными экспортными ресурсами, который иногда называют чуть ли не *важнейшим инструментом управления своим будущим*, правительство отдало этим компаниям ключевые месторождения нефти и газа. Результат оказался вполне ожидаемым. «<…> Основными агентами раз-

вития теперь вроде бы назначены госкомпании – *Газпром*, *Роснефть*. Однако огромные долговые обременения, ограниченный доступ к иностранным кредитам для рефинансирования долга и растущие издержки не позволяют рассматривать эти компании в качестве потенциально эффективных двигателей роста – сегодня они стоят в очереди за государственной поддержкой и секвестируют инвестиционные планы ради приоритетного погашения долгов, – пишет российский эксперт В.С. Милов. – Отдать *Газпрому* и *Роснефти* под контроль ресурсы государство успело, а вот сделать из них подлинно эффективные компании – еще нет (если это вообще возможно с учетом наследия советской культуры управления и негативного влияния монополизма и коррупции)»[6].

Одним из важнейших итогов нынешнего десятилетия стала деградация научно-технического потенциала. Страна оказалась неспособной освоить достижения предыдущей волны научно-технического прогресса, обусловленной развитием информационных и компьютерных технологий. Это, в свою очередь, перекрыло перспективу участия в наступающей научно-технической революции, основанной на разработке и внедрении нано- и биотехнологий. В ноябре 2008 г. министр экономического развития Э.С. Набиуллина была вынуждена заявить, что «модель экономики России, по которой страна развивалась в последние годы, себя исчерпала»[7]. Это не что иное, как признание того, что экономическая политика нынешнего десятилетия обанкротилась. Она оказалась неспособной обеспечить развитие страны и удовлетворение потребностей населения. Более того, экономический кризис приобретает системный характер, распространяясь в политическую сферу.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ

Банкротство экономической модели требует ее радикальной коррекции и, в конечном итоге, замены. Однако необходимые для этого средства либо уже истрачены на обслуживание внешнего долга, поддержание курса рубля и российской банковской системы, либо будут использованы на эти цели в ближайшие год или два. Еще важнее то, что замена экономической модели невозможна без смены правящей группировки. В демократических странах смена изживших себя или изначально ошибочных политического курса и экономической стратегии, равно как и осуществлявших их элитных групп, происходит на основе установленных законом процедур в процессе выборов. В экстремальной ситуации выборы могут пройти ранее обусловленных законом сроков.

Но в авторитарных режимах подобный механизм смены власти, которая – обоснованно или необоснованно – считается ответственной за те или иные провалы, отсутствует. Как правило, правящая группировка стремится всеми силами сохранить господствующие позиции, особенно если должности в государственном аппарате позволяют контролировать те или иные сегменты экономики или отдельные предприятия. Это сокращает или перекрывает полностью возможность коррекции политического и экономического курса *нормальным* путем, увеличивает вероятность глубоких расколов в элитных группах, выхода на сцену раздраженных снижением жизненного уровня масс и, соответственно, политического кризиса, *оранжевой* или иной цветной революции.

Специфика нынешней ситуации в России в том, что по мере падения экспортных доходов сокращается возможность центральных властей обеспечивать лояльность региональных элит, поддерживать потребление на приемлемом для масс уровне и сдерживать напор социальных слоев и элитных групп, которые по тем или иным причинам заинтересованы в изменениях экономической системы. В итоге, экономический кризис неизбежно приобретает политическое измерение. Возрастает вероятность его разрешения силовыми методами. Происходившие в последние недели 2008 г. ревизия Уголовного кодекса (в частности, расширение понятия государственной измены, выведение из-под юрисдикции суда присяжных дел, связанных с так называемыми государственными преступлениями) и отказ от сокращения внутренних войск воспринимались многими как подготовка власти к *силовому варианту*.

Социально-экономическая и политическая ситуация в России осложняется несколькими дополнительными факторами. В стране существуют два центра власти и принятия

решений. Сколько-нибудь заметной разницы в политических доктринах и экономических установках между президентом и премьер-министром не просматривается. Вполне возможно, оба они хотели бы действовать в рамках одной сплоченной команды. Но, если в ближайшие месяцы социально-экономический кризис в России смягчить не удастся, неизбежно возникнет вопрос об ответственности за провальную экономическую стратегию последних лет. Положение дел осложняет так называемый *конфликт команд*, группирующихся около Кремля и Белого дома. Они конкурируют за контроль над финансовыми потоками, наиболее привлекательными секторами экономики, принятием ключевых экономических и политических решений. И чем сложнее экономическая ситуация, тем сильнее соперничество между бюрократическими кланами, сталкивающимися в борьбе за контроль над сокращающимися ресурсами, подлежащими распределению и перераспределению. В этих условиях так называемая *тандемократия* может перерасти в кризис двоевластия, который, в свою очередь, приведет к расколу бюрократического аппарата и, тем самым, к параличу власти в целом.

Кроме того, вторжение в Грузию, непонятно чем вызванное признание *независимости* Южной Осетии и Абхазии, угрозы развертывания новых ракет в Калининградской области, воинственная риторика высокопоставленных политиков и дипломатов серьезно осложнили отношения России и с Западом, и с новыми независимыми государствами бывшего СССР. Конечно, нашлись люди, обрадованные тем, что, продемонстрировав соседям некую *большую дубинку,* Россия доказала (по крайней мере, они так почему-то полагают), что она может соперничать с США и что, вообще, перечить Москве небезопасно. Иными словами, как говаривал небезызвестный римский император Калигула, «oderint dum metuant»[8]. Правда, современники считали Калигулу умалишенным, да и кончил он скверно – его зарезали собственные охранники. В отличие от Калигулы, российский истеблишмент в большинстве своем не может не задавать и себе, и руководству вопрос: чего, собственно, добилась Москва, испортив отношения с Западом? Ответ очевиден: ровным счетом ничего. В частности, даже самые близкие союзники России – Белоруссия, Казахстан и Киргизия, не говоря уже об Армении – отказались признать независимость Абхазии и Южной Осетии, справедливо полагая, что это испортит их международный имидж. А потому проблема ответственности за войну на Кавказе скорее рано, чем поздно станет предметом обсуждения в российской верхушке, что в условиях социально-экономического кризиса еще более осложнит положение в стране.

Наконец, несмотря на кризис, российское руководство объявило о начале масштабной реформы вооруженных сил. Судя по всему, боевые действия против Грузии выявили такие недостатки российской армии, на которые закрывать глаза более было невозможно. Реформа вооруженных сил, как и всей военной организации России, жизненно необходима. Однако к концу декабря 2008 г., через два месяца после того, как было объявлено о военной реформе, у экспертов, общественности и, главное, у офицерского корпуса нет ясности относительно того, какими должны быть российские вооруженные силы после осуществления намеченных преобразований. Зато всем понятно, что готовятся невиданная ранее структурная реорганизация армии и сокращение офицерского корпуса примерно на 200 тыс. должностей. Появление уже в ближайшее время на улицах российских городов десятков тысяч уволенных из армии офицеров, многие из которых потеряют не только работу, но и жилье, вряд ли будет содействовать стабилизации политической обстановки в стране. Это, наряду с агрессией против Грузии, еще одно подтверждение того, что российская власть с трудом представляет себе не только среднесрочные, но и ближайшие последствия принимаемых решений.

НАСЛЕДИЕ БУША, ИЛИ ПОЧЕМУ ТАК НЕ ЛЮБЯТ АМЕРИКУ

Президентские выборы в США подвели черту под восьмилетним периодом пребывания у власти республиканской администрации. Этот период принято считать одним из самых провальных в истории Соединенных Штатов. В глазах мирового общественного мнения Джордж Буш-младший стал символом *лидера-неудачника*, не способного справиться с многотрудными обязанностями руководителя самой могущественной державы

Мариан ***Абишева (Казахстан)****, заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по электронной почте из Алма-Аты:* «Последствия мирового финансового кризиса уже ощутили на себе большинство стран мира. Однако события, происходящие в мировой экономике, не смогли заслонить нерешенные проблемы в политической и военной сферах – северокорейская и иранская проблемы, перманентный ближневосточный конфликт, экстремизм и терроризм. Международным и, в первую очередь, региональным структурам безопасности следует пересмотреть концепты своей деятельности в противодействии данным угрозам. Что касается экологической составляющей, здесь можно отметить состоявшийся в декабре 2008 г. в Польше климатический саммит ООН, на котором была рассмотрена проблема глобального потепления. Возможно, это одно из немногих событий прошедшего периода позитивного контекста, так как в остальном экологическая составляющая Индекса *iSi* способствует только его снижению. Прогнозы на новый период неутешительны».

мира. В свою очередь, его преемник, Барак Обама, воспринимается как *лидер-реформатор*, способный кардинально изменить внутреннюю и внешнюю политику США и тем самым восстановить изрядно подпорченный в глазах международной общественности престиж Америки.

Крупнейшим провалом Джорджа Буша (некоторые именуют это преступлением) считают войну в Ираке. На первый взгляд, иракская операция – действительно ошибка, которая, как любят повторять знатоки исторических афоризмов, хуже, чем преступление. Но нет ничего обманчивее подобного рода поверхностных суждений. *Во-первых*, как опять-таки утверждает расхожая житейская мудрость, не ошибается только тот, кто ничего не делает. *Во-вторых*, сам по себе разгром одного из самых жестоких и омерзительных диктаторских режимов в современном мире вряд ли можно считать ошибкой, даже если этот режим и не сумел создать к началу войны ядерное оружие. Скорее, наоборот, крах Саддама Хусейна послужил хорошим уроком другим тираническим режимам, которые не могли не понять, что государственный суверенитет не всегда сможет обеспечить им защиту от вполне заслуженного возмездия. При этом ссылка на то, что такого рода операции могут выполняться только по решению Совета Безопасности ООН, неубедительна. Не ясно, почему решения, одобренные пятью постоянными членами Совета Безопасности, являются легитимными, а решения, принятые меньшим их числом или даже одним из них, не легитимны.

По сути дела, единственной серьезной ошибкой, а точнее, неудачным экспериментом предыдущей американской администрации была даже не столько оккупация Ирака, а также Афганистана, сколько попытка создания в этих странах некоего подобия демократических режимов. Вместо успешного продвижения к демократии эти страны скатились к хаосу и вялотекущим гражданским войнам, прекратить которые иностранные войска не в состоянии. Это ставит перед участниками международных коалиций в Ираке и Афганистане два принципиально важных вопроса. Первый касается сроков и условий дальнейшего пребывания их войск в этих странах. Второй, еще более важный, относится к тому, каким должно быть эффективное международное вмешательство в конфликтах четвертого поколения или в *рухнувших государствах*, где реальная власть находится в руках преступных банд, повстанческих группировок разного толка и вооруженных отрядов, принадлежащих соперничающим за власть клановым, племенным и религиозным лидерам. В частности, как искоренить пиратские шайки, бесчинствующие в Аденском заливе, и навести порядок в контролируемой ими части территории Сома-

ли? Ответа на эти вопросы пока нет. И, наконец, действия администрации Джорджа Буша в Ираке и Афганистане после разгрома талибов и Саддама Хусейна действительно были неудачными. Но не менее провальной оказалась стратегия, осуществляемая в Афганистане рядом европейских государств, которые пытаются стабилизировать ситуацию, строя мосты, дороги, школы и т.д., демонстрируя местному населению преимущества мирной жизни. Мостами и дорогами местное население пользуется охотно, но возвращаться к мирной жизни пока не собирается.

Однако главной причиной, по которой Джорджа Буша провозгласили тотальным неудачником, является проведение им так называемой *унилатералистской* внешней политики, т.е. нежелание всегда и по всем вопросам советоваться с союзниками и даже со всеми постоянными членами Совета Безопасности ООН и поступать согласно коллективно принятым решениям. Альтернативой *унилатерализму* считается *мультилатерализм*, который, как полагают многие, является панацеей от всех международных бед и зол. На практике *мультилатерализм* выглядит следующим образом. Вашингтон внимательно выслушивает советы и пожелания всех своих союзников и партнеров, в том числе России и Китая, являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, а затем, в случае необходимости, американские войска выполняют поставленные перед ними задачи при минимальной помощи со стороны союзников и партнеров или вообще без нее. Такая схема, безусловно, весьма привлекательна для всех, кроме самих Соединенных Штатов.

При этом сторонники *мультилатерализма* не могут ответить на три вопроса. Прежде всего, есть ли гарантия того, что союзники и партнеры могут коллективно выработать решение, лучшее, чем то, которое может быть принято в Вашингтоне? Могут ли, вообще, союзники и партнеры США коллективно выработать сколько-нибудь вразумительное решение? Опыт Совета Безопасности ООН, *группы восьми*, *шестерки*, ведущей переговоры с Ираном по поводу иранской ядерной программы, *ближневосточного квартета* и иных многосторонних структур свидетельствует об обратном. Каков может и должен быть состав той группы государств, которые будут коллективно принимать стратегически важные международные решения?

И, наконец, Джорджа Буша лично, его администрацию и Америку в целом терпеть не могут многочисленные группы в западных странах, которые видят в Америке центральное звено и ключевой элемент ненавистной им капиталистической системы. В 1945 г. Джордж Оруэлл, автор блестящих, хотя и крайне мрачных антиутопий, описал неких британских «интеллектуальных пацифистов, подлинным, хотя и непризнаваемым, мотивом которых выступает ненависть к западной демократии и преклонение перед тоталитаризмом. ... Как правило, они не порицают насилие как таковое, а только то насилие, которое используется западными странами для своей защиты. Русские, в отличие от британцев, не осуждаются за защиту себя военными средствами, и фактически вся пацифистская пропаганда этого типа избегает упоминания России или Китая. ... Пацифистская литература полна двусмысленных намеков, и если они имеют какой-либо смысл, то лишь тот, что государственные деятели типа Гитлера предпочтительнее деятелей типа Черчилля и что насилие, наверное, можно извинить, если оно достаточно насильственно»[9].

Сегодня, почти через 70 лет после того, как были написаны эти слова, они вполне могут быть отнесены к антиглобалистам, чегеваристам, троцкистам и прочим более или менее радикальным антисистемным группам и течениям левого толка, которые явно или скрытно ненавидят западное общество, не понимая, что альтернативами ему является либо авторитаризм и диктатура, либо племенные войны и хаос *рухнувших государств*. Зловещим символом современности стали многотысячные демонстрации против войны в Ираке, прошедшие в столицах западных государств весной 2003 г. Их участники, граждане демократических государств, в подавляющем большинстве считающие себя сторонниками демократии и являющиеся ими, по сути дела, выступили в защиту режима, печально прославившегося массовыми репрессиями.

ПРЕЗИДЕНТ-РЕФОРМАТОР: НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ

Победа Барака Обамы вызвала беспрецедентный всплеск энтузиазма практически во всем мире, за исключением, возможно, России и Китая. Основные комментарии специалистов и средств массовой информации свелись к тому, что полученный новым президентом кредит доверия поможет ему восстановить роль и престиж Америки на международной арене. Вместе с тем, чрезмерные ожидания могут легко обернуться разочарованием и неприязнью, если эти надежды не оправдаются.

Первые решения Барака Обамы вызывают сдержанный оптимизм. Была сформирована сбалансированная и компетентная команда, отвечающая за внешнюю политику и безопасность. По словам Джессики Мэтьюс, президента Фонда Карнеги за международный мир, Барак Обама собрал двухпартийную, центристскую группу руководителей, склонную больше к прагматическим, чем к идеологически мотивированным решениям[10]. Но делать какие-либо выводы о внешней политике новой американской администрации пока еще рано. Проблемы, стоящие перед Соединенными Штатами, чрезвычайно остры и трудны для решения. Более того, многие из них, в частности, иранская ядерная проблема и стабилизация положения в Афганистане, просто неразрешимы на основе нынешних концептуальных установок. И поэтому Вашингтону придется, с одной стороны, избегать непродуманных импровизаций, способных дестабилизировать международные отношения, а с другой – преодолеть инерцию существующих подходов.

Дайан ***Джаятиллека (Шри-Ланка)****, посол, постоянный представитель Шри-Ланки при отделении ООН и других международных организациях в Женеве – по электронной почте из Женевы:* «Имеется несоответствие между уровнями мировой и региональной безопасности. С поражением республиканцев, победой Барака Обамы и назначениями в новой администрации глобальная ситуация улучшилась. Однако из-за активизации исламистского терроризма в Пакистане, Афганистане и Индии, расширения зоны действий Талибана, операций США в приграничных районах Пакистана и, как следствие, роста антиамериканизма в этой стране повышается напряженность в Южной Азии. Среди позитивных факторов можно отметить консолидацию новой власти в Пакистане, боле реалистичный курс, объявленный Великобританией в отношении Афганистана, переговоры между лидерами Пакистана и американским генералом Дэвидом Петрэусом, сдерживающую роль США в индо-пакистанских отношениях после терактов в Мумбае и положительные ожидания в связи с приходом новой администрации в США».

Решение о выводе американских войск из Ирака к середине 2010 г. вполне обоснованно. Это высвободит немалые военные и финансовые ресурсы, поглощаемые сегодня войной в Ираке, позволит Вашингтону сосредоточиться на проблемах, действительно важных для безопасности США. Что касается Ирака, то события там могут развиваться по трем основным сценариям. Прежде всего, иракские власти, столкнувшись с перспективой вывода иностранных войск, смогут стабилизировать ситуацию в стране собственными силами, разумеется, с некоторой финансовой и технической помощью из-за рубежа. Другой вариант состоит в том, что Ирак распадается на три государства по этнорелигиозному принципу, причем каждое из этих образований будет заинтересовано в экспорте нефти и нормальных отношениях с западными странами. Наконец, относительный порядок в Ираке могут навести соседние арабские государства и Турция. При любом из этих вариантов задача американских и других западных войск будет состоять не столько в том, чтобы поддерживать порядок в Ираке, сколько в том, чтобы предотвратить вмешательство в иракские дела радикальных исламских кругов.

Вопросы, однако, вызывает намерение новой американской администрации интенсифицировать военные усилия в Афганистане. В декабре 2008 г. было объявлено о планах удвоить количество американских военнослужащих в Афганистане, доведя их численность до 60 тыс. человек. Уже в ближайшее время части десятой горно-стрелковой дивизии будут развернуты в двух провинциях рядом с Кабулом. Однако вовлечение вооруженных сил США и НАТО в события в Афганистане предельно ограничивает их стратегические возможности в других регионах. При этом нет каких бы то ни было оснований считать, что наращивание иностранных войск в Афганистане может стабилизировать там военно-политическую ситуацию.

Разумеется, прекращение операций США и НАТО в Афганистане может привести к новой победе талибов. Но это, в первую очередь, создает опасность не для западных государств, а для пограничных с Афганистаном стран Центральной Азии, Ирана, Пакистана и Китая. Соответственно, именно они должны будут активизировать усилия для того, чтобы не допустить проникновения на свои территории экстремистских группировок и других угроз, которые могут исходить из Афганистана после победы талибов. Что же касается США и европейских государств, то оказывать помощь центральноазиатским странам и Пакистану гораздо проще и дешевле, чем вести безнадежные и крайне дорогостоящие операции в самом Афганистане. Наконец, уход из Афганистана высвобождает военные и политические ресурсы для решения действительно важной иранской ядерной проблемы и предотвращения попадания пакистанского ядерного оружия в руки исламских радикалов.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: *DÉJÀ VU*

5 декабря 2009 г., т.е. меньше чем через год после опубликования этого обзора, истечет срок действия российско-американского Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, известного как Договор СНВ-1. Осенью 2008 г. США и Россия пришли к согласию, что продлевать его нецелесообразно. Тем не менее, и в Москве, и в Вашингтоне есть заинтересованность в том, чтобы сохранить в том или ином виде режим контроля над стратегическими вооружениями и, следовательно, подготовить новое соглашение. Помимо всего прочего, в России есть точка зрения, что разработка и подписание нового договора могут стать, как заметил заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков, «первым успешным проектом нового президента США Барака Обамы и его российского коллеги Дмитрия Медведева»[11]. Видимо, в российском МИДе надеются, что новое соглашение о контроле над вооружениями может исправить международный имидж Кремля, испорченный вторжением в Грузию. Похоже, однако, что быстро подготовить новый договор не удастся. Как это уже много раз было во время предыдущих переговоров по разоружению, подходы и интересы сторон трудно совместимы.

В декабре 2008 г. состоялись российско-американские консультации по новому соглашению, которые лишь выявили имеющиеся разногласия. В Москве, в частности, остались неудовлетворенными американскими предложениями. Одним из камней преткновения, как стало ясно, вновь оказалась, как это уже было ранее, проблема так называемого *возвратного потенциала*. Суть в том, что США готовы засчитывать только те боеголовки, которые находятся «в оперативно-развернутом состоянии», т.е. находящиеся на *развернутых*, готовых к запуску носителях. Российские же военные требуют, чтобы новый договор ограничивал как развернутые боеголовки, так и находящиеся на складах. Последние на языке переговорщиков называются *возвратным потенциалом*.

Проблема возвратного потенциала далеко не нова. Она долго и нудно обсуждалась во время подготовки российско-американского соглашения по стратегическим наступательным потенциалам 2002 г. В конечном итоге, Россия тогда отказалась от своего требования ограничивать снятые с носителей боеголовки. Причина была проста: для того чтобы проверить, насколько добросовестно другая сторона выполняет соглашения, необходимо допустить инспекторские группы во все места, где такие боеголовки могут находиться между моментом их снятия с ракеты и демонтажем. Другими словами, ино-

странные инспекторы должны иметь право посещать все склады ядерных боеприпасов и предприятия по производству ядерного оружия, поскольку демонтаж ядерного боеприпаса может производиться только там, где он был собран. Более того, необходимо доказать, что вместо демонтированного боеприпаса не был произведен новый, который в случае необходимости может быть развернут на ракете. Это означает, что для иностранного контроля должен быть открыт весь процесс производства ядерного оружия. Особую пикантность ситуации придавало то, что не только США, но и Россия во время переговоров по соглашению 2002 г. не была готова к тому, чтобы американские специалисты посещали все российские ядерные оружейные предприятия. Поэтому немедленно возникает вопрос: зачем российским дипломатам и военным понадобилось вновь поднимать старую проблему и готовы ли они сегодня допустить американские инспекторские группы на российские ядерные предприятия?

Кроме того, судя по сообщениям российской печати, Москва требует, чтобы все ядерное оружие, как российское, так и американское, находилось бы только на национальных территориях. Другими словами, от США требуется вывезти несколько сот тактических ядерных боеприпасов (авиационных бомб), находящихся в Европе. Это значит, что проблему стратегических ядерных вооружений в очередной раз увязали с вопросом о вооружениях тактических. Но в этом случае неизбежно встанет вопрос о российском тактическом вооружении, который Москва наотрез отказывается обсуждать, тем более что готовится развертывание новых ракет *Искандер* в Калининградской области, а гарантий того, что они не будут оснащены ядерными боеголовками, никто дать не может.

Таким образом, начало консультаций по контролю над стратегическими вооружениями оптимизма не вызывает. Будущее покажет, является ли заявленная российскими военными заведомо неприемлемая для США позиция нормальной переговорной тактикой или же российские военные не готовы к каким-либо ограничениям ядерного оружия. Впрочем, может иметь место и некий третий вариант. Российское военное командование пока не может ответить самому себе (и, разумеется, руководству страны), хочет оно контроля над стратегическими вооружениями или нет. С одной стороны, российский стратегический потенциал деградирует. В этой ситуации Москва, безусловно, заинтересована в соглашении, ограничивающем американские стратегические вооружения с тем, чтобы сократить или ограничить разрыв между российскими и американскими СНВ. При этом трудно ожидать, что Вашингтон окажется насколько наивным, чтобы пойти на такое соглашение без крупных уступок со стороны России. Но, с другой стороны, учитывая неспособность российских сил общего назначения противостоять и НАТО на западе, и Китаю на востоке, российское ядерное оружие является единственным средством, выравнивающим военные возможности России и ее потенциальных противников. В этом случае Москва не может быть заинтересована в каких-либо договоренностях, ограничивающих структурные и количественные параметры ядерных сил.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И *ИСКАНДЕРЫ* В КАЛИНИНГРАДЕ

5 ноября 2008 г., выступая с посланием Федеральному Собранию РФ, президент Д.А. Медведев объявил, что «в гонку вооружений мы, конечно, втянуть себя не дадим»[12]. Видимо, с этой целью, а также для противодействия планам размещения в Польше и Чешской Республике третьего позиционного района американской ПРО президент России сообщил, что:

- отменены планы расформирования трех полков ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске;
- в Калининградской области будет развернут ракетный комплекс *Искандер*;
- с территории Калининградской области будет осуществляться радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО США.

Представить себе, как сохранение на боевом дежурстве 46 устаревших МБР *СС-19* (возможно, они будут заменены на 30 так называемых *сухих*, то есть не заправленных

топливом, МБР *СС-19*, полученных от Украины) может нейтрализовать третий позиционный район (ТПР) американской ПРО или просто сказаться на военно-политической ситуации в Европе, невозможно. Иначе обстоит дело с развертыванием *Искандеров* в Калининградской области.

Комментируя заявление президента, российские военные и близкие к ним журналисты обозначили некоторые детали будущего развертывания *Искандеров*. До 2015 г. комплексом *Искандер* будут вооружены пять ракетных бригад, в первую очередь части, дислоцированные у западных границ, а также в Калининградской области[13]. По сообщению агентства *РИА Новости*, дальность полета штатной баллистической ракеты *Искандер* легко довести до 500 км и более в случае, если Россия решит разорвать Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Кроме того, *Искандер* может запускать и крылатые ракеты большой дальности (пуски крылатых ракет *Р-500* с пусковых установок *Искандер* на испытаниях уже проводились). Потенциально, дальность действия комплекса с крылатыми ракетами может превысить 2000 км, что позволит поражать цели почти на всей территории Западной Европы[14]. Иными словами, развертывание *Искандеров* будет означать нарушение договора об РСМД. На горизонте замаячил призрак нового ракетного кризиса.

Уже после выступления президента Д.А. Медведева с посланием 5 ноября 2008 г. Москва разъяснила, что *Искандеры* будут размещаться в западных районах страны, только если США начнут развертывать ТПР. Это был действительно неглупый ход. Многие (хотя далеко не все) европейские страны, опасаясь нового ракетного кризиса, начнут требовать от США отказаться от развертывания радара в Чехии и десяти ракет-перехватчиков в Польше. Если Вашингтон поддастся на эти требования, под сомнение будут поставлены американские гарантии безопасности Европе. Это болезненно скажется на НАТО, усилятся разногласия между США и европейскими странами, а также между *новой* и *старой* Европой. Россия, таким образом, достигнет своих стратегических целей, а российские военные получат весомый аргумент в пользу того, что военное давление на Европу является эффективным инструментом достижения внешнеполитических целей. Но если США, Польша и Чехия продолжат развертывание противоракетных систем, то Россия в свою очередь развернет *Искандеры* в Калининграде. Начнется новый ракетный кризис, и, одновременно, в Европе будут нарастать разногласия относительно возможного ответа на российские ракеты. Ряд европейских государств обвинят США, Польшу и Чехию в безответственности и подрыве безопасности в Европе. Никакой гарантии того, что НАТО единогласно примет решение об ответных мерах, нет. В результате, Россия получит новые ракеты в Калининграде, а вероятность развертывания американских ракет средней дальности в Европе сравнительно невелика. И хотя такой вариант достаточно рискован, Москва опять сможет считать себя в выигрыше.

Однако по остальным направлениям европейской политики российская дипломатия в результате вторжения в Грузию проиграла. Президент М.Н. Саакашвили остался у власти, а если ему все же придется уйти в результате давления оппозиции, его преемник вряд ли будет испытывать симпатию к России, оккупировавшей значительную часть территории Грузии. НАТО не предоставило Грузии и Украине план членства в Альянсе, но фактически санкционировало осуществление соответствующих мероприятий по линии комиссий НАТО–Украина и НАТО–Грузия. Более того, в декабре 2008 г. были подписаны украинско-американская хартия о стратегическом партнерстве, а также американо-грузинское соглашение о сотрудничестве в сферах безопасности, экономики, культуры и демократизации. Фактически, это шаг к тому, что США возьмут на себя роль гаранта безопасности этих двух государств. Наконец, ОБСЕ подавляющим большинством голосов отвергло российское предложение об обсуждении новой архитектуры европейской безопасности.

СЛЕПЫЕ – ПОВОДЫРИ СЛЕПЫХ

В нескольких предыдущих обзорах я писал о предчувствии перемен. Сегодня, похоже, они начинают осуществляться. Глобальный финансовый кризис и вызываемые им сдвиги в структуре международных отношений; надвигающаяся новая научно-техническая

революция, противостояние России и Запада, возможность крупных деформаций в евразийском стратегическом ландшафте в результате назревающих пертурбаций в России, неэффективность нынешних стратегических установок в отношении локальных и региональных конфликтов и, соответственно, необходимость их пересмотра – это лишь некоторые проявления начавшихся трансформаций. Пессимисты могут увидеть в этих трансформациях необратимую катастрофу. Она действительно может произойти, если мировая интеллектуальная, политическая и деловая элита не выработает новое, адекватное складывающейся обстановке видение проблем и путей их решения. Без этого *слепые* по-прежнему будут *поводырями слепых*, и, как сказано в Евангелии, «если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму».

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВСТУПАЕТ В ЗОНУ ТУМАНА

Что же все-таки является отличительной чертой конца 2008 – начала 2009 гг.? Суммируем, и получится, что это некое гнетущее ощущение. А гнетущее оно оттого, что мы, как и мир в целом, не знаем, куда мы движемся.

То есть существует полная уверенность в том, что и мир, и наша страна куда-то движутся, однако это движение происходит как бы *на ощупь*. Такое случается, когда корабль вдруг попадает в полосу тумана и движется по инерции даже после того, как капитан дал в машинное отделение команду *стоп*. И в такой ситуации всей команде, да и пассажирам надо смотреть *в оба*, чтобы не напороться на какой-нибудь топляк или встречный сухогруз.

Действительно, уже три месяца как продолжается мировой финансовый кризис, а никто не в состоянии ответить, как долго он будет продолжаться, какова будет цена на нефть, какое примерно установится соотношение между долларом и евро и на многие другие вопросы. Никто не в силах ответить на вопрос, есть ли в глобальной экономике возможности экономического роста вне американского рынка и без американского рынка. К примеру, никто не может точно сказать, насколько глубоким будет спад европейской экономики. Между тем, это ключевой вопрос для российской экономики, которая в результате трагического отсутствия стратегического видения у российских *макроэкономистов-либералов* и алчности *олигархов-сырьевиков* оказалась в почти тотальной экспортной зависимости от европейского рынка. И назревающий на европейском рынке обвал, вероятно, будет мощным и иметь последствия куда большие, чем банкротство пары-тройки банков (а события в Греции – всего лишь первая ласточка этого грядущего обвала). Этот обвал заведомо больше, нежели проблемы в финансовом секторе США, ударит по экономической ситуации в России. Одним словом, ситуация сложилась следующая: все уже чувствуют, что дела идут плохо, все догадываются о том, что будет еще хуже, но точно сказать, что и как будет, не может никто.

Аналитики, которые еще вчера прогнозировали цену на нефть в 200 долл. за баррель, теперь с не меньшей уверенностью говорят о 30 долл. за баррель. Экономисты, пророчившие бурный рост интернет-экономики, убедительно доказывают, что такой отрасли уже просто не существует. Специалисты по международным отношениям, говорившие о том, что через пару лет Китай напрямую бросит вызов США, говорят о скором закате Поднебесной. Политики, пророчившие еще пару лет назад начало *европейского века*, признают, качая головой, что последствия кризиса для стран ЕС могут оказаться наиболее тяжелыми. Финансисты, убеждавшие вкладывать в евро, анализируют курс монгольского тугрика. Причем делают это с традиционной и, вероятно, совершенно неистребимой уверенностью в себе.

Мы не знаем, какова будет конфигурация политических сил, которые станут определять систему международных отношений через год.

Дошло до того, что мы даже не знаем, жив ли Ким Чен Ир.

Все это приводит нас к простому и печальному умозаключению: в ближайшие годы мы будем действовать, говоря языком милицейского протокола, *в условиях неочевидности*. Иными словами, мы движемся вперед абсолютно на свой страх и риск. А значит, нынешний обзор мировых событий, следуя логике международной обстановки, будет, скорее, разговором о тех вопросах, которые перед нами стоят, нежели ответом на них. Поэтому мы будем говорить не о процессах, а об ощущениях процессов.

И здесь самое время сделать весьма важный вывод: резкое усиление неопределенности и неочевидности в системе международных отношений, которое мы наблюдаем в последние полгода, является как раз следствием развития реальной многополярности, в том числе и военно-политической, и ресурсной. И это само собой приводит к тому, что действия значимых участников системы международных отношений перестают подчиняться общепризнанным моделям и лекалам. Именно поэтому мы перестаем понимать, что происходит, а в действительности мы просто не знаем моделей и принципов, по которым развивается новый мир.

В такие времена надо четко понимать, что мешает полностью понять происходящее: утренняя дымка над еще не до конца вызревшим явлением, сумерки после заката эпохи и обвала великой империи, туман, ставший результатом нашего незнания, или дым от пожара.

Большая, надо сказать, разница.

РОССИЯ И НАТО: ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

Много было написано и сказано о том, что мир вступает в эпоху конфронтации между Западом и Россией, причем главным инструментом борьбы с Россией станет НАТО, отношения с которым Москва так опрометчиво испортила своими действиями в Южной Осетии.

И вдруг, вопреки всем прогнозам, НАТО само предлагает России восстановить отношения. Как поется в песне В.С. Высоцкого, «не пройдет и полгода...». И рушатся все ужасающие прогнозы политологов как в России, так и на Западе. Можно, конечно, позлорадствовать по этому поводу, однако лучше всего все же попытаться разобраться.

Что касается стратегических аспектов, то важен не сам факт того, что НАТО первое сделало шаг к примирению, а то, как это было сделано. И в связи с этим нельзя пройти мимо нескольких характерных моментов, которые определяют специфику сегодняшних взаимоотношений между Россией и НАТО.

Во-первых, решение большей части НАТО о том, чтобы не осложнять отношения с Россией, было решением стратегическим. Оно было принято в период, когда стал отчетливо проявляться откровенно глубокий кризис уже не только общеевропейских институтов (и в данном случае пациент, скорее, мертв), но и западноевропейских. В этом плане впечатляющей была не только недавняя полемика между французским и чешским президентами Николя Саркози и Вацлавом Клаусом, но и предмет этой полемики: Саркози обвинял *младоевропейца* Клауса в том, что тот *недостаточно европеец*. Кто бы мог представить такое еще пару лет назад?! И никто не мог себе представить того, что еще некогда великая и могучая Германия, требовавшая себе голоса *первой среди равных,* окажется фактически на задворках европейского политического процесса. Все-таки велика роль личности в истории.

Во-вторых, удивительным оказалось то, что наши европейские *друзья* решились пойти на прямое противостояние с нашими американскими *друзьями*. Европейцы впервые лет за десять, если не двадцать, решились сказать американцам, что и они имеют право голоса в НАТО и от них тоже что-то должно зависеть. Дело пока лишь в попытке несколько одернуть уже окончательно обнаглевших американцев, а не в каких-то стратегических сдвигах в умах сегодняшних европейцев. Тем не менее, симптом

Константин ***Эггерт (Россия)****, главный редактор московского бюро Русской службы BBC – по электронной почте из Москвы:* Экономический кризис – проблема номер один, и то, что это, по сути, первый кризис постиндустриальной эпохи в полном смысле этого слова, добавляет неопределенности во все сферы жизни. Поведение экономических акторов становится менее предсказуемым, экономический национализм может легко привести к всплеску национализма политического. Продолжающийся российско-грузинский конфликт и углубляющийся кризис на Украине сегодня вызывают у части российского политического руководства желание вести политику в отношении Киева и Тбилиси максимально жестко. Однако в условиях спада производства и инфляции в самой России такие действия не вызывают понимания западных партнеров Москвы, а оно в этих условиях для России весьма важно. Юбилейный саммит НАТО весной 2009 г. станет одним из первых испытаний для команды Обама–Клинтон, причем в сфере, напрямую затрагивающей интересы Москвы.

значимый и при определенных условиях может перерасти в тенденцию, которая не то чтобы благоприятна для России (не факт, что самостоятельные европейцы будут более удобны для России, нежели сегодняшние, фактически пребывающие под американским протекторатом), но создает новые возможности для геополитической и геоэкономической игры.

В-третьих, постоянно заявляя о готовности *жестко противостоять России*, наши натовские партнеры на деле не очень-то к этому стремятся. То есть они, конечно, готовы сочувственно кивать и поддакивать прибалтийским, украинским и восточноевропейским политикам, когда они задирают *российского медведя*. Также они готовы выступать на разного рода форумах с обвинениями против *имперской России* и даже содержать на своей территории разного рода оппозиционеров. Но, как только дело подходит к стадии практического противоборства с *имперской Россией*, пыл наших натовских партнеров как-то быстро улетучивается. И это понятно: гораздо приятнее считать медведя мертвым, нежели проверять на практике, действительно ли тот умер.

В-четвертых, наверное, не все заметили, что решение не скандалить с Россией принято в момент, когда цены на энергоносители находились на исключительно низком уровне и когда, казалось бы, само время было начать противостояние с *российским империализмом*. Это значит, что дело не в нефти и газе и не только в том, что высокие цены на них определяли значимость России. В периоды регионализации мировой политики, когда *каждый да держит свою вотчину*, а мир поделен на региональные *сферы влияния* и зоны экономических интересов, Россию (пребывающую в кризисе) еще можно *обтечь*, иными словами, исключить из наиболее важных процессов, оставив на периферии мирового пространства, где она, собственно, и находится волею географии. Однако когда в мире назревает глобальный политический или экономический процесс, когда резко возрастает важность межрегиональных коммуникаций и межрегиональных экономических процессов, то обойтись без России не могут даже те, кто, мягко говоря, ее недолюбливают.

В-пятых, многое было сказано в период обсуждения возможности приема в НАТО Украины и Грузии: много аргументов приведено, много копий сломано. Не говорили только об одном: никто не поднял вопрос о соответствии Грузии и Украины так называемым *западным стандартам* демократии. То есть НАТО практически открыто признало, что оно *де-факто* не является альянсом демократий в том смысле, что наличие реальной демократии не является теперь (и вряд ли являлось таковым когда-то) критерием приема в это объединение. В принципе, это было понятно давно, но как-то

лицемерно не замечалось. Теперь об этом уже не стыдятся говорить открыто. И это радует, ибо здоровый цинизм всегда лучше лицемерия.

Существенная часть названных выше факторов не имеет прямого отношения ни к военно-политической проблематике в целом, ни к НАТО в частности. То есть ситуация на европейском *театре военных действий* уже ментально включена нашими европейскими (и, скорее всего, американскими) партнерами в более широкую канву геополитических процессов в мире. И в этом плане наши европейские *друзья* оказались как-то неожиданно мудрее иных российских политологов, которые вещали о закате России как значимой силы.

Порой можно услышать, что отношения России и НАТО после войны в Южной Осетии уже никогда не будут такими, как прежде. Это можно только приветствовать, ибо *как прежде* означало глубокую уверенность наших западных партнеров в том, что мнение России можно и нужно игнорировать, и столь же искреннюю веру московских политиков, что с НАТО можно договориться. Если это *как прежде* ушло в небытие, тогда у отношений России и НАТО есть будущее.

СТАРАНИЕ НЕ ПО РАЗУМУ, ИЛИ ОЧЕРЕДНАЯ РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА

И все-то хорошо в новой российской военной реформе. И слова правильные хоть изредка, но говорятся, и концепция перехода на гибкие формы организации *сил и средств* вооруженных сил вроде бы соответствует современным требованиям, и сокращение избыточных органов управления, пресловутого *арбатского военного округа*, возражений, в общем-то, не вызывает. Но, несмотря на всю эту теоретическую правильность, и в обществе, и в экспертной среде очень уж сильны сомнения: туда ли идем. И причин этому всего две, но такие, которые заставляют всерьез задуматься.

Во-первых, опыт войны (даже не войны, а победы) в Южной Осетии оказался сокрыт от общественности, вероятно, для того, чтобы не портить проблемами общий парадный вид. Но сокрытый опыт ничего не прибавляет к возможностям армии, а скорее отнимает от них. А главное – он вызывает усиление недоверия общества к тем, кто рисует слишком парадную картину. Ведь даже в истории Великой Отечественной войны, написанной в сталинские времена, все начиналась не с разгрома немцев под Сталинградом, а с поражения под Минском и Дубно. После войны в Южной Осетии появилось много всего: и восторженных панегириков, и утверждений о том, что Россия эту войну проиграла (хотя как-то странно: почему тогда именно М.Н. Саакашвили, а не кто-то из российских руководителей, жевал галстук). Вот только сколько-нибудь разумной и взвешенной оценки того, что и как произошло в августе 2008 г. и почему военные действия велись так, а не иначе, пока не появилось.

Во-вторых, реформа делается людьми, которые очевидно не имеют кредита доверия ни в обществе, ни в армии. И сколько бы правильных концепций они ни разработали, они так и останутся чужими. И если в относительно сытый период все это можно было игнорировать, то сейчас, когда призрак кризиса вышел из макроэкономических кабинетов и начал появляться в кухнях многоквартирных домов, на вещи подобного рода смотрят уже совсем по-другому. *По-другому* – это с позиции того, насколько то или иное действие соответствует настроениям в обществе и насколько оно будет раскачивать лодку или укреплять стабильность.

Можно, конечно, посочувствовать военным реформаторам нынешнего розлива: им не повезло со временем. Это нормальное для России явление. Но это не объясняет целого ряда странностей и непонятностей, с которыми ведется *реформа Сердюкова*.

Странность первая: почему за образец при проведении военной реформы взята организация сил и средств, характерная для США, – понятно. Вероятно, справочник по вооруженным силам США был той самой заветной книгой, которую прочитали и которой

просветлились разработчики пресловутой *реформы Сердюкова*. Похвально, однако. Но странно то, что американскую систему организации войск начинают внедрять в России в тот самый момент, когда в самих США все громче голоса тех, кто доказывает (и не без успеха), что американская система организации сухопутных войск оказалась неадекватной и доказала свою неэффективность в ходе военных конфликтов в Афганистане и Ираке. Может быть, помимо справочника, стоило прочитать еще пару-тройку книг?

Странность вторая: отправной точкой любой крупной реформы (а всем понятно, что *реформа Сердюкова* являет собой коренной слом существовавшей с 1935 г. системы организации вооруженных сил страны) должна стать оценка угроз, на которые вооруженным силам придется отвечать. Однако *реформе Сердюкова* не предшествовало ни обсуждение потенциальных угроз, ни появление какого-то вменяемого документа на этот счет. А зря, поскольку целесообразность *реформы Сердюкова* в принципе определяется ответом на один крайне простой вопрос: возможен ли в обозримой перспективе крупный вооруженный конфликт, который затронет Россию. Если нет, тогда при всех издержках *реформа Сердюкова* имеет право на существование. Если такой конфликт возможен, то *реформа* – не просто ошибка и благоглупость, а предвестник грядущей катастрофы. Ибо та армия, которая появится в результате *реформы Сердюкова,* не будет по своему составу способна вести сколько-нибудь длительный и значимый конфликт с применением обычных вооружений. Уже на ранних стадиях такого конфликта, когда закончится (причем довольно быстро, как показывает практика) наличный запас сил и средств (а базы для развертывания мобилизационного резерва не будет, поскольку дивизионное звено, основа сил второго стратегического эшелона, ликвидируется), Россия будет вынуждена применить ядерное оружие. Это – факт. А вот решится ли она на это – уже не факт. А это, в свою очередь, может породить в умах отдельных незрелых политиков по ту или эту сторону Атлантики разные не вполне адекватные идеи.

Странность третья: отправной точкой *реформы Сердюкова* является техника. Именно вопрос о необходимости технического обновления армии поставлен во главу угла, а начальник Генерального штаба Н.Е. Макаров специально акцентировал на нем внимание в своем программном выступлении перед журналистами. Спору нет, российская армия должна быть вооружена новейшим оружием. Опуская вопрос о том, что нынешний российский ВПК вряд ли способен поставить в войска нечто, соответствующее современным требованиям, стоит заметить, что важнейшим компонентом любой реформы такого размаха и амбициозности являются все же люди. А идея резко сократить количество высших военных учебных заведений слабо соответствует задаче создания современного офицерского корпуса, который поведет в бой армады техники, которую российский ВПК, может быть, когда-нибудь выпустит, если не разворует все деньги.

Если подводить итоги (промежуточные, естественно, ибо финальные подводит история, которая, как показывает практика, дама строгая и беспощадная), главная проблема *реформы Сердюкова* заключается в том, что по сути это попытка очередного *простого решения*, которая предпринимается в тот момент, когда все общество наконец-то догадалось, что простых решений у сложных проблем просто не бывает.

Отсюда и шепот, переросший в ропот. Кто знает, что будет дальше. Ведь военные – это далеко не перегонщики праворульных иномарок. Тут ОМОНом не обойдешься.

США НАКАНУНЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Говорят, что Барак Обама подарил надежду. Это абсолютный факт, который даже не нуждается в каком-то особом доказательстве. Другой вопрос, что подарил он эту надежду не столько американцам, сколько окружающему США миру. И показательно, что его разрыв с Джоном Маккейном, который откровенно *сливал* предвыборную кампанию, оказался куда меньше, нежели предполагалось, так что победа Барака Обамы лишь объявлена триумфальной. Надежды оказались разные.

Надежды российского патриотического сообщества оказались целиком и без остатка выражены в четырехстишии безвестного российского блогера:

Здравствуйте,

Пишу вам с БАМа.

Холодно.

Барак Обама.

Но не о российских патриотах речь. Их чувства к США глубоки и взаимны, а главное, что они не зависят от политической конъюнктуры. Поговорим об остальных.

Что до прочих, то в их отношении к победе Обамы было нечто общее: надежда на другую Америку и на то, что Америка, которая в последние годы стала ночным кошмаром для всех мировых либералов, куда-то исчезнет; что Америка вновь станет тем государством, откуда будет исходить сияние свободы, подкрепленное потоком денежных знаков. Ибо западный мир, а еще шире – либеральная идеологическая конгломерация – не может существовать без Америки в качестве лидера, без Америки как идеологического и поведенческого императива.

Абдулазиз ***Сагер (Саудовская Аравия),*** *председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая:* «Не произошло позитивных изменений в отношении Ирана, Ирака или Афганистана. Потенциальные конфликты назревают без особого противодействия, что может негативно сказаться на международной безопасности в ближайшем будущем. Финансовый кризис еще более способствует снижению региональной безопасности и усилению экономических проблем. Особенно это видно в отношении Ирана, где уже наступили трудные времена. С падением цен на нефть ситуация только ухудшится. Избрание президентом США Барака Обамы вселяет надежду на изменение политики в регионе. Подписание соглашения о статусе американских войск в Ираке с определением порядка их вывода позволяет наметить путь к нормализации обстановки. В то же время можно делать только осторожные прогнозы, так как пока эти события не привели к реальным изменениям».

И здесь встает вопрос, который является весьма непраздным и с политической, и с военно-политической точки зрения. Барак Обама – президент ожиданий. Однако он президент разных ожиданий. Разные группы ожидают от Барака Обамы выполнения своих желаний, причем разных. А главное – очевидна разница между тем, чего ждут от Барака Обамы внутри США и вне их. Внутри страны основа ожиданий – это явно возрождение былого могущества времен президентства Билла Клинтона, когда «США никогда не было так одиноко на вершине могущества» (любимая формула американских политологов той поры). И назначение Хиллари Клинтон именно государственным секретарем (после фантасмагоричного провала она уже была согласна на любую должность) – это не просто назначение, а символ того, какой должна быть американская внешняя политика. Окружающий мир откровенно ждет от США большей геополитической вменяемости, под которой вообще-то подразумевается меньший уровень вмешательства в дела других. И как вновь избранный президент собирается совместить эти два категорических императива и чем он собирается пожертвовать – очень большой вопрос.

К слову, тем, кто как манны небесной ожидает возрождения российско-американского партнерства, также неплохо было бы догадаться, что партнерство понимается приходящей американской администрацией в терминах именно клинто-

новской администрации. То есть в терминах почти прямого подчинения действий России интересам США.

Но, если присмотреться, ситуация в современных США до смешного похожа на ситуацию в Советском Союзе 1985 г.: нарастающие экономические проблемы на фоне борьбы двух группировок за оставшийся бесхозным трон. Одна группировка выдвигает сторонника жесткой линии (в советском случае это был, если кто-то его еще помнит, Г.В. Романов), другая во главе с А.А. Громыко продвигает М.С. Горбачева, который еще не был сторонником демократии, поскольку двигался по партийной линии по протекции М.А. Суслова, но считался современным и харизматичным. А на фоне этой борьбы ситуация в стране все тревожнее. И экономика дает сбои, которые уже нельзя объяснить последствиями войны (борьбы с террористами); и войска из Афганистана (или Ирака) уже все хотели выводить. И сбросить балласт неэффективно управляемых государственных (или частных) предприятий тоже было надо. И с коррупцией партократов бороться было необходимо, разоблачая *хлопковую мафию* (или энергетическую мафию Ричарда Чейни). И после нескольких лет закручивания гаек (все-таки система тотальной слежки и прослушивания телефонных разговоров вызвала большое напряжение в американском обществе) надо бы ослабить борьбу с инакомыслящими. Да и СМИ пора дать хоть какую-то свободу, а то после антироссийской кампании по поводу Южной Осетии сомнения закрались даже в умы правоверных сторонников, да и перед союзниками теперь неудобно.

Но не это важно. Важно то, что первой новацией, которую выдвинул Горбачев, была отнюдь не перестройка, а ускорение. Только после провала последнего появилось печально известное явление. Что у Барака Обамы будет *ускорением,* понятно уже сейчас: это будет попытка запустить механизм внутреннего спроса и возродить остатки американской промышленности, которые оказались погребены под мыльным пузырем финансового сектора (и под обломками совершенно по-социалистически неэффективной системы социального обеспечения). Кстати, нет ничего лучше для решения данной кажущейся неподъемной задачи, нежели гонка вооружений и пара-тройка маленьких, но победоносных войн. Тем более, что, вопреки всем предвыборным обещаниям, маловероятно, что *надежда прогрессивного человечества* сможет так уж быстро и без вселенского позора завершить войну в Ираке и обеспечить минимально пристойную картину в Афганистане. Бараку Обаме придется еще долго делать хорошую мину при плохой игре и объяснять, почему *мальчики* еще в Ираке. Кстати, выводу советских войск из Афганистана предшествовал беспрецедентный всплеск активности *ограниченного контингента* и чуть ли не все крупнейшие операции против моджахедов были проведены именно в период перед приходом к власти М.С. Горбачева. Россию еще ждет всплеск американского военного активизма, причем совершенно необязательно в Ираке или Афганистане. В мире еще осталась пара мест, куда не ступал сапог американского военного.

А теперь главный вопрос: что у Барака Обамы будет *перестройкой*? И даст ли ему американский истеблишмент эту перестройку начать? И глядя в кристально честные глаза избранного вице-президента США Джозефа Байдена, плоти от плоти американского истеблишмента, лоббиста, на котором клейма негде ставить, человека, повязанного длительными отношениями с крупнейшими американскими олигархическими группировками, можно понять, что тяжела будет судьба *звездного выскочки*, перевернувшего Вашингтон.

Если же продолжать политические аналогии, то уместно будет напомнить, что из глубокого политического кризиса, в который ввергло Америку 1960-х гг. мутное убийство президента Джона Кеннеди, американская элита выходила через развязывание неограниченной войны во Вьетнаме. Стоило это Америке десятки тысяч жизней американских солдат (не говоря уже о жителях Вьетнама, но кто же их считал), да и позор Уотергейта был явно не случаен, но, тем не менее, система американской власти устояла и смогла победить в холодной войне.

Отсюда вопрос: что для современной Америки станет Вьетнамом? Кто у нее теперь Джон Кеннеди, и так понятно.

СОМАЛИЙСКИЕ ПИРАТЫ КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Трудно предположить, до какой степени дошла атомизация системы международных отношений в современную эпоху, что практически единственным вопросом в системе международных отношений, по которому существует хотя бы внешний консенсус между ключевыми игроками, является вопрос о борьбе с сомалийскими пиратами. Интересно, что сомалийские пираты существуют уже лет шестьдесят, из которых последние двадцать (после того, как Сомали как государство окончательно распалось) откровенно беспредельничают. И никто не жаловался. Коммерсанты платили выкупы, моряки оборонялись, как могли, от нападений, но на политический статус вопрос не претендовал.

Теперь вопрос о пиратстве у берегов Сомали рассматривается на заседании Совета Безопасности ООН, будто никаких других дел и срочных вопросов у этого органа нет. А ведь они есть. К примеру, на 2010 г. запланирована конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, но пока по этому поводу не осуществлены даже необходимые шаги, не говоря уже о какой-то реальной интеллектуальной работе. Конечно, можно было бы отнести все случившееся на счет общей деградации ООН под предводительством американского ставленника Пан Ги Муна. Однако разве дело только в ООН и ее Совете Безопасности?

Лидеры ключевых государств мира считают своим долгом высказаться и призвать всех к беспощадной борьбе с чудовищным злом сомалийского пиратства. Фактически речь идет о том, что сомалийские пираты вот-вот заместят Усаму бен-Ладена в качестве очередного *вселенского зла*. Армады военных кораблей бороздят море вблизи побережья Сомали. Что не мешает пиратам с завидной регулярностью захватывать один за другим корабли с лакомой добычей.

И, что интересно, помимо сомалийских пиратов, существует куда более организованная и жестокая корпорация пиратов южно-китайских морей, жертвами которых становятся сотни судов в год, не говоря уже о многомиллиардной торговле наркотиками. Однако никакой реакции мирового сообщества на эту напасть не слышно, а робкие попытки отдельных государств поставить данный вопрос на площадках международных институтов столкнулись с непроницаемой стеной молчания. Не говоря уже о том, чтобы послать в Малаккский пролив пару-тройку канонерок для *разборок* с распоясавшимися пиратами.

То есть сомалийские пираты есть нечто особенное, не такое, как остальные преступные группировки этого профиля, существующие в мире на сегодняшний день. И действительно, приглядевшись к действиям сомалийских пиратов, начинаешь несколько удивляться: они не захватывают *случайные* суда. То яхта с богатенькими французами, то украинский сухогруз с танками непонятно для кого и непонятно от кого, то саудовский танкер с нефтью весьма

Евгений ***Сатановский (Россия)****, президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы:* «Негативные факторы безопасности последних месяцев – активизация сомалийских пиратов и приближение иранской ядерной программы к уровню, достаточному для изготовления первой бомбы. События позитивного характера – закрепление итогов *пятидневной войны* в Закавказье и назначение на конец зимы 2009 г. парламентских выборов в Израиле. Зимой 2009 г. вероятно обострение обстановки в прибрежных водах Восточной Африки и Южной Аравии, а также на территории Сомали в связи с проведением контрпиратской операции, в ирано-израильском противостоянии в связи с возможностью нанесения удара по иранским ядерным объектам, в Ливане в связи с возможностью новой войны Израиля с *Хизбаллой*, в Афганистане, где продолжится наступление талибов, в Пакистане, где вероятна активизация сепаратистских движений и террористических групп».

мутного происхождения, имеющей якобы отношение к фонду, занимающемуся финансированием исламистских организаций. То есть сомалийские пираты захватывают те суда, которые перевозят реально ценные грузы и, что самое главное, хозяева которых будут склонны договариваться. Удивительная осведомленность о характере судоходства в данном районе и знание современного состояния международных отношений.

А главное – создается впечатление, что борьба с сомалийскими пиратами – это процесс, в котором результат – не прекращение пиратства, а демонстрация того, что среди ведущих стран мира есть хоть какой-то значимый политический консенсус. С военной точки зрения, если бы США и их союзники (вроде Франции и Великобритании) хотели бы прекращения пиратского беспредела, они бы смогли решить проблему если не за месяц, то за три-четыре месяца. Кстати, при этом удалось бы восстановить подорванный последними военными неудачами образ *мирового жандарма*. Конечно, потом еще пару лет на Африканском Роге слагались бы легенды о кровавых американских морпехах, но это неудобство с лихвой компенсировалось бы достигнутым результатом.

Иными словами, если бы сомалийских пиратов не было, то их пришлось бы выдумать. Или, может быть, их действительно выдумали?

ТУМАН НАД ПХЕНЬЯНОМ

Надо сказать, что северокорейское руководство нередко мастерски использовало свою способность создавать атмосферу стратегической неопределенности. Иногда кажется, что мировое сообщество платит Пхеньяну зря. Это зависит от того, как посмотреть. С одной стороны, конечно, реальные дивиденды даже в форме обещаний оказываются малы по сравнению с теми ресурсами, которые КНДР регулярно выпрашивала. Но, с другой стороны, оказалось, что от этой маленькой и довольно бедной страны очень многое зависит, причем во всем мире. К примеру, от действий КНДР (да и от внутренней ситуации в этом государстве) зависит стабильность в Северо-Восточной Азии, а значит, и перспективы экономического роста в этом исключительно важном и динамично развивающемся регионе мира. От настроений в Пхеньяне зависят отношения Китая и стран Запада. Уникальная ситуация: Пхеньян может оказывать влияние на Пекин, а Пекин на Пхеньян – с большим трудом и не всегда. Ситуация в КНДР (а не российско-китайские отношения, как некоторые думают) определяет ситуацию и на российском Дальнем Востоке. Действия Пхеньяна определяют и темпы важнейшего регионального военно-политического процесса – ремилитаризации Японии. Действия Пхеньяна определяют и политику США в сфере ПРО, поскольку одно дело изображать противодействие мифическим иранским ракетам, а другое дело – настоящим северокорейским.

Остается признать, что Ким Чен Ир действительно является великим вождем, поскольку только великий лидер удостаивается постоянного обсуждения состояния его здоровья во всех мировых СМИ. А главное, что здоровье северокорейского лидера действительно оказывает огромное влияние на региональную и мировую стабильность. И первые подозрения, что северокорейский лидер занемог, повергли региональных, да и мировых политиков и политологов в состояние прострации. Ибо, наряду с прочими проблемами, заниматься еще и вопросами северокорейской политики никто не планировал. А зря, поскольку мировое сообщество в целом привыкло иметь дело с *династией Кимов*, по сути своей, классическим монархическим режимом образца XX в., который вообще-то никак в последние лет пятьдесят свои идеологические предпочтения не проявлял. Но, если к власти в КНДР придет представитель военной аристократии или, напротив, *крепкий хозяйственник* северокорейского розлива, модель взаимодействия может очень сильно измениться.

Тем не менее, нельзя не заметить, что беспокойство по поводу ситуации в КНДР носит какой-то общетеоретический характер. С одной стороны, *цивилизованный мир (*да и соседний Китай, расхождения которого с северокорейским режимом по части идеологии несколько преувеличены) постоянно обсуждают, что же происходит в Пхеньяне и не случится ли чего дурного в самом ближайшем будущем. А с другой стороны, за последние 10 лет мало что было сделано для того, чтобы хотя бы минимально интегрировать КНДР в систе-

му региональных экономических отношений. Более того, робкие попытки России поднять данный вопрос (например, восстановив сквозное железнодорожное движение и построив сквозной газопровод) натолкнулись на стену молчания. Отсюда вывод: изоляция КНДР (экономическая и, как следствие, политическая) в принципе устраивает всех. То есть КНДР нужна именно в том качестве *великого и ужасного* коммунистического режима, который нам рисуют западные СМИ и политологи, не слишком-то хорошо себе представляя, что происходит внутри *северокорейской диктатуры*.

Уже давно никто не обсуждает перспективы скорого поглощения КНДР Южной Кореей. Симптоматично.

ДЫМ НАД ИНДИЕЙ, А ГДЕ ЖЕ ОГОНЬ?

При разговоре о сегодняшней ситуации в Индии есть две крайности: скатиться в глухую конспирологию или же воспринять все произошедшее как стечение обстоятельств и результат активности отдельной исламистской группировки. Ни тот, ни другой вариант оценки ситуации не может являться правильным. Однако в любом случае вывод из случившегося прост и, в то же время, неоднозначен: если это был *дым*, то где же *огонь*? И каковы его масштабы?

В очередной раз зададим себе вопрос, что странного в произошедших в Индии террористических актах? Быть может, то, что индийская полиция и спецслужбы оказались к ним не готовы? Тут как раз ничего странного нет. Полиция и спецслужбы всегда оказываются не готовы к терактам, которые не удалось предотвратить. Если бы они были готовы, то террористических актов не произошло бы. Быть может, то, что целью террористических актов были иностранцы, прежде всего, граждане США, Великобритании и Израиля? Тоже нет. Они всегда являются основными мишенями исламских террористов. Может, то, что никто не взял на себя ответственность? Это также обычная практика, если за терактом стоит какая-то реальная сила, которая добивается практической задачи, а не действует из саморекламных соображений.

Есть еще несколько моментов, на которые стоит обратить внимание.

Во-первых, масштаб акций. Даже в Индии в одном из наиболее густонаселенных и хаотичных мегаполисов провести такой масштабный и скоординированный теракт крайне сложно. Это не индивидуальная акция смертника. В подобном теракте должны были быть задействованы десятки (если не сотни) участников. Маловероятно, что они приплыли в Индию на лодке, как нам сообщают. Даже с учетом того, что Индия является крупнейшей демократией мира, сложно представить, чтобы в этой массе людей не нашлось ни одного осведомителя.

Во-вторых, время террористических актов. Они произошли прямо накануне визита в Индию президента России Д.А. Медведева, когда, казалось бы, меры предосторожности должны быть повышены. И для пакистанской стороны временной период оказался крайне некомфортным: именно в этот момент новое пакистанское правительство пытается (хотя и безуспешно) доказать и себе, и всему миру свою состоятельность. И уж кому совершенно не нужен был террористический акт в Индии и весьма предсказуемое последующее обострение отношений, так это Исламабаду.

В-третьих, террористические акты, своего рода *индийское 11 сентября*, происходят в момент, когда индийско-американское сближение, происходившее в последние годы со скоростью курьерского поезда, начинает давать сбои. Классическим проявлением таких сбоев стала непростая судьба, казалось бы, полностью выигрышного для обеих сторон соглашения по сотрудничеству в сфере мирного использования атомной энергии. Для движения как воздух нужен был новый импульс, причем такой, который бы показал, что иного стратегического выбора, нежели ускоренное сближение с США, у Индии нет.

Случайны ли все эти вопросы? И случайны ли все те совпадения, которые эти вопросы вызывают? Маловероятно. Все эти вопросы указывают на то, что в мире существуют

очень серьезные силы, которые избрали Индию полем для очередной *большой игры* и которые были готовы пожертвовать не только сотнями коренных жителей этой страны, но и десятками жизней иностранцев.

Мораль: правду про террористические акты в Мумбае мы не узнаем никогда, но выводы сделать обязаны уже сейчас. И главный вывод прост и пугающ – наступает эпоха по-настоящему большой геополитики, в которой человеческая жизнь, причем любая, даже представителя *цивилизованного сообщества*, не стоит практически ничего. А жаль.

КОНЕЦ НЕФТЕГАЗОВОГО ГЛАМУРА

Эпоха сменяет эпоху. Вот и отошла в прошлое блестящая эпоха нефтегазового гламура. Можно злорадствовать по этому поводу, можно горевать, но оспаривать это не будет никто. Конечно, можно с радостью отметить, что никакие заявления и указы не сделают больше для ссаживания России с нефтяной иглы, нежели цены на нефть в районе 35 долл. за баррель. Однако куда более пугающим, нежели это, является вопрос о том, что нас ждет дальше.

И дело тут не только в масштабах экономического спада в России: несмотря на трагедийную стилистику многих сообщений, в действительности ничего катастрофического в нашей стране не происходит, а с учетом известных диспропорций в нашей экономике и количества неэффективных бизнесов становится понятно, что мы дешево отделались и еще скажем нынешнему кризису большое спасибо. Скажем спасибо еще и за то, что он вновь заставил считать деньги, сократил воровство и заставил задуматься над тем, что в принципе можно неплохо жить и развиваться и без высоких цен на нефть. Собственно, как это и делала Россия в 2003, 2004 и даже в первой половине 2005 г., когда цены на нефть были близки к нынешним показателям, но, тем не менее, темпы экономического роста в России были весьма высоки.

Дело тут в том, что наша политическая элита оказалась, за редчайшим исключением, подвидом *офисного планктона*: она также не знает, куда идти, боится перемен, не умеет и не хочет брать на себя ответственность и предпочитает жить в условиях, когда завтрак сменяется обедом, а обед ужином. Трагедия в том, что конец нефтегазового гламура продемонстрировал полную геополитическую несостоятельность, незрелость и неконкурентоспособность российского политического класса. Гламурная элита боится жизни по средствам.

В принципе, конец гламура всегда болезнен, поскольку возвращает и власть предержащих, и обывателей к простой, но очень неприятной истине: делу время, а потехе час. Вдруг выясняется, что, помимо Куршавеля и Маврикия, на карте мира есть Магнитка, Нижний Тагил, Нечерноземье и постепенно прорисовывающийся из нефтегазового тумана *архипелаг ГУЛАГ*. Мы уже понимаем, контуры чего мы видим, но не хотим этому верить, считая происходящее лишь временным завихрением на пути к нескончаемым удовольствиям общества потребления.

Как это ни странно звучит, эпоха гламура всегда является эпохой деградации: воспетый перестроечными эстрадными экономистами НЭП – прадед нынешней эпохи гламура – был периодом чудовищной технологической деградации и социальной деструкции. За гламур НЭПа, приведшей к полному развалу промышленности и науки России, пришлось платить в 1937 г. Брежневский застой – отец сегодняшнего гламура – закончился сперва прекращением в стране какой-либо инновационной активности, а затем – распадом страны и неимоверными катаклизмами для тех, кто не успел вовремя подсесть на иглу зарубежных грантов. Чем же мы заплатим за недолгую, хотя и не слишком уж короткую эпоху нефтяного гламура? Очевидно, что не только безработицей и болезненной структурной перестройкой промышленности. Они уже давно были неизбежными, и цена на нефть тут ни при чем. Уж не готовностью ли к новому переделу мира? Быть может, трагическим непониманием того, что не экономика (и тем более не сырьевая экономика) формирует политическую, да и географическую карту мира?

И дело тут не только и не столько в том, была ли Россия слишком открыта в плане интеграции в мировую финансовую систему, или недостаточно открыта, хотя очевидно, что попытка превратить российский фондовый рынок в safe heaven для иностранных инвестиций привела лишь к тому, что он стал проходным двором, через который из страны выносилось все, что плохо лежало, а плохо лежало слишком многое. Вопрос в том, что наступила эпоха – о чем пришлось писать еще в самом первом номере журнала *Индекс Безопасности*[15], – в которой экономика будет решать гораздо меньше, нежели раньше.

Ведь, в конечном счете, обилие нефтегазовых денег не привело к какому-то прорывному усилению влияния России в мире. Все те действия, которые обозначили новый статус нашей страны в мире, как сейчас принято говорить, *подняли Россию с колен*, были во многом совершены вопреки логике нефтегазового гламура. Не секрет, что многие из тех, кто ассоциируется с нефтяным лобби и кто реально был частью высшего общества эпохи нефтегазового гламура, в период начала войны с Грузией сделали все, чтобы российские войска не пришли на помощь уничтожаемому Цхинвалу. И это было не просто предательство отдельных олигархов. Это была системная позиция всего олигархического сообщества, которое, если называть вещи своими именами, давно стало лишним, ненужным элементом российской политической системы, который пора удалить подобно тому, как хирург удаляет воспалившийся аппендикс.

Конечно, можно надеяться на то, что нынешняя эпоха не будет эпохой *железа и крови*. Можно доказывать, что прошедшие сто лет оказали хотя бы минимальное влияние на менталитет публичных политиков и закулисных игроков. Но неужели мы сами в этом верим?

Кстати, *реформа Сердюкова* в российской армии в том виде, как она осуществляется, есть тоже порождение эпохи гламура, когда не надо задумываться о последствиях своих действий, когда можно не думать о будущем и когда ответственность за ошибку является бесконечно исчезающей величиной. В таких условиях, конечно, можно экспериментировать без оглядки, не прислушиваясь к шуму колес машин, поздней ночью въезжающих во двор какого-нибудь московского элитного дома.

Осенью 1940 г. появилось странное для того времени и пророческое по сути стихотворение замечательного поэта Н.С. Тихонова о бомбардировках нацистами тогда еще не союзного нам Лондона. Заканчивалось оно словами:

Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча,
В его кармане – холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим.
Мы свой урок еще на картах учим,
Но снится нам экзамен по ночам...

Это не к вопросу о том, доверял И.В. Сталин Адольфу Гитлеру или нет. Это к вопросу о том, не пора ли нам начинать готовиться к экзамену? Может, для начала выясним, где и как его сдают?

Дмитрий Евстафьев

Примечания

[1] Деривативъ – ценная бумага, стоимость которой является производной от стоимости и характеристик другой ценной бумаги, называемой базовым активом.

[2] Глазьев С.Ю. Создать собственную финансовую систему. Переориентироваться на внутренние источники экономического роста. Материалы дискуссии на заседании «Меркурий-клуба» 20 октября 2008 года, ТПП-Информ, 2008, С.10.

[3] Там же. С. 11.

[4] Докучаев Дмитрий, Федотова Ирина. Боже, как низко я пала. *The New Times*. 2008, № 50, http://newtimes.ru/magazine/2008/issue096/doc-60252.html (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[5] Чеболь – южнокорейская форма бизнес-конгломератов, представляющая собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем.

[6] Милов В.С. Нефтегазовое падение России, 2008, 11 ноября, http://www.gazeta.ru/column/milov/2870713.shtml (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[7] Эльвира Набиуллина сочла текущую экономическую модель России исчерпанной. *Lenta.Ru*, 2008, 19 ноября, http://www.lenta.ru/news/2008/11/19/model/ (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[8] Пусть ненавидят, лишь бы боялись (лат.).

[9] Orwell George. Notes on nationalism. Collected Essays, http://etext.library.adelaide.edu.au/o/orwell/george/o79e (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[10] Mathews Jessica T. Security challenges for the next administration. 2008, December 2, http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm? fa=view&id=22484&prog=zgp&proj=zusr (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[11] Россия берет Барака Обаму на разоружение. *Коммерсантъ*, 2008, 15 декабря.

[12] Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2008, 5 ноября, http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (последнее посещение – 25 декабря 2008 г.).

[13] Пять бригад на западном направлении вооружат *Искандерами* – источник, *РИА Новости*, 2008, 7 ноября, http://www.rian.ru/defense_safety/20081107/154604752.html (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[14] *Искандер*: хроника нового противостояния. *РИА-Новости*, 2008, 6 ноября, http://www.rian.ru/analytics/20081106/154533253.html (последнее посещение – 23 декабря 2008 г.).

[15] Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Апокалипсис – NO! *Индекс Безопасности*, № 1 (81), Весна 2007, с.156–168.

Агентство США по уменьшению угрозы Активная зона Атомная подводная лодка Атомная электростанция Атомная энергия Атомы для мира Атомэнергопром Баллистическая ракета Безъядерный статус Монголии Боевая часть Боевой блок Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов Бустирование Бушерская АЭС Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб Всеобъемлющие гарантии Высокообогащенный уран Головная часть Государственная корпорация «Росатом» Государство, не обладающее ядерным оружием Государство, обладающее ядерным оружием Группа ядерных поставщиков Грязная бомба Дейтерий Делящиеся материалы Де-факто ядерные государства Димона Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой

Энциклопедия «Ядерное Нераспространение»

ПИР-Центр и издательство «РОССПЭН» готовят к публикации первую в России краткую энциклопедию *«Ядерное Нераспространение».*

В состав энциклопедии входят более 250 статей по ключевым вопросам истории и современности ядерного оружия и режима нераспространения:

- основные типы стратегических вооружений;
- ядерные программы и объекты более 30 стран;
- международные переговоры и соглашения по ограничению вооружений и разоружению;
- становление и функционирование национальных и международных институтов ядерной безопасности и нераспространения;
- центральные понятия ядерной физики.

Каждое понятие имеет перевод на английский язык, все статьи сопровождаются литературной справкой по теме.

Авторами издания являются известные отечественные военные и дипломаты, ученые-международники и физики-ядерщики: доцент МГИМО (У) МИД РФ И.А. **Ахтамзян**, генерал-лейтенант (в отст.) Г.М. **Евстафьев**, генерал-полковник (в отст.) В.И. **Есин**, генерал-лейтенант (в отст.) В.Ф. **Лата**, заместитель генерального директора МАГАТЭ (1996–2003) профессор В.М. **Мурогов**, заместитель министра иностранных дел СССР (1989–1992) А.А. **Обухов**, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев** и др. Подготовка издания к печати осуществляется под общей редакцией исполнительного директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова**.

Энциклопедия предназначена для студентов и преподавателей, дипломатов, юристов, журналистов, инженеров – всех, у кого под рукой должна быть точная и полная информация о ядерном нераспространении.

Издание осуществляется при поддержке ОАО *Техснабэкспорт* и Фонда Форда.

Дополнительную информацию об Энциклопедии можно получить у А. Зульхарнеева по электронной почте *zulkharneev@pircenter.org* или по телефону +7(495) 987-19-15. Организации и частные лица могут направить предварительные заявки на приобретение Энциклопедии в издательство «РОССПЭН» по телефону/факсу +7(495) 334–82–42 или по электронной почте *market@rosspen.su*

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения Договор о морском дне Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии Договор о нераспространении ядерного оружия Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела Договор о космическом пространстве Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Африке Договор о сокращении наступательных потенциалов Договор об Антарктике Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии Дополнительный протокол к соглашению о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ Европейский центр ядерных исследований Европейское сообщество по атомной энергии Единица разделительной работы

Елена Гелескул

ИСТОРИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЛИВИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ

В декабре 2003 г. произошло примечательное событие: Ливия из *страны-изгоя* превратилась в лояльного партнера, сторонника и, более того, одного из *любимцев* стран Запада. 19 декабря 2003 г. Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия объявила об отказе от реализации программ создания оружия массового уничтожения (ОМУ) и согласилась с проведением инспекций своих ядерных объектов, а также на ограничение своего ракетного потенциала в соответствии с Режимом контроля за ракетными технологиями (РКРТ), уведомив об этом Совет Безопасности ООН[1].

Уже 20 декабря 2003 г. генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Эльбарадей встретился в Вене с ливийской делегацией. Во время встречи обсуждались вопросы инспектирования ливийских ядерных объектов[2]. А с 27 по 29 декабря 2003 г. Мохаммед Эльбарадей находился в Ливии, где он встретился с ливийским лидером Муаммаром Каддафи, а также посетил некоторые ядерные объекты Ливии, в частности Научный исследовательский центр в Таджуре. В январе 2004 г. начались проверки ядерных объектов Ливии при участии американских и английских специалистов.

Для чего Ливия создавала ОМУ? Удалось ли достичь существенных результатов? Почему Ливия отказалась от своих планов?

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ – БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ СТАТУС?

После произошедшего в Ливии в 1969 г. военного переворота и установления власти Муаммара Каддафи на протяжении последующих 30 лет Ливия активно стремилась заполучить ЯО[3] или, по крайней мере, создать атомную промышленность.

После получения независимости в 1951 г. у Ливии не было ни территориальных споров с соседними государствами, ни других острых разногласий, которые могли бы стать мотивом для создания ЯО с целью обеспечения безопасности страны. С другой стороны, Ливия расположена в Северной Африке, на побережье Средиземного моря, и входит в регион Ближнего Востока, который никогда не отличался стабильностью. Необходимость обеспечения безопасности – жизненно важная проблема для всех стран этого региона. Начавшееся к тому времени арабо-израильское противостояние накладывало определенный отпечаток на характер международных отношений на Ближнем Востоке. Наглядным примером таких отношений можно считать признание Египтом в 1979 г. Израиля и подписание с ним мирного договора. Это привело к тому, что ливийский лидер объявил Египет изменником всему арабскому миру[4].

Муаммар Каддафи не раз публично выступал против израильского государства и его ядерной монополии на Ближнем Востоке. По мнению лидера ливийской революции, «только арабский народ может проживать на территории Палестины, а Израиль – это колониально-империалистический феномен»[5]. Во время визита в Москву в 1981 г. ливийский премьер-министр Абдель Салам Джеллуд обратился к председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой «содействовать в наведении, радарном обеспечении с кораблей в Средиземном море и создании противолокационных помех»[6] в случае военной операции Ливии, направленной на израильский ядерный центр Димона.

По мнению Муаммара Каддафи, угрозу Ливии представляли также США, с которыми у ливийского главы не складывалось конструктивного диалога и которые являлись для него символом всего «западного империализма»[7]. США поддерживали Израиль и Египет.

Таким образом, с одной стороны, прямой угрозы безопасности Ливии не было. С другой стороны, специфика отношений среди государств Ближнего Востока и позиция арабских государств по отношению к Израилю, США и странам Запада не могли не повлечь за собой стремление обезопасить свою страну. При этом ЯО для Муаммара Каддафи во многом являлось фактором статуса, позволяющим возвыситься среди арабских государств и других стран третьего мира[8]. Вероятность стать первым арабским ядерным государством могла бы, безусловно, поднять авторитет и укрепить позиции Ливии на Ближнем Востоке.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?

Создание ядерного оружия – это сложный и весьма дорогостоящий проект, требующий немало времени и финансовых затрат. Поэтому первоначально Ливия направила свои усилия на создание химического оружия (ХО). Получение ХО было для Ливии более вероятным, поскольку этот процесс менее затратный (этот вид ОМУ требует значительно меньше финансовых и научных вложений) и предприятия для его создания легче скрыть, чем в случае с ЯО. Этот дешевый вид ОМУ был более привлекательным для Муаммара Каддафи, так как при существующей слабости ливийских вооруженных сил мог бы способствовать определенному уравновешиванию сил с потенциальными противниками Ливии.

В середине 1980-х гг. Ливия начала строительство трех заводов по созданию химического оружия: первый – завод Рабта, второй – завод Себха, третий – завод Рабта-II в районе Тархуна. В конце 1980-х гг. стало известно, что западногерманская компания *Imhausen-Chemie* являлась генподрядчиком в сооружении завода Рабта, в то время как несколько других западногерманских компаний были вовлечены в программу в меньшей степени. При этом следует отметить, что развитию химических арсеналов Ливии также оказывали помощь предприятия таких стран, как Бельгия, Великобритания, Венгрия, ГДР, Дания, Ирак, Иран, Италия, Китая, США, Таиланд, Югославия и Япония. Однако многие из них свернули сотрудничество с Ливией под давлением США.

Сооружение предприятий для создания ХО вызвало недовольство Соединенных Штатов. Существует множество доказательств тому, что Ливия применила приобретенный у Ирана горчичный газ в 1987 г. в Чаде против повстанцев. Она стала одной из немногих стран, которые вели боевые действия с применением ХО.

Согласно имеющимся данным в течение 1980-х гг. Ливия произвела более 100 метрических т газов нервно-паралитического и кожно-нарывного действия. К 1992 г. развернутая США кампания против Ливии вынудила ее руководство свернуть производственные мощности по выпуску отравляющих веществ, приступить к демонтажу оборудования и перепрофилировать часть объектов на выпуск медикаментов. В основном это коснулось химзавода в Рабте, где было налажено производство иприта.

Ливия также предпринимала попытки исследования в области биологического оружия. Интенсивная исследовательская работа проводилась в области патогенов и токсинов для их использования в военных целях. Тем самым Ливия нарушала обязательства по Конвенции о запрещении биологического оружия. Существует мнение, что на химзаводах в Рабте и Тархуне могли также проводиться научные исследования по созданию биологического оружия.

Что касается третьего вида ОМУ – ядерного оружия, то историю его создания Ливией условно можно разделить на три этапа:

- 1969–1971 гг. – первые попытки приобретения готового ЯО или его компонентов;
- 1971–1992 гг. – развитие собственных гражданских программ создания замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ), при котором существует вероятность переключения на военные программы и создания ядерного взрывного устройства на основе плутония;
- 1995–19 декабря 2003 гг. – переход на центрифужное обогащение урана.

Изначально ливийский лидер Муаммар Каддафи попытался приобрести ЯО. Эти попытки он предпринимал в 1969–1971 гг.

Удивительным фактом является обращение Ливии с просьбой о покупке готового ЯО или его компонентов к Египту. Египет начал проявлять интерес к ядерным технологиям еще в начале 1950-х гг. и попытался приобрести ЯО у Китая и СССР[9], но положительного результата эти попытки не имели. Поставленный в 1961 г. при содействии СССР реактор на 2 МВт[10] не мог помочь Египту в создании ЯО. Вероятно, Муаммар Каддафи полагал, что египетскому государству удалось добиться успеха в этом вопросе.

В начале 1970-х гг. ливийский лидер решил обратиться к Китаю, надеясь, что с ним будет легче договориться о покупке готового ЯО, нежели со странами Запада. С этой целью в 1971 г. в Пекин прибыл премьер-министр Ливии Абдель Салам Джеллуд. Однако Китай отказался продать Ливии ЯО[11]. Китайское руководство согласилось лишь предоставить помощь своих специалистов[12]. Китай не мог предоставить Ливии готовое ЯО, поскольку к началу 1970-х гг. обладал весьма ограниченным ядерным арсеналом.

Потерпев неудачу в приобретении готового ЯО, Ливия решила создать собственное оружие, для чего ей было необходимо развить мощную ядерную инфраструктуру, создать замкнутый ЯТЦ. Однако для создания собственной атомной промышленности необходим научный и технический потенциал, которого у Ливии не было. Причем финансовая сторона дела здесь роли не играла: в 1970-х гг. у Ливии были средства, так как из-за мирового энергетического кризиса начала 1970-х гг. цены на нефть значительно выросли. Муаммар Каддафи был готов заплатить любую сумму за ядерные технологии.

С этого момента ливийское руководство под прикрытием развития гражданского сектора атомной промышленности пытается наладить атомное сотрудничество с различными государствами для получения ядерных технологий и возможности подготовки собственных кадров.

Рассматривая историю ливийских программ по созданию ЯО, можно заметить, что после неудавшейся попытки приобрести готовое ЯО Муаммар Каддафи пытался задействовать все страны, способные предоставить ему ядерные технологии. Всего в период с 1971 по 1981 г. Ливия подписала целый ряд соглашений в атомной области с такими странами, как Аргентина, Бельгия, Индия, Пакистан, СССР, Франция. Далеко не все из этих соглашений были реализованы в полной мере.

Одним из первых Ливия заключила соглашение о сотрудничестве в развитии атомной энергетики с Аргентиной в 1974 г. Буэнос-Айрес согласился поставить оборудование и экспертов для геологической разведки и добычи урана. Более того, ливийские химики проходили обучение в Аргентине[13].

Несмотря на антисоветский настрой в первые годы своего правления, в середине 1970-х гг. Муаммар Каддафи обратился за помощью к СССР. В 1977 г. в Москву с официальным визитом была направлена ливийская делегация во главе со вторым лицом в руководстве страны Абдель Саламом Джеллудом для достижения договоренностей о содействии в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке облученного ядерного топлива и выделению плутония и строительство других соответствующих объектов. То есть речь шла фактически о создании в Ливии замкнутого ЯТЦ. За все эти услуги Ливия предлагала сумму в 10 млрд долл.[14].

Это предложение ливийской стороны стало предметом серьезных дискуссий в советском руководстве. За принятие данного предложения активно выступало Министерство среднего машиностроения, «руководствуясь стремлением поддержать арабов в конфликте с Израилем, а также привлекательностью предложенной цены»[15]. МИД СССР был категорически против такого сотрудничества, опасаясь распространения ЯО и появления новых ядерных государств. В итоге было решено оказать помощь, но не в создании замкнутого ЯТЦ. СССР оказал содействие в создании исследовательского центра в Таджуре, расположенного севернее ливийской столицы, и предоставить легководный реактор мощностью 10 МВт, работающий на высокообогащенном уране (ВОУ)[16]. Реактор был запущен в 1981 г.[17], а поскольку он работал на ВОУ, руководство СССР добилось постоянного присутствия советских специалистов в Таджуре, чтобы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и следить за ВОУ. Выгода от этого присутствия была взаимной, поскольку ливийская сторона нуждалась в помощи советских специалистов[18].

Именно по настоянию СССР Ливия ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1975 г., подписанный королем Идрисом I еще в 1969 г., а также подписала соглашение в гарантиях с МАГАТЭ в 1980 г. Исследовательский центр в Таджуре и реактор теперь находились под гарантиями МАГАТЭ.

С 1977 г. Москва и Триполи обсуждали возможность сооружения советской стороной атомной электростанции (АЭС), оснащенной двумя реакторами мощностью 440 МВт на побережье Сирта[19]. В феврале 1982 г. было достигнуто соглашение, по которому компания *Атомэнергоэкспорт*[20] должна была принять участие в строительстве АЭС в Ливии[21]. В том же году финская компания *Imatran-Voima*, которая должна была заниматься сооружением системы охлаждения активной зоны реактора, отказалась принимать участие в строительстве[22]. Архитектурно-инженерные работы должна была выполнить бельгийская компания *Belgonucleaire,* которой, однако, впоследствии бельгийское правительство запретило участвовать в проекте.

Соглашение, столь привлекательное для Ливии, осталось *на бумаге*. Начавшееся с процессом перестройки изменение курса политики СССР привело к сокращению атомного сотрудничества с Ливией, а действия самой Ливии на мировой арене не способствовали дальнейшему развитию и укреплению советско-ливийских отношений.

При этом страны Запада (например, Франция и Бельгия) также оказали немалое содействие Ливии в развитии ее ядерных программ. В 1975 г. во время визита в Триполи премьер-министр Франции Жак Ширак[23] выразил согласие в рамках соглашения о сотрудничестве предоставить ядерную установку по опреснению воды на основе ядерного реактора на 600 МВт. Однако сотрудничество не было реализовано[24]. Кроме того, Ливия намеревалась приобрести у французской фирмы *Thomson-CSF* 20 калютронов, предназначенных для электромагнитного разделения изотопов, с целью наладить у се-

бя в стране процесс обогащения урана. Однако и это соглашение было позднее запрещено французским правительством[25].

Что касается сотрудничества с Бельгией, то оно началось еще в начале 1970-х гг., став наиболее плотным в 1981–1982 гг. В рамках соглашения с ливийской Комиссией по атомной энергии две бельгийские компании – *Belgatom* и *Belgonucleaire* – оказали техническое содействие исследовательскому центру в Таджуре, реактор для которого был поставлен СССР.

В 1984 г. два государства в рамках соглашения о сотрудничестве подписали контракт стоимостью в 1 млрд долл. на сооружение АЭС на основе советского ядерного реактора (компания *Belgonucleaire* должна была выполнить архитектурно-инженерные работы)[26]. Однако под давлением США бельгийское руководство запретило реализацию контракта[27].

В дальнейшем, однако, ливийцы ввиду осложнения отношений со странами Запада столкнулись с противодействием западных стран для недопущения доступа к технологиям, связанным с созданием ядерного оружия. Это заставило ливийское руководство расширять контакты с развивающимися государствами и искать другие пути получения необходимых материалов и технологий.

В 1978 г. Ливия попыталась наладить отношения с Индией, которая к тому моменту уже успела создать мощную ядерную инфраструктуру и произвести ядерное испытание в 1974 г. В июле 1978 г. премьер-министр Индии Мораджи Десай и его ливийский коллега Абдель Салам Джеллуд подписали соглашение о мирном использовании атомной энергетики, согласно которому Индия брала на себя обязательства способствовать получению Ливией «независимой ядерной мощи» взамен на поставки нефти в Индию по более низким ценам[28]. Кроме того, ливийские студенты и ученые могли проходить обучение в индийских исследовательских институтах.

Одновременно Муаммар Каддафи начинает сотрудничество с Пакистаном, что послужило причиной резкого ухудшения отношений между Ливией и Индией. Глава ливийского государства рассчитывал, что пакистанские достижения по созданию ЯО будут разделены в будущем поровну. Ливийско-пакистанское сотрудничество конца 1970-х гг. можно охарактеризовать как межправительственное взаимодействие, которое прекратилось после свержения в Пакистане власти Зульфикара Али Бхутто.

Кардинальным отличием отношений в области атомного сотрудничества между Ливией и Пакистаном было то, что ливийский лидер оказывал помощь в создании ЯО в размере 100–500 млн долл.[29], в то время как у Китая, Аргентины, Индии, Франции, Бельгии, СССР и других стран Ливия пыталась приобрести ядерные технологии для развития собственной атомной отрасли.

Помимо финансовой помощи, Ливия импортировала в Пакистан около 2000 т уранового концентрата. Согласно докладу МАГАТЭ в 2004 г.[30], между 1978 и 1981 гг. Ливия импортировала из Нигера 2263 т уранового концентрата. Однако ввиду того, что Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ было подписано только в 1980 г., руководство Ливии объявило и поставило под гарантии только то количество урана, которое было приобретено после 1980 г. О покупках урана до 1980 г. Агентству заявлено не было. Ливия свободно оказывала помощь Пакистану в его военной ядерной программе.

Сотрудничество Ливии как с Индией, так и с Пакистаном (со странами в состоянии конфронтации) показывает, что для Муаммара Каддафи было неважно, какое государство может предоставить ему помощь в создании ЯО. Это также отчетливо видно в тех многочисленных контрактах, которые ему удалось заключить со странами из противоположных политических и идеологических блоков.

Таким образом, второй этап развития атомной промышленности, направленный на развитие ЯТЦ в стране, не принес Ливии желаемых результатов. Многочисленные согла-

шения с различными странами мира в большей степени оказались нереализованными. Созданный при содействии СССР исследовательский центр не мог быть использован для создания ЯО, поскольку мощности установленного там реактора на 10 МВт было недостаточно, хотя он и работал на ВОУ. Тем более что реактор был поставлен под гарантии МАГАТЭ. Стремление добиться иностранной помощи для строительства АЭС также не принесло результатов: переговоры происходили в 1980-х гг., когда отношения Ливии со странами Запада стремительно ухудшались, причиной чему явилось обвинение Ливии в поддержке международного терроризма.

Помимо оказания иностранной технической помощи, Ливия также нуждалась и в создании своих собственных научных и производственных кадров, способных работать на предприятиях атомной отрасли. Ливийские студенты в большом количестве обучались ядерной физике за границей: в Аргентине, Индии, США, СССР и странах Западной Европы. Так, в 1980 г. 25 ливийских студентов проходили курсы по изучению ядерных технологий в Национальном центре технических исследований в Финляндии[31].

Кроме того, до решения Госдепартамента США 1983 г. о запрете гражданам Ливии и других стран третьего мира, имеющих тесные связи с Ливией, обучаться на ядерных факультетах институтов США ливийские студенты и ученые проходили обучение и в Соединенных Штатах[32].

Ситуация резко ухудшилась после ряда террористических актов (в том числе на территории Европы), вина за которые была возложена на правительство Ливии. После двух взрывов самолетов американской компании *PAN AM* в небе над шотландским городом Локерби в 1988 г. и французской компании *UTA* в небе над Нигером Совет Безопасности ООН 1992 г. ввел против Ливии санкции.

Введенные Резолюцией №748 (1992 г.) меры касались различных аспектов эмбарго на воздушные перевозки, поставки оружия и вооружений, сокращения и ограничения деятельности дипломатических представительств и консульских учреждений, а также ограничения передвижения тех граждан Ливии, о которых известно, что они являются террористами, или которые подозреваются в поддержке терроризма[33]. Эти меры были значительно расширены Резолюцией №883 (1993 г.), в соответствии с которой были заморожены некоторые ливийские активы за рубежом, ужесточено эмбарго на воздушные перевозки и запрещены некоторые виды оборудования, используемые на терминалах нефтепроводов и нефтеперерабатывающих заводов[34], тем самым был нанесен удар по основному источнику пополнения ливийского бюджета – нефтяной отрасли.

Введение санкций против Ливии повлекло за собой прекращение сотрудничества в атомной сфере и закрыло путь даже для нормального внешнеэкономического сотрудничества. Но и это не остановило амбициозного ливийского лидера, принявшего в 1995 г. решение усилить ядерную активность[35], что в условиях жестких санкций ООН было возможно лишь посредством нелегальных рынков ядерных технологий, т.е. через действовавшую тогда сеть Абдул Кадыр Хана.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И СЕТЬ ХАНА

Согласно докладу МАГАТЭ, ливийский лидер Муаммар Каддафи и представители ливийской администрации впервые встретились с Абдул Кадыр Ханом еще в январе 1984 г. Во время этой встречи пакистанский ученый изложил своим собеседникам технологию получения ядерных материалов. При этом Ливии было предложено приобрести технологию центрифужного обогащения. Однако научно-технических знаний ливийцев было недостаточно для реализации этого предложения[36]. Углубление отношений с сетью А.К. Хана продолжалось в период с 1989 по 1991 г., в результате чего было достигнуто соглашение о передаче Ливии информации о центрифугах *L-1*, разработанных самим физиком, и их компонентов[37]. В Триполи остались недовольны та-

кой сделкой, обвинив Абдул Кадыр Хана в предоставлении старых компонентов центрифуг, непригодных для реализации ядерной программы[38]. Кроме того, в Ливию не была поставлена ни одна полностью собранная центрифуга. Частично этому помешало введенное против Ливии в 1992 г. эмбарго Совета Безопасности ООН, из-за которого многое из заказанного оборудования осталось храниться на складе в Дубае (ОАЭ).

Новый контракт на поставку центрифуг с А.К. Ханом был подписан в 1995 г., а в 1997 г. были поставлены 20 готовых центрифуг и компоненты для сборки 200 дополнительных центрифуг[39]. В 2000 г. Ливии были предоставлены две испытательные центрифуги, которые предположительно были использованы для создания пакистанской атомной бомбы.

Первые успешные испытания центрифуги *L-1* были завершены к октябрю 2000 г. В конце 2000 г. Ливия приступила к поэтапному монтажу каскадов с 9, 19 и 64 центрифугами *L-1*. К апрелю 2002 г., когда Ливия приняла решение о перемещении этого оборудования по соображениям безопасности, эти каскады находились на различных стадиях завершения, но ни один из них не был полностью завершен, скорее всего, по техническим причинам[40].

В сентябре 2000 г. Ливия получила две центрифуги *L-2*, после чего она направила заказ на 5000 центрифуг *L-2*, а также на все необходимое вспомогательное оборудование. Позднее заказ был увеличен до 10 000 центрифуг. С декабря 2002 г. компоненты *L-2* стали поступать в Ливию в большом количестве.

Сеть А.К. Хана действовала только в качестве посредника при производстве и отгрузке компонентов и оборудования в различных странах. В процесс предоставления Ливии ядерных технологий и оборудования в целом были вовлечены представители и фирмы 13 государств: Германии, Испании, Италии, Лихтенштейна, Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана, Республики Корея, Сингапура, Турции, Швейцарии, Южной Африки и Японии[41]. Предположительно Ливия заплатила сети Абдул Кадыр Хана более 100 млн долл. США[42].

После американских и английских проверок, а также инспекций МАГАТЭ, проведенных в конце 2003 – начале 2004 гг. было установлено, что многие компоненты так и не были распакованы и находились в закрытых складах. Научно-технические трудности явились для Ливии главной причиной неудачи не только в создании ЯО, но и в развитии атомной промышленности в стране, хотя для этого у нее были и финансовые возможности, и технические составляющие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении 1970–1980-х гг. Ливией был проделан большой путь в налаживании контактов с иностранными государствами с целью получения ядерных технологий. Муаммару Каддафи удалось многое в этом вопросе: было подписано немало соглашений и договоров в атомной сфере, только часть из которых была реализована. Если не брать во внимание стремление создать ЯО, у Ливии были значительные шансы развить мощную атомную промышленность, чего в итоге также не удалось достичь. Причин тому несколько.

Во-первых, ливийские программы по созданию ОМУ нуждались в иностранных технологиях и экспертах[43]. Благодаря значительным финансовым ресурсам амбициозному ливийскому лидеру удалось развить активную деятельность для получения иностранных технологий, помощи экспертов и возможности обучения своих специалистов. Однако этого оказалось недостаточно.

Во-вторых, сложная структура власти в Ливии, отсутствие четкого разделения полномочий между основными органами управления при неограниченной власти Муаммара Кад-

дафи – все это значительно осложняло процесс взаимодействия с иностранными государствами. По мнению одного из авторитетных европейских специалистов в области нераспространения Харольда Мюллера, «причина неудачи атомной программы Ливии кроется не в отсутствии финансовых и научных составляющих, а в несостоятельности ливийских органов власти»[44].

В-третьих, причиной явились довольно резкие и агрессивные высказывания и действия лидера ливийской революции в адрес Израиля, стран Запада и США. Следствием стало то, что многие соглашения о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии так и не были реализованы.

Отказ Ливии от программ ОМУ – это пример решения проблем нераспространения дипломатическим путем усилиями мирового сообщества. Ливия и ее лидер Муаммар Каддафи могут стать примером для сегодняшних Ирана и КНДР. Насколько удачен этот пример, теперь покажет только время.

Примечания

[1] Письмо Постоянного представителя Ливийской Арабской Джамахирии при ООН от 19 декабря 2003 г. на имя Председателя Совета Безопасности. Официальный сайт ООН, http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/189/54/PDF/N9918954.pdf?OpenElement (последнее посещение – 15 июня 2008 г.).

[2] IAEA Director General to visit Libya. IAEA Press Releases 2003/14. Официальный сайт МАГАТЭ, http://www.iaea.org/NewsCenter/pPressReleases/2003/prn200314.html (последнее посещение – 29 сентября 2008 г.).

[3] Введение в 1992 г. Советом Безопасности ООН санкций против Ливии значительно усложнило возможность получения Ливией иностранной помощи.

[4] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 273.

[5] An interview with Gaddafi. Libya's leader predicts the treaty with hurt U.S. Time, 1979, 9 April, http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,920211,00.html (последнее посещение – 20 октября 2008 г.).

[6] Гриневский О.А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. С. 103.

[7] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 274.

[8] Cirincione Joseph, Wolfsthal Jon B., Rajkumar Miriam. Deadly Arsenals. Tracking weapons of mass destruction. W. Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 305.

[9] Nuclear black markets: Pakistan, A.Q. Kahn and the rise of proliferation networks. A net assessment. L.: The International Institute for Strategic, 2007. P. 59.

[10] Feldman Shai. Nuclear weapons and Arms Control in the Middle East. L.:CSIA studies in international security, 1997. P. 58-59; Nuclear weapons program of Egypt, http://www.globalsecurity.org/wmd/world/egypt/nuke.htm (последнее посещение – 27 октября 2008 г.).

[11] Spector Leonard S., Smith Jacqueline R. Nuclear ambitions: the spread of nuclear weapons 1989–1990. Oxford: Westview Press, 1990. P. 175.

[12] Ibid.

[13] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 260; Libyan Nuclear Weapons. http://www.globalsecurity.org/wmd/world/libya/nuclear.htm (последнее посещение – 8 сентября 2008 г.).

[14] Тимербаев Р.М. Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 28.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Таджурский центр ядерных исследований был переименован и теперь называется Центр исследований в области возобновляемых источников энергии и опреснения воды (ЦИВЭОВ).

[18] Тимербаев Р.М. Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 28.

[19] Сирт – залив Средиземного моря у берегов Ливии (Северная Африка). Вдается в сушу на 115 км. Ширина у входа 465 км. Глубина до 1374 м. Порты — Бенгази, Марса-Брега, Эс-Сидер (последние два порта — по вывозу нефти).

[20] Атомэнергоэкспорт – одно из старейших предприятий атомной отрасли СССР и России, деятельность которого сосредоточена на управлении крупномасштабными высокотехнологическими проектами – строительством атомных электростанций и ядерных центров по всему миру. См.: http://www.atomenergoexport.ru

[21] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 263.

[22] Ibid.

[23] Жак Ширак занимал пост премьер-министра Франции в 1974–1976 гг.

[24] Libyan Nuclear Weapons. http://www.globalsecurity.org/wmd/world/libya/nuclear.htm (последнее посещение – 8 сентября 2008 г.).

[25] Nuclear chronology, 1968–1979, Libya. NTI Nuclear database. http://www.nti.org/e_research/profiles/Libya/4132.html (последнее посещение – 20 октября 2008 г.).

[26] Spector Leonard S., Smith Jacqueline R. Nuclear ambitions: the spread of nuclear weapons 1989-1990. Oxford: Westview Press, 1990. P. 177; Libyan Nuclear Weapons. http://www.globalsecurity.org/wmd/world/libya/nuclear.htm (последнее посещение – 8 сентября 2008 г.).

[27] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 261.

[28] Bowen Wyn Q. Libya and nuclear proliferation. Adelphi paper 380. L.: The International Institute for Strategic, 2006. P. 28.

[29] Bowen Wyn Q. Libya and nuclear proliferation. Adelphi paper 380. L.: The International Institute for Strategic, 2006. P. 30–31; Nuclear black markets: Pakistan, A.Q. Kahn and the rise of proliferation networks. A net assessment. L.: The International Institute for Strategic, 2007. P. 59; по другим сведения, Ливия предоставила Пакистану 1,5 млрд долл. – См.: Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 261.

[30] Implementation of the NPT safeguards agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General, GOV/2004/33. 2004, 28 May, http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/libya/2004/040528-iaea.pdf (последнее посещение – 31 октября 2008 г.).

[31] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 264.

[32] Ibid.

[33] Резолюция №748 (1992) от 31 марта 1992 г., принятая Советом Безопасности ООН на 3063-м заседании. Официальный сайт ООН, http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res748.htm (последнее посещение – 20 октября 2008 г.).

[34] Резолюция №883 (1993) от 1 ноября 1993 г., принятая Советом Безопасности ООН на 3312-м заседании. Официальный сайт ООН, http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res883.htm (последнее посещение – 20 октября 2008 г.).

[35] Nuclear black markets: Pakistan, A.Q. Kahn and the rise of proliferation networks. A net assessment. L.: The International Institute for Strategic, 2007. P. 76.

[36] Implementation of the NPT safeguards agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General, GOV/2008/39. 2008, 12 September, http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2008/gov2008-39.pdf (последнее посещение – 29 октября 2008 г.).

[37] Центрифуги *L-1* и *L-2* базируются на ранних европейских разработках и существуют также в модификациях *G-1, G-2* и *P-1, P-2*.

[38] Levy Adrian, Scott-Clark Catherine. Deception Pakistan, the United States and the Global Nuclear weapons conspiracy. L.: Atlantic Books, 2007. P. 363.

[39] Implementation of the NPT safeguards agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General, GOV/2004/12. 2004, 20 February, http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2004/gov2004-11.pdf (последнее посещение – 20 октября 2008 г.).

[40] Ibid.

[41] Ibid.

[42] Ливия заплатила сети доктора Хана 100 миллионов долларов, http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year04/march/sto.htm (последнее посещение – 29 ноября 2008 г.).

[43] Cirincione Joseph, Wolfsthal Jon B., Rajkumar Miriam. Deadly Arsenals. Tracking weapons of mass destruction. W. Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 305–306.

[44] Müller Harald. A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon press, 1987. P. 269.

ОБУЧЕНИЕ ИСТОРИЕЙ: ЗАПАД И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПАКИСТАНА

Adrian Levy, Catherine Scott-Clark. Deception: Pakistan, the United States and the global nuclear weapons conspiracy. Atlantic Books: 2007, 514 p.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

Появление этой фундаментальной книги с весьма характерным заглавием неслучайно. Развитие внутриполитической ситуации в Пакистане подтвердило неуклонный рост нестабильности в этом ядерном государстве. С отставкой генерала Первеза Мушаррафа тенденция выглядит еще более тревожной. Хаос и политическая неразбериха в стране, которая находится на острие борьбы с терроризмом и к тому же является *де-факто* ядерным государством, не участвующим, однако, в большинстве международных соглашений по ядерным вопросам, таит в себе огромные риски и угрозы для международного мира и стабильности. Многие эксперты, в том числе и ряд российских *гуру* успокаивали себя и всех нас тем, что военный режим в Пакистане – это хорошо и его надо политически поддерживать. Известный политолог Айеша Сиддика в своем солидно аргументированном труде «Military Inc.» убедительно раскрыла глубоко порочную эгоистическую экономическую подоплеку монополизации военными власти в Пакистане, а контроль военных над ядерным оружием страны только усугубляет положение и приводит к неоправданно большому бремени для всего и без того нищего населения.

ПРОЕКТ 706 И НАЧАЛО ОБМАНА

Проблема распространения ОМУ и средств их доставки продолжает оставаться одним из главных вызовов международной безопасности. При некоторых позитивных достижениях за последние 40 лет (подписание Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), отказ таких стран, как Германия, Япония, Швеция и Швейцария, и некоторых других от создания собственного ядерного оружия, ядерное разоружение ЮАР и Ливии, подписание Конвенции по запрещению химического оружия и т.п.) мировое сообщество не добилось решительного перелома в борьбе за полную ликвидацию ОМУ, в первую очередь ядерного оружия. В этом смысле полезно детально разобраться в том, как же так вышло, что страна (Пакистан), по образному выражению *отца пакистанской ядерной бомбы* Абдул Кадыр Хана, «не умевшая производить иголки для швейных машинок», создала высокоразвитую ядерную инфраструктуру и, в конечном итоге, стала *де-факто* полнокровной ядерной державой со своими эффективными средствами ядерного оружия и средствами его доставки.

В подзаголовке названия книги присутствует элемент *global nuclear weapons conspiracy*. Автор рецензии не относит себя к числу сторонников теории заговоров. Однако прочтение предлагаемой книги и особенно ознакомление с исследованными авторами источниками, которые, к сожалению, сейчас лишь частично пока стали известны, заставляет серьезно отнестись к их попытке показать, как многие государства, и прежде всего, такие как США, Китай, Нидерланды и Великобритания, в нарушение своих обязательств по предотвращению *неконтролируемого расползания ядерных технологий* создали самые благоприятные условия для превращения Пакистана в страну, создавшую с их фактически негласной помощью реальный и разнообразный ядерный арсенал.

Настоящим *отцом пакистанской ядерной бомбы*, конечно, стал казненный военными выдающийся политический деятель, неоднократный премьер-министр страны Зульфикар Али Бхутто. Справедливости ради надо сказать, что в Пакистане раньше других поняли, что их заклятый враг – Индия – встала на путь создания ядерного устройства. Автор рецензии, будучи сотрудником посольства СССР в Пакистане, собственноручно переводил весной 1967 г. ноту Пакистана всем 5 постоянным членам Совета Безопасности ООН о подготовке Индией ядерного взрыва, который произошел именно там, где указывалось. Нота появилась за несколько месяцев до подписания ДНЯО. Но такова была логика холодной войны, что на озабоченность Пакистана никто не обратил внимания. Некоторые считают это началом того *глобального ядерного заговора*, о котором пишут Адриан Леви и Кэтрин Скотт-Кларк. Большим достоинством их захватывающей внимание книги является попытка наложить проблему распространения ядерных технологий, в том числе двойного назначения, на события, происходившие в это время в Пакистане и вокруг него. Этот метод позволяет намного глубже понять, как так получилось, что Пакистан, как, впрочем, и Индия, не присоединились к ДНЯО и начали ядерную гонку на субконтиненте.

Будучи дальновидным и опытным политическим деятелем, Зульфикар Али Бхутто понимал, и это подтверждается авторами книги, что Пакистан обладает минимальными возможностями соревноваться с мощной Индией. Он попытался первоначально решить ядерную безопасность своей страны за счет получения гарантий *ядерного зонтика* со стороны стратегического союзника – США. В книге выпукло описана роль давнего сподвижника Бхутто Ага Шахи (умер в 2006 г.). Визит Ага Шахи к Генри Киссинджеру показал пакистанцам, что американцы верны себе – они любят брать, но не любят связывать себя стратегическими обязательствами. Генри Киссинджер только пообещал поставлять Пакистану ядерное топливо с планировавшегося в то время Вашингтоном к строительству совместного с шахским Ираном предприятия по обогащению урана. Это подтверждается рассекреченными недавно директивами Генри Киссинджера, бывшего в то время советником Фонда по национальной безопасности. Бхутто понял всю бесперспективность ставки в ядерном вопросе на американцев и стал делать более отчетливый разворот в сторону Китая. Чуть раньше ему был представлена записка малоизвестного пакистанского специалиста-металлурга, вернувшегося из Голландии с тремя чемоданами закрытых материалов главной голландской ядерной фирмы *URENCO* и фирм-поставщиков. Это был Абдул Кадыр Хан, и его вторая личная встреча с премьером предопределила дальнейший ход событий и появление секретного проекта *706* и начало строительства в местечке Кахута центра по обогащению урана и разветвленной операции самого А.К. Хана и пакистанских спецслужб по нелегальной добыче недостающих материалов, образцов и технической документации. Операция была весьма широкой– достаточно сказать, что список лиц и фирм в Европе, сотрудничавших с Абдул Кадыр Ханом, насчитывает несколько десятков человек различных национальностей (некоторые из них, например, г-н Лерх, продолжают и сейчас преследоваться за нарушение законов). В ряде случаев эта работа (в переписке она называлась строительством маслоделательного завода) велась грубо и неприкрыто, в результате чего уже на ранней стадии становилась известной местным правоохранительным органам и политическим властям, но они это никак не пресекали. Более того, в своем докладе в мае 1979 г. BVD – секретная полиция Нидерландов – доложила правительству, что А.К. Хан имел доступ только «к незначительным аспектам центрифужных технологий *URENCO* и ее исследованиям». Людям, которые будировали вопрос о незаконной деятельности А.К. Хана, прямо предложили «заткнуться, поскольку это [их разговоры] опасно для Голландии». Но уже через несколько месяцев секретная полиция в особо секретном докладе сообщила, что ситуация выглядит совершенно по-иному. Авторы книги сообщают, что до своего окончательного отъезда из Голландии А.К. Хан с помощью сообщников и, естественно, за большие деньги *добыл* и переправил в Пакистан не только документацию снятой с производства первой центрифуги *SNOR*, но также основной центрифуги *Г-2*, но даже и перспективной машины – суперцентрифуги *4-М*. Президент Джимми Картер в гневе, с подачи израильтян, поручил ЦРУ разобраться как, откуда и что г-н Хан получил в свои руки.

С этого момента начинается некая сага *о твердой борьбе* различных администраций США с ядерным вооружением Пакистана. Авторы показывают, что по большому счету никакой последовательной борьбы не было. Да, были на разных этапах и поправки сенатора Саймингтона и сенатора Гленна, а позднее и поправка сенатора Пресслера о прекращении поставок в Пакистан военной техники и тому подобное. Однако события холодной войны того периода (свержение главного союзника США на Среднем Востоке – шаха Ирана, ввод советского военного контингента в Афганистан, захват в заложники американских дипломатов в посольстве в Тегеране и др.) быстро охлаждали деланную принципиальность Вашингтона. Сделав ставку на борьбу с СССР в Афганистане, в Вашингтоне быстро поняли незаменимость Пакистана в этой борьбе, это очень напоминает во всех отношениях нынешнюю ситуацию войны США с терроризмом *Аль-Каиды* и движением *Талибан*. Но идеологическую основу тогдашней и нынешней политики заложил не кто иной, как *великий игрок на глобальной шахматной доске* Збигнев Бжезинский. Он, в то время советник по национальной безопасности, сформулировал долгосрочную американскую линию в секретном меморандуме президенту Картеру следующим образом: «Мы должны поддержать Пакистан и способствовать поддержке им повстанцев, это потребует пересмотра нашей политики в отношении Пакистана, предоставления ему больших гарантий, больше оружия и помощи, а главное, *решения, что наша политика безопасности в отношении Пакистана не может диктоваться нашей политикой в сфере нераспространения*». Такой подход с успехом применяется всеми администрациями на протяжении последних 30 лет в отношении своих стратегических союзников. От себя автор решается высказать предположение о том, что если бы не было исламской революции в Иране и у власти оставались бы пехлеви, то Иран мог бы стать ядерной державой раньше, чем Пакистан.

4 апреля 1979 г. ставленник США новый пакистанский диктатор Зия-Уль-Хак казнил Зульфикара Али Бхутто. Но перед своей смертью последний уже знал, что его ставка на А.К. Хана была правильной – пилотный комплекс в Кахуте осуществил обогащение урана. Первый, пусть небольшой, каскад центрифуг заработал. Конечно, экспортный контроль в США и Европе после появления многочисленных публикаций в СМИ Запада о Кахуте и роли А.К. Хана в ядерной программе Пакистана стал действовать более эффективно. Но надо сказать, что Бхутто предвидел это, авторы книги цитируют предсмертную записку казненного премьер-министра, в которой он пишет: «В нынешних обстоятельствах соглашение, которое я сумел заключить в июне 1976 г., наверное, будет моим самым большим достижением за время нахождения у власти и самым большим вкладом в выживание нашего народа и нашей нации». Не вызывает сомнения, что Бхутто, оставаясь до конца верным духу секретности по ядерным делам с Китаем, имел в виду соглашение с Пекином и добился того, что Китай поставлял *UF-6* (который американцы обрезали, а Пакистан сам тогда не производил), *UF-3* и многое другое, вплоть до чертежей взрывного устройства. В интервью авторам книги Ага Шахи заключил: «Поддержка Китаем Пакистана была умышленным актом саботажа с целью подрыва ДНЯО, который китайцы тогда отказались подписать». Но и А.К. Хан не спал. Именно в этот момент он осуществил прорыв в создании промышленной базы центрифужного производства, продолжая получать необходимое оборудование в Западной Европе и США. Тогда Китай еще был сориентирован на обогащение урана методом диффузии. А.К. Хан даже хвастался, что еще будет поставлять центрифужные технологии в США и другие страны и зарабатывать для страны твердую валюту. По-видимому, именно тогда стали закладываться основы созданного впоследствии широкого *черного, нелегального* рынка международной торговли ядерными технологиями *двойного* назначения, которым активно пользовались некоторые страны-пролиферанты. Г-н Мушарраф заверял Джорджа Буша-младшего в том, что это происходило без ведома официального Исламабада, но авторы книги доказывают, что, в конце концов, А.К. Хан был сделан *козлом отпущения*. На самом деле это стало прибыльным делом для всей военно-промышленной верхушки Пакистана. Самое интересное, что в ядерное производство в стране были вложены огромные деньги, не только полученные от тех мусульманских стран, которым импонировала идея *исламской ядерной бомбы*, но и американские деньги, выделявшиеся на «борьбу с Советами в Афганистане, а позднее с терроризмом». Достаточно сказать, что по подсчетам специалистов за 1984–1985 гг. А.К. Хан по-

тратил на закупки за рубежом для Кахуты от 550 до 700 млн долл., что для слаборазвитого Пакистана являлось неподъемными средствами. В частности, деньги из Америки привозились в Пакистан мешками и передавались лично в руки начальнику межведомственной разведки генерал-лейтенанту Ахтар Абдур Рахману, который затем размещал их в ряде банков, прежде всего в национальном банке Пакистана. Оттуда *исследовательские лаборатории* Хана брали их на свои нужды. Для читателя будут любопытны страницы 76–123, где описаны действия новой администрации президента Рейгана в отношении Пакистана, кульминацией бесед Ага Шахи и начальника генштаба пакистанской армии генерала Арифа было заявление госсекретаря США Александра Хейга, который назвал ядерную программу Исламабада *его частным делом.* Ничего себе заявление! И это со стороны одного из депозитариев ДНЯО. За 18 месяцев администрация президента Рейгана сумела превратить проблему ядерного Пакистана в проблему низкого уровня значимости и отодвинуть ее на задний план в американских внешнеполитических приоритетах.

Между тем, в планах А.К. Хана и военной верхушки появился новый важный и перспективный партнер. Вообще надо отметить, что авторы книги хорошо показали, что с уходом З.А. Бхутто контроль за ядерной программой страны полностью и окончательно переместился в руки военных и поэтому приобрел более прицельный и прикладной характер. Если раньше они отвечали за строительство Кахуты и ее физическую охрану, то теперь они стали определять научно-техническую политику и стратегию развития ядерного комплекса. В это время наряду с совершенствованием научно-производственной базы и изготавливаемых изделий была с опережением графика подготовлена испытательная база в Рос Коче: вертикальные стволы и тоннели, где впоследствии и были проведены *холодные испытания* образцов, а в 1998 г. и реальные ядерные взрывы.

Новым партнером А.К. Хан выбрал Северную Корею, взаимодействие с которой стало долгосрочным взаимовыгодным проектом. *Отцу пакистанской ядерной бомбы* нужны были средства доставки, а режимы международного контроля, в том числе режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), продолжали ужесточаться и сильно замедляли процесс сопряжения боевого заряда с носителем. А тут еще выяснилось, что американские *F-16* в поставленном в Пакистан варианте не могут быть приспособлены к доставке ядерного оружия. На помощь пришел Китай с его *М-11*, но главное – удалось договориться о северокорейской ракете *No Dong*, а также получении документации на корейскую ракетную технику, которую в дискетах А.К. Хан лично передал ставшей премьер-министром дочери казненного З.А. Бхутто Беназир Бхутто во время пребывания последней с официальным визитом в КНДР. Вообще, из описания авторов книги создается впечатление, что в свое второе премьерство Беназир Бхутто в вопросах ракетно-ядерной программы была послушной игрушкой в руках военных и Абдул Кадыр Хана. Как бы то ни было, между Пакистаном и КНДР сложился продуктивный *брак по расчету*. Достаточно сослаться на приводимый авторами пример о визите в Пакистан северокорейской делегации во главе с маршалом Чо Квангом (в 1995 г.) – министром по делам вооруженных сил. Он стал одним из крайне немногих иностранцев, которым показали обогатительные линии *исследовательских лабораторий А.К. Хана (KRL)*, секретные предприятия по производству ракетной техники под Фейсалабадом и испытательный полигон около г. Джелум. Именно во время этого визита было подписано соглашение о поставке из КНДР ракетных двигателей, баков для горючего и партии еще от 12 до 25 полностью собранных ракет *No Dong*. А.К. Хан стал частым гостем в КНДР, где он, кроме всего прочего, консультировал северокорейцев по ядерным вопросам. Говорят, что в общей сложности он посетил Пхеньян не менее 14 раз. Стороны стали оказывать поддержку друг другу в преодолении режимов экспортного контроля. Авторы упоминают известный случай, когда на имя советника по экономическим вопросам посольства КНДР в Исламабаде Канга были заказаны материалы из известного российского института легких сплавов, они были предназначены для А.К. Хана. В 1998 г., по утверждениям авторов книги, этот самый советник Канг с группой технических экспертов присутствовал на пакистанских ядерных испытаниях в Белуджистане. Поскольку было установлено присутствие плутония в выбросах после испытаний, то американские специалисты высказали предположение, что эти испытания проводились и в интересах КНДР тоже, так как в отличие от Пакистана, пошедшего *по урановому пути,* северокорейцы сконцентрировались на *плутоние-*

вом пути. По мнению автора, это, однако, может быть заблуждением, поскольку до появления А.К. Хана в окружении Бхутто под эгидой пакистанской комиссии по атомной энергии (*PAEC*) были начаты работы по созданию атомного оружия на базе плутония, которыми руководил султан Башируддин Махмуд, кстати, встречавшийся с руководством *Аль-Каиды* для брифинга последнего по ядерному оружию. Он был конкурентом А.К. Хана и руководил до 2000 г. созданием ядерного центра в г. Хушаб.

ПРОЕКТ А/В – НОВЫЙ ЭТАП В ЯДЕРНОМ РАЗВИТИИ ПАКИСТАНА И РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ

Авторы книги пытаются разобраться в том, что такое проект *А/В* и когда он фактически начался. Можно с уверенностью предположить, что проект постепенно был запущен в 1988–1989 гг.

У него есть идеологическая, религиозная, политическая и экономическая подоплека. Политико-идеологическую основу будущего проекта заложил еще З.А. Бхутто, который в своей предсмертной записке-завещании писал: «Мы были на пороге полной ядерной способности, когда я покинул правительство и попал в камеру смертников. Христианская, иудейская и индуистская цивилизации уже имеют эту способность. Коммунистические страны также обладают ею. Только исламская цивилизация была без нее, но эта ситуация вот-вот изменится». Создав эту способность, в том числе и при помощи больших экономических вливаний со стороны исламских государств самого разного толка, Пакистан сам стал источником распространения ядерных технологий, прежде всего, *двойного* и военного назначения. Так, появилось опасное сотрудничество с Ираном, Ливией, Сирией и другими странами. Это стало неприемлемым для мирового сообщества, которое, правда, мало что сделало для того, чтобы исключить ядерное оружие из национальных арсеналов других стран. Но появились негосударственные акторы на ядерном поле, и пока, в основном, это экстремистские и крайне религиозные организации исламского толка. Они понимают уже, что такое ядерное оружие, и у них есть в распоряжении грамотные и опытные кадры. Антигерой этой книги Абдул Кадыр Хан является приверженцем экстремистской, ближайшей по духу к ваххабитам секты *Деобанди* и крайне религиозен. К ней принадлежат и многие руководящие пакистанские военные. Их тесные контакты с членами *Аль-Каиды* неслучайны. Мы не можем исключить попадания ЯО, пусть даже в примитивном виде, в руки фанатиков *джихада*. Проект *А/В*, который пакистанские военные вместе с А.К. Ханом практиковали секретно в течение многих лет и создали нелегальный *ядерный базар* по типу существовавшего когда-то на границе Пакистана и Афганистана, не обозначенного ни на каких картах, базара в Ланди Котале, где можно купить все, подвел всех нас к опасной черте и явился пакистанским весомым вкладом в глобальный ядерный заговор, начало которому положил знаменитый теперь американский *манхэттенский проект*.

Авторы пишут: «Настоящий скандал заключается в том, как торговля технологиями *судного дня* и роль в этом деле пакистанских военных была вскрыта высокопоставленными официальными лицами США и Европы много лет назад, но вместо того, чтобы прекратить ее, они очень постарались прикрыть ее от глаз мировой общественности и фактически выступить соучастниками». В этом случае показательна судьба ведущего аналитика ЦРУ Ричарда Барлоу, который боролся за объективный анализ и меры по предотвращению превращения Пакистана в ядерную державу и, в конце концов, был изгнан из госаппарата США.

В середине 2001 г. деятельность А.К. Хана стала носить настолько вызывающий характер, что новый диктатор Пакистана генерал Первез Мушарраф вынужден был отстранить А.К. Хана от руководства ядерной программой, чем вызвал особую дружбу с ним президента Буша-младшего. Эта дружба вылилась в то, что западные журналисты эту парочку стали называть не иначе как *Буш и Муш*.

Правда заключается, однако, в том, что каждый из них использовал другого для решения своих сугубо узких политических целей. Первый же за 25 лет аудит деятельности бесконтрольно возглавлявшейся Ханом *KRL* выявил огромные финансовые и другие на-

рушения, главным из которых явилось отсутствие на складе готовой продукции 40 канистр с обогащенным ураном, судьбу которых так и не удалось установить. Но уход Хана с официального поста не сказался на продвижении проекта *А/В*. Именно после 2001 г. были созданы предприятие по производству элементов центрифуг в Малайзии, представительство в Дубае и другие опорные пункты *черных торговцев Хана*. События *9/11* были для пакистанских военных *манной небесной*. Мало того, что их преступная деятельность в сфере распространения ядерных технологий была американцами в очередной раз по откровенно политическим причинам отодвинута на задний план, они вновь превратились в незаменимого стратегического союзника в борьбе с терроризмом, которого США и Пакистан вместе взрастили в Афганистане, на роль главного пролифератнта выдвинули Ирак, с которым они обещали рассчитаться еще в своем печально известном манифесте 1998 г., находясь не у власти. Что из этого вышло теперь, хорошо известно всем, а настоящий *монстр распространения ЯО* – пакистанская военная верхушка, и представители ядерного комплекса Пакистана – продолжал осуществлять проект *А/В*, в том числе с помощью финансовых вливаний из США на борьбу с терроризмом, которые по подсчетам экспертов за последние 7 лет составили около 11 млрд долл. При этом пакистанская военная верхушка присваивала до трети этих средств и в своей значительной массе продолжала симпатизировать *Талибану* и *Аль-Каиде*, обрекая борьбу с терроризмом на бесплодие.

Заключая этот беглый обзор книги Адриана Леви и Кэтрин Скотт-Кларк, хотелось бы порекомендовать специалистам по нераспространению ОМУ, а также по Пакистану включить эту интересную книгу в перечень литературы, проливающей свет на подоплеку и движущие причины сравнительно недавних событий в сфере распространения ОМУ в таком неспокойном регионе, как индийский субконтинент. Это и будет обучение урокам истории и правильному пониманию движущих стимулов политики США и ряда других важных государств.

P.S.

Уже после подготовки данного обзора в Пакистане произошли знаковые события. Под угрозой импичмента ушел с поста президента генерал Первез Мушарраф. Проведены парламентские выборы, на которых победила временно объединившаяся оппозиция. Президентом страны избран муж покойной Беназир Бхутто – известный бизнесмен и коррупционер Асиф Зардари. Многие эксперты предполагают, что это начало очередного витка нестабильности в Пакистане. Американцы, по сообщениям из Вашингтона, рассчитывают наконец-то разместить свои экспедиционные вооруженные силы уже прямо на территории севера Пакистана для борьбы с талибами и *Аль-Каидой* в пределах страны. Все это сулит серьезное осложнение обстановки в этом неспокойном регионе и опасность непредвиденного исхода. Г-н Каган, модный ныне в Вашингтоне военный эксперт, понимая это, предлагает разные сценарии, как поступить с пакистанским ядерным потенциалом, который на какой-то момент может оказаться бесхозным и, учитывая засилье религиозных фанатиков и просто непорядочных людей среди пакистанских военных и ядерщиков, попасть в руки тех, кто так упорно к нему стремится – террористов и экстремистов, с чудовищными последствиями для мирового сообщества. Предлагаемые Каганом сценарии, конечно, – сугубо продукт американского политического стереотипного мышления. На самом деле, здесь мы имеем ситуацию не с односторонними действиями США, а действительно шанс *совместного предотвращения ядерной угрозы*. Ради ядерного разоружения Пакистана необходимо объединить усилия подавляющего числа членов ООН и убедить (именно убедить, а не односторонним применением силы лишить предмета национальной гордости) Пакистан добровольно, как Германия, Швеция, ЮАР, выйти из состава ядерных стран, для этого потребуются огромные политические усилия и предоставление Пакистану небывалых стимулов и широких гарантий безопасности, включая то, что изначально хотел З.А. Бхутто, – международный *ядерный зонтик*. Это выглядит утопией, но игра стоит свеч.

Gabriel Collins, Andrew Erickson, Lyle Goldstein, William Murray. China's Energy Strategy. The Impact on Beijing's Maritime Policies. The China Maritime Studies Institute, the Naval Institute Press: 2008, 485 p.

Рецензия – Евгений Петелин

Значение энергетического фактора в политике сегодня вряд ли можно оспаривать: в поисках новых источников импорта энергоресурсов государства используют механизмы политических диалогов и стратегического партнерства, энергетические вопросы появляются в повестке дня крупнейших международных организаций, деятельность которых ранее никоим образом не была связана с энергетикой. А вот каково значение энергетического фактора в формировании военной доктрины? Каким образом энергетическая уязвимость государства влияет на модернизацию армии того или иного государства?

Ответы на эти вопросы применительно к Китаю открывают комплексное исследование под редакцией Габриеля Коллинса, Эндрю Эриксона, Лиль Гольдштейн и Уильяма Мюррея «China's Energy Strategy. The Impact on Beijing's Maritime Policies», с первых страниц придавая всей монографии насыщенный и во многом дискуссионный характер. Так, китайские военные крайне озабочены растущей зависимостью Китая от импорта нефти и соответствующих последствий для военных вопросов и вопросов безопасности.

Габриель Коллинс, Эндрю Эриксон, Лиль Гольдштейн и Уильям Мюррей – научные сотрудники отдела стратегических исследований Военно-морского колледжа Соединенных Штатов (U.S. Naval War College) – давно известны своими трудами по различным аспектам энергетической стратегии Китая, в том числе и по ее влиянию на военно-морскую стратегию КНР.

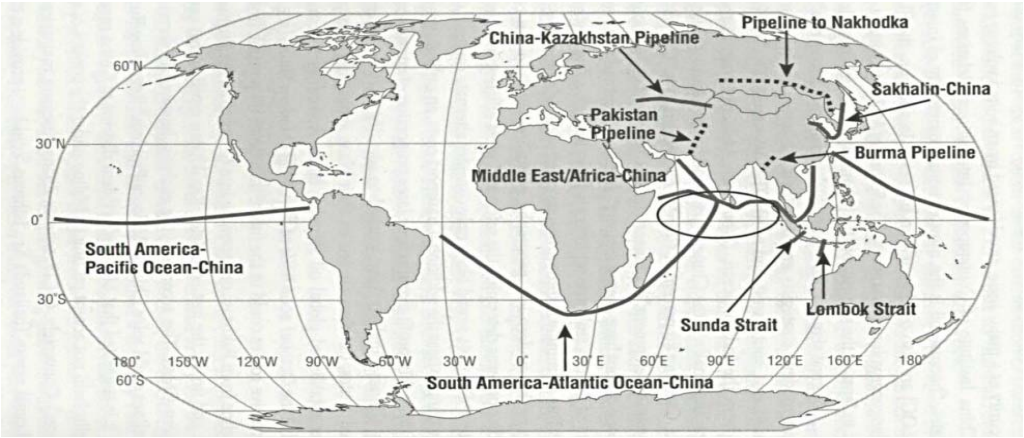
Исследование призвано вывести на качественно новый уровень анализ энергетической стратегии Китая. Авторы стараются достичь этого, прежде всего, за счет расширения круга составных частей данной стратегии. Как правило, в отечественной и зарубежной научной литературе перечень пунктов энергетической стратегии КНР ограничивается оптимизацией топливно-энергетического баланса, развитием энергоэффективности, созданием стратегических запасов нефти и диверсификацией источников импорта энергоресурсов. При этом комплекс внешних вызовов и угроз, с которым сталкивается энергетическая безопасность Китая, включает также наличие территориальных споров, тормозящих разработку нефти и газа на спорных территориях, отсутствие морского флота, достаточного для самостоятельной перевозки энергоресурсов, и небезопасность морской транспортировки энергоресурсов. Анализу возможных решений данных проблем и посвящено представленное исследование.

ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ

Самым уязвимым участком морских перевозок в Китай и из Китая, включая в первую очередь перевозки нефти, считается Малаккский пролив, соединяющий Южно-Китайское море с Андаманским. Через этот пролив проходит около 80% китайского импорта нефти (с. 307). При этом ширина пролива в самой узкой части составляет всего 40 км,

что делает его уязвимым не только для американского военно-морского флота, но и для пиратов и террористов. В КНР полагают, что в ближайшие 5–10 лет Малаккский пролив может стать источником серьезной потенциальной опасности для импорта нефти и для китайской экономики.

Рисунок 1. **Морские пути транспортировки нефти в Китай**



Источник: Gabriel Collins, Andrew Erickson, Lyle Goldstein, William Murray. China's Energy Strategy. The Impact on Beijing's Maritime Policies. The China Maritime Studies Institute, the Naval Institute Press: 2008, p. 308

Соответственно, в Китае большое внимание уделяется проектам, которые позволили бы миновать Малаккский пролив при транспортировке нефти и иных товаров в Китай и из Китая. Один из них – строительство канала через перешеек Кра в Таиланде для прямого соединения Андаманского моря с Сиамским заливом. Этот водный путь может сократить маршрут на 700 миль и сэкономить время транспортировки на два-пять дней. Однако данный проект требует серьезных вложений. По предварительным расчетам, строительство канала может занять 10–15 лет и обойтись в 25 млрд долл., что значительно превышает возможности таиландского правительства. К тому же идея строительства канала встречает сильное противодействие как в самом Таиланде, так и за его пределами. Канал мог бы стать водной преградой между таиландской метрополией и южными районами страны, отделения которых добиваются исламские сепаратисты. Сооружение канала также ударило бы по интересам Малайзии и Сингапура, извлекающих немалые выгоды из нынешних маршрутов судоходства. Для Китая участие в этом сложном, дорогостоящем и долгосрочном проекте дополнительно осложняется проблемами политических отношений как с Таиландом, который традиционно ориентируется на США, так и с другими странами АСЕАН[1].

В силу этих обстоятельств таиландское правительство в настоящее время склоняется в пользу иного решения Малаккской проблемы – посредством строительства нефтепровода, выполняющего те же функции, что и канал, но стоящего значительно меньше и способного вступить в строй в гораздо более короткие сроки[2]. К сооружению этого нефтепровода, который мог бы перекачивать не менее 1,5 млн баррелей в сутки, предполагают привлечь инвестиции из КНР, Японии и Кореи.

Еще один проект, вызывающий немалый интерес в Китае, предусматривает доставку ближневосточной нефти до морского порта в Мьянме и переправку ее далее по нефтепроводу до Куньмина в китайской провинции Юньнань. Эта трасса не только намного безопаснее пути через Малаккский пролив, но и существенно короче. Стоимость строительства нефтепровода длиной 900 км оценивается в 2 млрд долл. Из Юньнани нефть можно было бы перевозить по железной дороге в Гуанчжоу либо построить для этой цели нефтепровод, что потребует немалых дополнительных капиталовложений.

При изучении так называемой *Малаккской проблемы* немаловажным является исследование возможных сценариев применения стратегии блокады против КНР. Такое исследование представлено в статье «Сравнительно-исторический подход к блокадным стратегиям: применительно к Китаю». На основе анализа исторического опыта автор делает вывод о возможных путях китайского противодействия блокаде со стороны возможных противников, в том числе и Соединенных Штатов.

Серьезным поводом для беспокойства также служит то обстоятельство, что подавляющая масса импортируемой нефти доставляется по морю и лишь небольшая часть морских перевозок осуществляется китайскими судами. В 2002 г. из 69,4 млн т ввезенной в Китай нефти 64,5 млн т было доставлено морем, в том числе только около 7 млн т – на китайских судах. Эта ситуация сохранилась и в 2003 г., когда импорт нефти достиг 100 млн т, на 90% его обеспечили морские перевозки, а доля китайских судов не превысила 10%, причем на маршрутах из Ближнего Востока и Западной Африки и того меньше[3].

В настоящее время грузоподъемность китайских танкеров составляет всего 5,2 млн т, или всего 2,6% грузоподъемности мирового танкерного флота, причем значительную их часть составляют небольшие и старые суда. В КНР ставится задача довести долю отечественных судов в морских перевозках нефти в перспективе до 50%. Эксперты не уверены в выполнимости этой задачи с учетом длительности строительства крупных океанских танкеров, а также в связи с отсутствием свободных производственных мощностей на основных китайских судостроительных верфях и очень высоким объемом требуемых инвестиций. Но главные сомнения возникают относительно целесообразности затраты огромных средств на строительство мощного танкерного флота при наличии больших избыточных емкостей нефтеналивных судов в мире и возможности их сравнительно дешевой закупки или фрахта.

Защита морских коммуникаций немыслима без наличия сильного военно-морского флота, поэтому с проблемой морских перевозок также связана и общая проблема отсталости флота КНР. В представленном исследовании данный вопрос рассмотрен с трех позиций: *во-первых*, это цели модернизации военно-морского флота (ВМФ) Китая; *во-вторых*, сопоставление попыток модернизации ВМФ КНР с возможностями военно-морских сил США; и, наконец, *в-третьих*, анализ потенциальной напряженности в связи с этим между Китаем и Соединенными Штатами.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Вторую главу, по сути, можно представить как самостоятельное исследование региональных аспектов энергетической политики КНР, аналогов которому на сегодняшний день не существует. С учетом общей специфики исследования авторы делают акцент на анализе энергетической политики в рамках того или иного морского бассейна: Индийский океан, Восточно-Китайское море, Южно-Китайское море. Так, в Восточно-Китайском море имеет место спор с Японией по поводу государственной принадлежности острова Дяоюйдао, близ которого обнаружены залежи нефти[4]. Китай претендует на 550 тыс. кв. км из общей площади морской акватории в 770 тыс. кв. км. Япония заявляет претензии на 160 тыс. кв. км, которые Китай считает своей акваторией. В Южно-Китайском море значительными и частично освоенными месторождениями нефти и газа располагает акватория архипелага Наньша (Спратли), на обладание которым претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия, не считая Тайваня. Здесь спорными Китай считает 1,2 млн кв. км[5]. Наличие морских территориальных споров делает еще более необходимым развитие ВМФ КНР. Авторы исследования анализируют возможные масштабы такого развития.

Не остаются незамеченными столь важные направления энергетической политики Китая, как отношения с Ближним Востоком (Саудовская Аравия, Иран), Центральной Азией и Россией и энергетический компонент африканской стратегии КНР. Здесь наблюдается некое несоответствие: глава по региональным аспектам энергетической политики – самая сильная во всем исследовании, тема которого при этом заявлена как энерге-

тическая стратегия Китая и ее влияние на политику морской безопасности. Многие региональные направления энергетической политики КНР не имеют отношения собственно к морской стратегии, поскольку затрагивают отношения в рамках континента, как, например, отношения Китая и стран Центральной Азии или Китая и России. Дело в том, что комплексный подход, положенный в основу исследования, позволяет рассматривать даже такие косвенные связи. Так, стремление Китая развивать энергетический диалог со странами Центральной Азии и Россией во многом объясняется необходимостью диверсифицировать источники поставок энергоресурсов, что в свою очередь вызвано проблемами их транспортировки морским путем.

Без внимания остается энергетическая политика КНР в Латинской Америке (Венесуэла, Аргентина, Бразилия и др.), что представляется не вполне оправданным. *Во-первых*, присутствие КНР в Латинской Америке нарастает. Так, согласно настоящим договоренностям между Пекином и Каракасом, экспорт нефти в Китай должен достигнуть 1 млн баррелей в день к 2011 г., что составит примерно 13% от потребностей китайского рынка сырой нефти. Некоторые эксперты говорят об энергетическом альянсе между КНР и Венесуэлой[6]. Кроме того, КНР пытается выстроить новые энергетические контакты с такими странами, как Аргентина и Бразилия. *Во-вторых*, доставка нефти из Латинской Америки в КНР связана с рядом трудностей, проанализировать которые было бы необходимо. Так, по оценкам российских специалистов, чтобы транспортировка нефти из Венесуэлы в Китай стала выгодной, необходимо использовать супертанкеры (с водоизмещением в 300 тыс. т, или 2,2 млн баррелей), которые по своим габаритам в разы превышают пропускные возможности Панамского канала, через который сегодня и осуществляются поставки нефти из Венесуэлы в Китай[7].

Выход данной монографии свидетельствует о том, что американское исследовательское сообщество уже вплотную подошло не только к анализу энергетической стратегии Китая как таковой, но и к исследованиям отдельных аспектов этой стратегии и ее влияния на такие самостоятельные сферы, как военная доктрина и морская стратегия КНР в рамках более глубокого комплексного подхода.

Став результатом систематизации знаний о морской политике КНР и об энергетическом факторе применительно к данной политике, рассматриваемое исследование открывает путь для более глубокого изучения стратегии энергетической безопасности не только Китая, но и других стран, столкнувшихся с вопросами обеспечения безопасности своих поставок энергоресурсов.

Примечания

[1] Бергер Я.М. Об энергетической стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*, 2004. № 3. С. 34.

[2] Phar Kim Beng. China mulls oil pipelines in Myanmar, Thailand, *Asia Times*, 2004, September 23, http://www.uofaweb.ualberta.ca/chinainstitute/nav03.cfm? nav03=46778 (последнее посещение – 10 декабря 2008 г.).

[3] China: full report. Energy Information Administration, http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/China/Full.html (последнее посещение – 10 декабря 2008 г.).

[4] Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР. Китай в мировой политике. Отв. ред.-сост. А.Д.Воскресенский. М.: РОССПЭН, 2001. С. 144–171.

[5] Бергер Я.М. Об энергетической стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*, 2004 г. № 3. С. 34.

[6] Сергеев Дмитрий. Энергетический альянс Пекин–Каракас. Чавес будет продавать нефть Китаю и уйдет с американского рынка. 2008, 1 октября, http://www.win.ru/latin/778.phtml (последнее посещение – 19 января 2009 г.).

[7] Кокшаров А.А. Революция и нефть, http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/31/revoluciya_i_neft/ (последнее посещение – 10 декабря 2008 г.).

Синовец П.А. Двуликий Янус, или теория ядерного сдерживания в XXI веке. – О.: Фенікс, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2008. 220 с.

Согласно представлению древних римлян, боги римского пантеона всесильны, всемогущи, подчас жестоки. Они могут вершить судьбы людей и мира в целом. Сравнение теории ядерного сдерживания с одним из богов древнеримской мифологии – Двуликим Янусом – не случайно. Как бы ни было парадоксальным, но теория ядерного сдерживания, подобно богу Янусу, также обладает двумя лицами: стратегическая стабильность и гонка вооружений.

Так что же принесло этому миру ядерное оружие – угрозу глобального уничтожения или избавление от этой угрозы? На этот нелегкий вопрос и пытается найти ответ П.А. Синовец, доцент кафедры международных отношений Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, выпускница Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2005 г., анализируя историю появления, эволюцию и трансформацию теории ядерного сдерживания в XXI в.

Зародившись в середине XX в., теория ядерного сдерживания претерпела ряд изменений и не раз подвергалась критике, оставалась при этом главным элементом предотвращения глобальной ядерной войны в период противостояния двух сверхдержав. Однако в изменившейся структуре международных отношений, в постбиполярном мире, основные положения этой теории далеко не всегда «применены к конфликтам иного рода – с участием более двух участников, расположенных в пределах одного региона, или в ситуациях, характеризующихся значительным дисбалансом обычных вооружений». В своей работе автор пытается выявить изменения и особенности, возникшие в XXI в., а также возможность практического применения этой теории к новым реалиям.

Как сама теория ядерного сдерживания претерпела изменения, так и ее составляющие не раз подвергались модификации. Основной слабой стороной теории всегда была проблема *убедительности угрозы возмездия*, т.е. «способность убедить противника, что какое-либо его действие может быть настолько неприемлемо для государства, что это повлечет за собой возможность применения силы». Это было характерно как для США, так и для СССР в период холодной войны, что во многом явилось причиной гонки вооружений. С окончанием холодной войны *проблема убедительности* не исчезла и все так же актуальна как для США, так и для России.

Для США одной немаловажной проблемой теории ядерного сдерживания в XXI в. является отсутствие четкой идентификации врага, в отличие от России, где в сознании большинства граждан и представителей военных кругов Соединенные Штаты до сих пор воспринимаются в качестве основного противника.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра Вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу http://pircenter.org/library

Достаточно сложно применить основные положения теории ядерного сдерживания и против такой проблемы международной безопасности, как международный терроризм и вероятность попадания ядерного оружия в руки террористов.

Еще одной причиной трансформации теории ядерного сдерживания в новом столетии является появление неофициальных ядерных государств – Израиля, Индии, Пакистана и Северной Кореи – и установление региональных систем ядерного сдерживания. Ведь теория ядерного сдерживания, работающая в период противостояния США и СССР, не может быть полностью применима к этим государствам ввиду их национальной и культурной специфики. Таким образом, две главы данной работы посвящены анализу региональных систем ядерного сдерживания – Индия–Пакистан и Израиль–Иран.

Особый интерес представляет попытка автора спрогнозировать развитие событий на Ближнем Востоке и представить тот вид, который может принять теория ядерного сдерживания в случае создания Ираном ядерного оружия. При этом для Израиля становится весьма *болезненным* вопрос *неприемлемого ущерба*, поскольку размеры территории и геополитическое положение государства делают его *страной одной бомбы* (когда одной бомбы достаточно, чтобы полностью уничтожить государство). Возможность поляризации конфликта путем получения гарантий безопасности со стороны третьего государства повлечет за собой еще большее осложнение ситуации на Ближнем Востоке.

Наибольшее развитие теория ядерного сдерживания получила в англо-саксонской политической мысли, поэтому данная работа в большей степени опирается именно на работы американских и английских исследователей. Кроме того, автор привлекает ряд отечественных исследований 1990-х гг. и начала XXI в.

Елена Гелескул

Деминцева Е.Б. Быть *арабом* во Франции. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Новое литературное обозрение, 2008. 180 с.

В современном мире все чаще усиливается взаимозависимость государств. Следуя за экономической выгодой, они открывают свои границы, подвергаются наплыву огромного количества иммигрантов, а также информационных потоков из других стран. В результате этого на данный момент практически каждое государство сталкивается со многими доселе незнакомыми проблемами интеграции и адаптации *новых граждан* к устоям и традициям *коренного* общества, сложившимся за века. По объективным причинам основной поток мигрантов идет из менее развитых стран, большую часть которых составляют мусульманские государства. В этом плане Франция не стала исключением, а скорее является достаточно печальным примером того, с какими проблемами может столкнуться общество, осуществляя недостаточно дальновидную миграционную политику (что на данный момент весьма актуально и для России).

В своей книге «Быть *арабом* во Франции» Е.Б. Деминцева, эксперт Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, провела подробный анализ жизни мусульманской общины во Франции. Необходимо заметить, что проблема мусульманских мигрантов уже на протяжении нескольких десятилетий стоит перед французским обществом, а после погромов весной 2005 г. стала известна всему мировому сообществу. Автор анализирует и детально изучает положение мигрантов второго поколения. Именно с их интеграцией во французское общество, приобщением к французскому образу жизни, принятием законов светского общества связаны основные проблемы. Важно отметить, что, согласно французскому законодательству, все они являются французами: во Франции нет деления по религиозному или национальному признакам. Каж-

дый человек, имеющий французское гражданство, прежде всего, француз и обладает всеми правами гражданина республики. Но так ли это на самом деле и являются ли (а главное, ощущают ли себя) французами представители второго поколения мигрантов – дети выходцев из стран Магриба, приехавших в середине XX в. по приглашению французского правительства в поисках лучшей жизни? Именно на этот вопрос пытается дать ответ автор данного исследования.

Автор не только опирается на работы других исследователей и ученых, но приводит личные наблюдения, опросы и интервью с представителями мусульманской общины. Немалое влияние на формирование изложенных в данной работе выводов оказали и собственные наблюдения автора за жизнью иммигрантов, как пишет Е.Б. Деминцева, «сделанные за рамками собственно исследовательской работы, в повседневной жизни».

Автор дает исторический обзор развития иммиграции из стран Магриба во Францию, уделяя при этом внимание тому, что сам арабский мир не является единым целым, каким видят его европейцы: «Называя поселившихся во Франции выходцев из разных стран Северной Африки общим термином *магрибинцы*, многие не задумываются над тем, насколько гетерогенна эта диаспора по своему происхождению».

Интересен тот факт, что при описании степени интегрированности мигрантов второго поколения автор использует гендерный подход и указывает на различную степень вовлеченности во французское общество молодых людей и девушек: «Несмотря на свое подчиненное положение в семье, они [девушки] гораздо больше, чем юноши, нацелены на интеграцию в западное общество», что естественным образом влияет и на отношение к ним коренных французов – «для французского общества они имеют отличный от остального магрибинского сообщества статус». Так, по мнению Е.Б. Деминцевой, молодые люди ассоциируются с «преступностью, торговлей наркотиками и другим криминалом», а девушки же, наоборот, «видятся жертвами своих семей».

В ходе исследования автор большое значение придает роли ислама в процессе интеграции и принятии французского образа жизни. Важным является не столько то, что мигранты и коренные жители исповедуют различные религии, а та роль, которую играет ислам в жизни мусульманского общества: в исламе нет деления на духовное и светское, он регламентирует все стороны человеческой жизни, а поэтому достаточно прочно входит в жизнь молодого поколения мигрантов, которые с детства воспитываются как мусульмане и даже в случае принятия ими устоев светского государства продолжают идентифицировать себя как мусульман.

Складывается впечатление, что автор при рассмотрении проблем взаимоотношений коренного населения и мигрантов занимает сторону последних, что представляется не вполне объективным, так как со стороны мигрантов по большей части просто нет желания принять и понять устои французского общества. Это связано, прежде всего, с тем, что даже на пособие по безработице во Франции эмигранты живут гораздо лучше, чем жили бы на родине, работая каждый день.

Противостояние внутри французского общества между коренными французами и иммигрантами и их потомками очевидно. По этой причине трудно не согласиться с мнением ряда политологов о том, что если в XX в. спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, то в XXI в. речь пойдет, прежде всего, о мирном сосуществовании между этническими группами внутри государства.

Дарья Золина

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1949–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.

Книга Е.Ю. Зубковой «Прибалтика и Кремль. 1949–1953» должна была появиться. Не может быть, чтобы в развитой современной России не было бы ученого, способного

кропотливо, пользуясь достижениями мировой науки и вне идеологических установок, разобраться в исторической ситуации и представить трезвый взгляд на тяжелую эпоху взаимоотношений Москвы и стран Балтии.

Автор, сотрудник Института российской истории РАН, определяет тему книги достаточно узко – как «историю принятия решений по советизации Прибалтики», но при этом перед нами комплексное исследование, речь в котором идет о многих аспектах драматической истории Латвии, Литвы и Эстонии и их отношений с Москвой на пике сталинизма.

Стремясь ответить на вопрос, почему и как действовала Москва в отношении региона, историк раскрывает логику и механизмы множества сложных сюжетов. 1940 г. – *технология поглощения* и первый год советизации: пакты о взаимопомощи, военные базы, *похищения* красноармейцев, ультиматумы, имитация *народных революций,* первая национализация, обязательная поставка сельхозпродукции, выборы *по советскому образцу* и депортация в июне 1941 г. Примечателен один из выводов: «Ни в Москве, ни тем более на местах не существовало ничего похожего на *master plan*» (с. 118). Выборы в новые советы, как и многое другое, проходили по кремлевскому сценарию, однако сам сценарий сочинялся буквально на ходу в зависимости от реальной ситуации (с. 90). Само решение о включении Прибалтики в состав СССР принято весной 1940 г., и ключевой фактор – изменение баланса сил на европейском театре войны. До этого речь шла о включении в *зону влияния*. Что же с нашумевшей полемикой об *оккупации*? Ответ автора: «Оккупация носит временный характер, а советская власть пришла *всерьез и надолго* – так начался перелом гораздо более ощутимый и драматический, чем любая *военная оккупация*» (с.101). Итог первого года выражен в горькой шутке латышского агронома Отто Эглайса: «Гитлер может пожаловать Сталину высший орден – ведь за 700 лет немцы не могли добиться дружбы латышей, а Сталин умудрился это сделать за год».

Повторная советизация 1944–1953 гг.: мягкий сценарий до 1947 г. сменился жесткой унификацией и силовой политикой вплоть до 1953 г. Трагедия коллективизации и новых депортаций, кадровая политика Кремля, *лесные братья* и борьба с ними – основные вопросы, которые исследует автор. Большим достоинством работы является изучение сложного социального и национального состава, структур и мотивов действий как прибалтийских коммунистов, так и их врагов – участников вооруженного сопротивления. Рассматривая период 1944–1953 гг., автор приходит к еще одному интересному выводу о том, что отношения между Москвой и странами Балтии можно рассматривать «не только как внутреннее дело СССР, но и как составляющую более общего процесса распространения советского влияния в постсоветской Европе» (с. 34).

«Прибалтика и Кремль» – строго историческая книга, написанная современным автором. Однако наверняка она наведет на многие размышления тех, кто действительно стремится открыть новую страницу истории России и ее отношений с соседями. В этом смысле будут интересны и другие книги, вышедшие в серии «История сталинизма»: «Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века», «Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни», «Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее», «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях».

Альберт Зульхарнеев

Benjamin Powell. Making Poor Nations Rich: Entrepreneurship and the Process of Economic Development, Stanford University Press, 2007. 440 p.

В условиях мирового финансового кризиса особую актуальность приобретают вопросы экономики и экономической политики. На фоне распространенных в последнее время заявлений о так называемой *смерти капитализма* и теории свободной рыночной экономики авторы недавней публикации из Independent Institute (США) заявляют о том, что принципы свободной рыночной экономики все так же являются необходимым условием

экономического роста, как и в 1776 г., когда Адам Смит выпустил свою книгу «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Обращаясь в основном к политикам, ответственным за экономический рост в развивающемся мире, Бенжамин Пауэл собрал основательную коллекцию работ, составляющих современное «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором авторами представлена исчерпывающая картина удачного экономического развития в странах, где имеются институты поддержки предпринимательства. Более того, они утверждают, что любая страна способна испытать стремительный и неограниченный экономический рост при условии наличия системы, позволяющей ее гражданам развивать свой предпринимательский потенциал.

Работа начинается со статей Мансура Олсона и Рэндела Холкомба, в которых дается критика концепций, формировавших экономическую политику на протяжении XX в. Авторы утверждают, что, ограничивая понимание экономического развития исключительно увеличением производства, полагая при этом, что такие механизмы как свободное передвижение капитала и рабочей силы равномерно распределят доход на душу населения, мы многое упускаем. Мансур Олсон приводит пример того, что при простом открытии границ для свободной торговли капитал и рабочая сила будут, как правило, двигаться в одном и том же направлении, т.е. из бедной страны в богатую. Он приходит к выводу, что только за счет появления таких сильных институтов, как право собственности, общество может воспользоваться преимуществами капиталоемкого метода производства, расширить границы кривой производственных возможностей и стимулировать благосостояние.

Рэндел Холкомб развивает тезис Мансура Олсона, предполагая, что рикардианская модель не способна объяснить феномен научно-технического прогресса. Он соглашается с утверждением Адама Смита, что разделение труда может быть ключевым стимулом экономического роста, притом что рост наиболее всего зависит от способности преобразовывать информацию и знания в новую экономическую деятельность. Рэндел Холкомб считает, что провал командных экономик в течение XX в. даже при значительных инвестициях в науку и развитие был неизбежен из-за отсутствия институтов стимулирования предпринимательской активности.

Вильям Баумол и Роберт Лоусон объяснили практическую значимость этих выводов для стимулирования экономического развития. Так, Роберт Лоусон демонстрирует способность институтов экономической свободы увеличивать средние доходы, экономический рост и ожидаемую среднюю продолжительность жизни.

В работе представлено множество различных примеров, подтверждающих универсальность и важность наличия таких институтов для развития экономики. Исследуя экономические системы Африки, Латинской Америки и Швеции, авторы раскрывают недальновидность создания институтов, препятствующих предпринимательской активности. Далее авторами представлен анализ причин экономического роста в таких странах, как Индия, Китай, Ирландия, Новая Зеландия и Ботсвана, позволяя прийти к выводу, что принципы свободной экономики и сильные институты, защищающие и стимулирующие предпринимательскую активность, являются необходимым условием для экономического роста.

Аргументы важности внедрения принципов свободного рынка в основу экономической политики, представленные в работе, достаточно убедительны. В то время как мировой финансовый кризис расширяется и проникает в секторы реальной экономики, те политики, что сегодня участвуют в восстановлении мировой экономической системы, должны помнить основные правила стимулирования экономической активности.

Сет Кинкейд

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **http://www.pircenter.org,** а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **http://pircenter.org/subscription**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 987-1915

FROM THE EDITOR

7 7

INTERVIEWS

11 **Sergey Ponomarev: "Our Main Undertaking Is to Ensure GLONASS Competitiveness."** In his interview with *Security Index*, Deputy Director of the Russian Federal Space Agency Sergey Ponomarev examines Russian space activities, including the prospects for both domestic development and international collaboration in the area of space technologies. Moreover, he pays particular attention to the Global Navigation Satellite System GLONASS and the possibilities for its all-round use.

ANALYSES

21 **Roland Timerbaev, "On Paths toward a World without Nuclear Weapons."** Since the time when nuclear weapons were created many concrete plans have been developed for their elimination under international control, but not one of them has been realized. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary and Chairman of the PIR Center Executive Board Roland Timerbaev analyzes the reasons why nuclear weapons continue to exist, the possible paths towards nuclear disarmament, and the problems that must be solved if a world free of nuclear weapons is to be created.

25 **William Potter, "Prospects for U.S.-Russian Nuclear Nonproliferation Cooperation during a *Cold Peace*."** Since the dissolution of the Soviet Union, U.S.-Russian relations in the area of nuclear nonproliferation not only have not improved, but have lost their earlier stability. In the option of Prof. Potter, a world famous nonproliferation expert and new member of the PIR Center Executive Board, the current leaders of the United States and Russia could use the experience of close cooperation on nuclear issues during the Cold War period to improve their cooperation today. He sets forth a list of practical recommendations in his article.

41 **Alexander Plugarev, "The Destruction of Chemical Weapons: Will Russia and the United States Fulfill their Obligations by 2012?"** If the two largest possessors of chemicals weapons stockpiles fail to fulfill the requirements of the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons, it could seriously impact the Convention's authority and lead to a significant deterioration of control over chemical weapons in the 21st century. As a result of his internship in PIR Center, the junior Russian researcher examines U.S. and Russian prospects in the race for chemical disarmament and possible future development scenarios.

55 **Eldar Kasaev, "Iraq: Investment Climate and Interests of Russia."** The Russian expert gives a comprehensive view of the legal, political and economic aspects of investment climate in Iraq and tries to figure out whether the Russian companies can find their niche on the Iraqi market. The article contains a set of valuable recommendations for potential investors in this Middle East country.

69 **"The Program for the Development of Forward-Based U.S. Ballistic Missile Defense System: Technological Aspects and Possible Political Reactions."** The global system of strategic stability depends in large part on the capabilities of the leading states' strategic nuclear forces and missile defense systems. What will the consequences of basing elements of the American missile defense system in eastern Europe be for strategic stability, and what might Russia's political reaction be? This article summarizes the results of a situational analysis undertaken by the Institute of International Relations at the Moscow Engineering Physics Institute.

83 VIEWPOINTS

Georgy Toloraya and Vladimir Khrustalev, "The Future of North Korea: Should we be expecting *the end*?" For two decades the question of North Korea's future has been the subject of discussions at hundreds of conferences, in academic publications, as well as in the media. Since the late 1980s the predominating opinion has been that the current North Korean political system is historically doomed. To what extent is this view correct, and what are the short- and long-term prospects for the development of North Korean society? The two Russian experts raise these questions in their discussion, and also turn to the question of Russia's possible role in the
95 future of North Korea.

COMMENTARY

Irina Zueva, "Dŭja Vu, or a Balkan Anniversary Tradition." Those who do not learn the lessons of history are doomed to repeat it. The author draws parallels between events that occurred in the Balkans a century apart: the annexation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary in the summer of 1908 and the unilateral proclamation of Kosovar independence in February 2008. In the author's opinion, despite the differences in time and terminology these events have similar bases and political consequences.

Jonathan Fanton, "Non-Governmental Organizations and U.S.-Russian
105 **Relations."** The President of the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Jonathan F. Fanton examines the role of non-governmental actors in international relations. He explains, in particular, the goals and tasks of the MacArthur Foundation and its role in U.S.-Russian relations.

REVIEWS OF RECENT WORLD EVENTS: NOVEMBER 2008 – JANUARY 2009

111 **Albert Zulkharneev, "The *iSi* index in November 2008-January 2009: Variations in the Period of Anticipation."** – The current global economic crisis, war in the Middle East, escalation of the situation in South Asia, and alarmed expec-

tations of incomprehensible changes at a time of symbolic meetings with promising, yet to date futile, declarations and statements are influencing the course of international security. Members of the International Expert Group – Marian **Abisheva**,
113 Konstantin **Eggert**, Dayan **Jayatilleka,** Abdulaziz **Sager**, and Yevgeny **Satanovsky** – comment the events.

114 **Yury Fedorov, A View by a *Russian Liberal*: "Global Politics is Entering a New Phase." –** "The present crisis, as in the past, is both the forerunner and the prerequisite for a new scientific and technical revolution (STR), with the corresponding rejuvenation of the means of production and the financial system that serves it, the banking sector first and foremost. It will occur at the beginning of the next decade in technologically developed countries, and will be comparable in terms of scale and consequences to the most recent STR, which occurred at the turn of the 1980s and
117 1990s as a result of the development and broad adoption of information and computer technologies."

Dmitry Evstafiev, A View by a *Russian Conservative*: "World Politics in Time of Uncertainty." – "The drastic increase in uncertainty in the system of international relations that we have been witnessing over the past six months is a consequence of the emergence of real multipolarity, including in military and political sphere and resources. This in itself results in that the actions of the significant players in international relations no longer fall under conventional models and templates. This is why we no longer understand what is going on, whereas in reality we simply do not know the models and principles along which the new world is developing."

133
H I S T O R I C A L P A G E S

Elena Geleskul, "Libya's Nuclear Program: Failure Factors." In her historical review, PIR Center intern Elena Geleskul focuses on various aspects of the Libyan nuclear program, open and hidden sources of support to the Gaddafi regime in development of its nuclear energy capacity, and the lessons learned by the international community.

L I B R A R Y

145 **Gennagy Evstafiev, "Learning from History: The West and Pakistan's Nuclear Weapons." – "**The appearance of this fundamental book with its characteristic title is no accident. Pakistan's domestic political developments have led to a steady increase in the instability of this nuclear state. With the resignation of General Pervez Musharraf, the trend appears even more alarming," – PIR Center's Senior Adviser lt.-gen. (retired) Gennady Evstafiev reviews the book by Adrian Levy and Catherine Scott-Clark devoted to the relations between Pakistan and the United States and the global nuclear weapons conspiracy.

153
Evgeny Petelin, "Energy on the Brink of War and Peace." – "What is the significance of energy in the formation of Chinese military doctrine? How does the PRC's energy vulnerability influence the modernization of its army? As this monograph attests, the American research community has not just already begun to analyze China's energy strategy seriously in and of itself, but has also turned to the detailed examination of individual aspects of this strategy and its influence on other, separate areas like military doctrine and China's naval strategy," – writes PIR Center expert
157 Evgeny Petelin who reviews the book on the China's energy strategy and its impact on Beijing's maritime policies.

B O O K R E V I E W S

Elena Geleskul, Darya Zolina, Albert Zulkharneev, and Seth Kinkade – PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

161 L E T T E R T O T H E E D I T O R

Natalia Kalinina, "The *H-hour* has arrived for the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons."

S U M M A R Y

167

A B O U T T H E A U T H O R S

173

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

177

F I N A L Q U O T E S

183 **On money**

186

187

197

Cov. III

Гелескул Елена Сергеевна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. Стажер ПИР-Центра. В 2007 г. окончила факультет гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), специальность «регионоведение». В 2006 и 2007 гг. принимала участие в Международной летней школе по нераспространению Томского государственного университета. Выпускник Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2008 г. Сфера научных интересов: режим ядерного нераспространения и международная безопасность. Тема диссертации «Европейские программы помощи России в области режима нераспространения». Адрес электронной почты: *geleskul@pircenter.org*

Гуща Александр Иванович – полковник, доцент кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Окончил Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище (командно-инженерный факультет) в 1983 г., Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского (военно-космический факультет) в 1994 г., адъюнктуру на кафедре стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ в 2001 г. Канд. военных наук. Автор более 70 научных трудов, среди которых «Противоракетная оборона США как дестабилизирующий фактор и возможные пути ее нейтрализации», «Проблемы противоракетной обороны и ведения военной деятельности в воздушно-космическом пространстве» и «Перспективные направления использования Соединенными Штатами Америки космического пространства». Адрес электронной почты: *guscha@yandex.ru*

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, №1), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, №1), «Разоружение возвращается» (*Индекс Безопасности,* 2007, №2). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: *evstafiev@pircenter.org*

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – вице-президент ЗАО *Компания развития общественных связей* (*КРОС*). С отличием окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (*КРОС*), а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Зуева Ирина Викторовна в1990 г. окончила исторический факультет МГУ на кафедре новой и новейшей истории. С 1996 г. живет и работает в Белграде.

Зульхарнеев Альберт Фархатович – координатор образовательных проектов ПИР-Центра, руководитель проекта «Индекс международной безопасности *iSi*» ПИР-Центра, аспирант Государственного университета Высшая школа экономики. В 2007 г. с отличием окончил магистратуру исторического факультета Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия). Слушатель магистратуры факультета международных отношений Уральского государственного университета. В 2003–2005 гг. принимал участие в международных курсах персидского языка и литературы. Осенью 2004 г. принимал участие в лекционном курсе ПИР-Центра «Ядерное нераспространение: политические и правовые аспекты», организованном на базе УрГУ. В 2007 г. прошел стажировку в ПИР-Центре. Адрес электронной почты: *zulkharneev@pircenter.org*

Касаев Эльдар Османович – юрист-международник. В 2008 г. окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России. Автор более 50 научно-аналитических работ по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российских компаний в ТЭК государств БВСА (Ирана, Ирака, Катара, Кувейта, Алжира, Ливии). В 2006 г. проводил научно-исследовательскую работу по теме: «Анализ политических, экономических и правовых рисков в ряде стран БВСА» для ОАО *Роснефть*. Адрес электронной почты: *eldar_karach@mail.ru*

Колдобский Александр Борисович – канд. физ.-мат. наук, заместитель директора Института международных отношений Московского инженерно-физического института. После окончания МИФИ в 1971 г. работал в советской ядерной индустрии, затем в МИФИ – на научно-исследовательской и преподавательской работе. Сферы научных интересов: ядерная и радиационная физика, ядерная техника и энергетика, ядерная и радиационная безопасность, экология ядерной отрасли, ядерно-топливный цикл и проблемы нераспространения ядерного оружия. Автор свыше 150 публикаций по данной проблематике и ряда научно-популярных книг и статей. Лектор Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2007 и 2008 гг.). Адрес электронной почты: *koldobski@mtu-net.ru*

Леонов Дмитрий Валентинович – старший преподаватель кафедры международных отношений Института международных отношений Московского инженерно-физического института. В 2005 г. окончил Московский инженерно-физический институт, специализация – международное научно-технологическое сотрудничество.

Макаров Андрей Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры международных отношений Института международных отношений Московского инженерно-физического института. В 1975 г. окончил историческое отделение Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1985 г. – Дипломатическую академию МИД СССР. В 1985 г. за-

щитил кандидатскую диссертацию по теме «Внешнеполитический механизм КНР в начале 1980-х годов». В 1979–1983 и 1987–1991 гг. работал в посольстве СССР в КНР. С 1994 г. работает в Издательском доме *Коммерсантъ*.

Николаев Денис Михайлович – старший преподаватель кафедры международных отношений Института международных отношений Московского инженерно-физического института. В 2005 г. окончил Московский инженерно-физический институт, специализация – международное научно-технологическое сотрудничество.

Петелин Евгений Николаевич – аспирант Института Дальнего Востока РАН, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*. Выпускник Института истории и политических наук Тюменского государственного университета (специальность: «Международные отношения»). В период с января по июль 2008 г. являлся стажером ПИР-Центра. Участник ряда конференций и школ по вопросам международной безопасности и КНР в международных отношениях. Выпускник Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2008 г. Сфера научных интересов: энергетическая политика Китая, интеграционные процессы в АТР в сфере энергетической безопасности. Адрес электронной почты: *petelin@pircenter.org*

Плугарев Александр Владимирович – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики РФ при МГИМО (У) МИД РФ. Диссертация посвящена международным аспектам выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия в 1997–2007 гг. Выпускник отделения международных отношений факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. Стажер ПИР-Центра в марте–июле 2008 г. В сферу научных интересов входят: химическое оружие; реализация Конвенции о запрещении химического оружия, международные аспекты выполнения Россией обязательств по уничтожению химического оружия. Адрес электронной почты: *nightgust@gmail.com*

Пономарев Сергей Алексеевич – заместитель руководителя Федерального космического агентства РФ. В 1976 г. окончил Серпуховское высшее военное командное училище. В 1987 г. – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. С 1976 по 2006 г. проходил службу на различных должностях в ракетных войсках стратегического назначения. С августа 2006 г. по февраль 2008 г. работал в Федеральном космическом агентстве начальником Сводного управления организации космической деятельности. Автор ряда научных статей. Награжден орденами «Красной Звезды», «За военные заслуги», «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Поттер Уильям – директор Центра исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина в Монтерейском институте международных исследований (Калифорния, США), занимает почетную должность профессора по исследованию проблем нераспространения, учрежденную сенаторами Сэмом Нанном и Ричардом Лугаром. Также возглавляет Центр исследования России и Евразии при Монтерейском институте. В 1969 г. окончил Южно-Иллинойский университет. В 1970 г. получил степень магистра и в 1976 г. – доктора философии в Мичиганском университете. Является членом Совета по международным отношениям Тихоокеанского совета по внешней политике и Международного института стратегических исследований, правления института ООН по изучению проблем нераспространения, совместной рабочей группы по ядерному нераспространению Национальной академии наук США и Российской академии наук, Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. В течение пяти лет являлся советником Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Являлся советником делегации Киргизии на конференциях по рассмотрению действия ДНЯО в 1995, 2000, 2005 гг. Занимается проблемами нераспространения на постсоветском пространстве. Его статьи и работы опубликованы в более чем 80 книгах и журналах. В числе его работ: «Nuclear Profiles of the Soviet Successor States» (1993), «Soviet Decisionmaking for Chernobyl: An Analysis of System Performance and Policy Change» (1990) и «Nuclear Power and Nonproliferation: An Interdisciplinary Perspective» (1982). Адрес электронной почты: *wpotter@miis.edu*

Ромашкина Наталия Петровна – к.п.н., старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончила Московский авиационный институт (МАИ) им. Серго Орджоникидзе. Прошла обучение на курсах по нераспространению ракетно-ядерных вооружений ПИР-Центра в 2001 г., на курсах по проблемам международной безопасности Европейского центра изучения вопросов безопасности им. Дж. Маршалла в 2004 г. Работала в ЦКБ *Алмаз*, Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) РАН, Московском Центре Карнеги. Автор монографий «Северная Корея и Иран в новой системе международных военно-политических отношений: ядерный фактор» на русском и английском языках (2007 г.) и «Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений» (2008 г.), а также научных статей по данной тематике. Адрес электронной почты: *romachkinan@yandex.ru*

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), председатель Совета ПИР-Центра. Президент ПИР-Центра в 1995–1998 гг., консультант ПИР-Центра. После окончания МГИМО МИД СССР в 1949 г. более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. Последней его должностью на дипломатической службе (1988–1992 гг.) был пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. В качестве сотрудника министерства принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и проч. Доктор исторических наук, профессор. В числе его работ: «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «International Cooperation in Nuclear Safety» (1999), учебник «Ядерное нераспространение» (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005). Автор многочисленных публикаций в журнале *Индекс Безопасности* (*Ядерный Контроль*). Адрес электронной почты: *timerbaev@pircenter.org*

Толорая Георгий Давидович – докт. экон. наук, профессор востоковедения, руководитель Управления региональных программ Фонда «Русский мир», главный научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, ведущий научный сотрудник-совместитель ИМЭМО РАН. В 1978 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1978 по 1980 г. и с 1984 по 1987 г. работал в качестве сотрудника Торгового представительства СССР в КНДР. В период с 1980 по 1990 г. был младшим научным сотрудником и научным сотрудником ИЭМСС АН СССР. С 1981 г. преподавал в МГИМО. С 1990 по 1991 г. ответственный секретарь Советско-южнокорейского совета по экономическому сотрудничеству Торгово-промышленной палаты СССР. С 1991 г. работал заведующим отделом Кореи МИД РФ (1991–1993), советником-посланником Посольства РФ в Республике Корея (1993–1998), заместителем директора Первого департамента Азии МИД РФ (1998–2003), генеральным консулом РФ в Сиднее (2003–2007). Гость-исследователь Института Брукинса (Вашингтон, 2007–2008). Издано около 100 работ (в России, США, Республике Корея, Китае, Японии, Австралии и др.) по экономике и политике Северо-Восточной Азии, проблемам Корейского полуострова, в том числе: «Республика Корея»; «Очерки экономики Республики Корея» (совместно с М. Тригубенко); «Политические системы государств Корейского полуострова» и др. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника.

Тулинов Борис Михайлович – канд. физ.-мат. наук, директор Института международных отношений Московского инженерно-физического института, декан гуманитарного факультета МИФИ, профессор кафедры международных отношений. Окончил МИФИ в 1971 г. Получил дополнительное образование по философии, экономике и технологическому бизнесу. Занимался научной и преподавательской деятельностью в МИФИ,

в том числе в области научно-технических проблем нераспространения и ядерной энергетики. Был руководителем ряда международных научных и образовательных проектов. В 1999 г. организовал в МИФИ Институт международных отношений по подготовке специалистов-международников в области международного научно-технологического сотрудничества.

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. К.и.н., профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра.* 2001, №16), «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, №4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, №4) и другие. Адрес электронной почты: *yufedorov@rambler.ru*

Фэнтон Джонатан – президент Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. Получил степень бакалавра Йельского университета в 1965 г., степень магистра философии в 1977 г. и доктора наук в области американской истории в 1978 г. Преподавал историю США в Йельском университете, с 1970 по 1973 г. занимал должность специального помощника ректора Кингмана Брюйстера, а с 1976 по 1978 г. – проректора. С 1978 по 1982 г. работал на посту проректора по планированию Университета Чикаго. Является членом Совета директоров *Хьюман Райтс Уотч*. Автор книги «Университеты и гражданское общество».

Хрусталев Владимир Владимирович – ведущий специалист по проектам Центра международных исследований Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского. Аспирант МГУ им. адм. Г.И. Невельского. В 2005 г. окончил отделение биохимии и биотехнологий Академии экологии, морской биологии и биотехнологий Дальневосточного государственного университета по специальности «биохимия». Сфера научных интересов: проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии, современные локальные войны и вооруженные конфликты, предотвращение вооруженных конфликтов, оружие массового уничтожения и средства его доставки, миротворческая деятельность неправительственных организаций, территориальные споры. Адрес электронной почты: *Hrustal.Vladimir@gmail.com*

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 31 декабря 2008 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник, Программа международной безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира (PRIO), Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., консультант, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, ЗАО *Компания развития общественных связей*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружениями, посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий, отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., заместитель директора, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *BBC,* Москва, Россия

АБОНЕМЕНТ на газету / **журнал**

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания) | количество комплектов:

на 2009 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на газету / **журнал**

ПВ	место	литер

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои-мость	подписки переадресовки	руб. коп. руб. коп.	количество комплектов:	

на 2009 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)